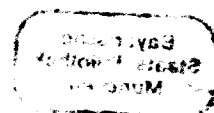

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. Дониша

Б. И. Искандаров

БУХАРА

(1918 — 1920 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДОНИШ»
Душанбе — 1970

17

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук
В. А. Козачковский

Bayrische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, явилась мощным толчком для подъема национально-освободительного движения народов стран, являвшихся колониями и полуколониями царского самодержавия.

К таким народам относились и трудящиеся Средней Азии. В течение более полувека трудовые массы таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов беспощадно эксплуатировались российскими капиталистами. И только утверждение пролетарской диктатуры в России дало возможность этим народам выйти на путь независимости, социального и национального освобождения.

Гений В. И. Ленина, героическая деятельность созданной им Коммунистической партии осветили трудящимся массам Средней Азии путь к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Но путь этот не был легок. Переход от феодального строя к социалистическому потребовал от народов Средней Азии величайшего напряжения сил, преодоления огромных трудностей.

Особенно сложным оказался некапиталистический путь развития таджикского народа.

Разобщенный отдельными владениями, таджикский народ не одновременно сбросил со своих плеч иго эксплуататоров. В течение трех лет (с 1917 по 1920) основная масса трудящихся таджиков продолжала находиться под ярмом эмпрской власти, и только Сентябрьская народная революция в Бухаре, в 1920 г. покончила с вековой эксплуатацией трудящихся Таджикистана.

Период от установления Советской власти в Туркестане и до победы народной революции в Бухаре наполнен событиями большой исторической важности. Подготовке Бухарской революции, роли в ее проведении Коммунистической партии и Со-

ветского правительства во главе с В. И. Лениным, той помощи, которую оказал трудящимся Таджикистана российский пролетариат, и посвящена настоящая работа.

При ее написании автор руководствовался бессмертными трудами классиков марксизма-ленинизма, решениями Коммунистической партии и Советского правительства, работами выдающихся деятелей КПСС и Советского государства.

В исследовании использованы также ранее вышедшие в печати работы советских историков, посвященные данной теме, а также некоторые работы зарубежных ученых.

Помимо опубликованных источников, в книге содержится много неопубликованного материала, почерпнутого в архивах Москвы, Ташкента, Душанбе.

Читатель настоящей работы найдет в ней ряд сведений, не известных ему из опубликованных ранее исследований.

Автор выражает надежду, что работа окажется полезной всем тем, кто интересуется вопросами истории нашей многонациональной Родины, первой в мире проложившей путь к социализму.

Огромнейшую помощь в разработке данной темы оказали документы, исходившие от верных учеников и соратников Ленина — М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, возглавлявших Революционный Военный Совет Туркестанского фронта и казавшие миссию ВЦИК по делам Туркестана.

Последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, исправляя отдельные ошибки, допущенные большевиками Туркестана, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев сыграли выдающуюся роль в ликвидации контрреволюционных сил в Средней Азии и в освобождении народов Бухары от власти эмира и гнета чужеземных поработителей.

Приказы М. В. Фрунзе, как командующего Туркестанским фронтом, связанные с его военной деятельностью в Средней Азии, вошли в документальный сборник «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» (М., 1941). Собранные здесь материалы о боевых действиях героической Красной Армии служат надежным источником, позволяющим установить важную роль вооруженных сил Советского государства в успешной борьбе народов Бухары и трудящихся Туркестана за свое национальное и социальное освобождение. Особенно следует отметить приказ Революционного Военного Совета Туркестанского фронта от 23 октября 1919 г. в связи с вступлением советских войск на территорию Туркестана; приказ М. В. Фрунзе войскам Туркестанского фронта об оказании помощи народам Бухары, восставшим против эмира 28 августа 1920 г.; телеграмму М. В.

Фрунзе В. И. Ленину о взятии крепости Старая Бухара 2 сентября 1920 г. и др.

Партийная, государственная и дипломатическая деятельность М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева отражена в их многочисленных речах и выступлениях, в обращениях и воззваниях, в беседах и других документах опубликованных в периодической печати того периода. Таковы, например, обращение Турккомиссии от 28 июля 1920 г. за подписью т. Куйбышева ко всем организациям Коммунистической партии Туркестана, выступление т. Куйбышева на заседании общегородской партийной конференции в Ташкенте 12 января 1920 г. о происках английских империалистов и задачах большевиков Туркестана, обращение Турккомиссии весной 1920 г. о налаживании нормальных отношений с эмиром бухарским (возвращение орудий, увезенных из Бухары в марте 1918 г.). К таким же документам относятся: выступление т. Куйбышева 4 июля 1920 г. на встрече в Ташкенте с бухарским послом по пути его следования в Москву, речь т. Фрунзе на городской партийной конференции Ташкентской организации КПТ летом 1920 г., выступление т. Фрунзе 5 сентября 1920 г. на торжественном заседании представителей РСФСР, ЦК РКП(б) и Вухревкома, беседа т. Куйбышева 4 ноября 1920 г. с представителями печати о положении в Бухаре, выступление т. Куйбышева на площади Регистан в Бухаре осенью 1920 г. Все эти документы являются важнейшими источниками для изучения исследуемой темы.

Переходя к характеристике литературы по теме, являющейся предметом настоящей работы, следует отметить сравнительно малочисленность ее, а также недостаточное и не вполне удовлетворительное освещение ею вопросов истории борьбы Советского государства против эмирской Бухары, как очага английских империалистов и российской контрреволюции в Средней Азии в 1918—1920 гг.

Важнейшим фактором в подпитии изучения истории народов Средней Азии явилось создание советскими историками ряда ценных трудов по истории народов Средней Азии. В 1947 г. вышел второй том учебника по истории Узбекистана, в 1949 г. — монографическое исследование Б. Гафурова по истории таджикского народа с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Последнее издание этой книги вышло в 1955 г.¹

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. I. Изд. третье, исправленное и дополненное. Госполитиздат, М., 1955.

Среди первых опубликованных работ, посвященных Бухарской революции и дальнейшему социалистическому строительству в Бухаре, отметим научно-популярный очерк Б. Гафурова и Н. Прохорова «Падение Бухарского эмирата» (Сталинабад, 1940). Однако, ввиду популярности самого очерка, вопрос о роли эмирской Бухары, как очага английских интервентов и российской контрреволюции, не нашел здесь достаточно полного освещения.

Обращает на себя внимание также написанная теми же авторами книга «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины». (Сталинабад, 1944). Показывая героическую борьбу народов Таджикистана против своих угнетателей, авторы правильно решают основные положения, приводящие к ликвидации Бухарского эмирата в 1920 г.

Нешлохой работой является брошюра Д. Соловейчика — «Басмачество в Бухаре» (М., 1923). К этой брошюре примыкает статья того же автора «Революционная Бухара», помещенная в журнале «Новый Восток» за 1932 г., № 2.

В своей брошюре автор останавливается в общих чертах на характеристике эмирской Бухары до Октябрьской революции, в сжатом виде освещает период гражданской войны и иностранной интервенции в СССР и более подробно показывает причины возникновения басмачества в Восточной Бухаре. Эти же моменты находят отражение в упомянутой статье, с той разницей, что в ней уделено больше внимания установлению народного правительства и переходу власти в руки народов бывшего эмирата.

Характеризуя общее положение страны и роли эмирской Бухары, как очага внутренней и внешней контрреволюции, Д. Соловейчик допускает неточности как фактического, так и принципиального характера. Так, например, касаясь вопроса о восстании революционных масс в Бухаре, автор пишет: «Первым восстало 26 августа 1920 г. население г. Чарджуя. Захватив власть, революционеры под руководством Бухарской Коммунистической партии... и младобухарцев, двинулись на г. Бухару, которым овладели 29 августа. Это послужило сигналом к общему выступлению, и почти одновременно повстанцами были заняты Хатиртинское бекство, города Китаб, Шахрисабз и Карши. Западная Бухара была освобождена». (см. брошюру, стр. 12). Приведя неточную дату овладения Бухарой, которая была освобождена не 29 августа, а 2 сентября, автор игнорирует значение Красной Армии в победе трудящихся Бухары над своими вековыми врагами. В то же время автор не совсем

точно рисует младобухарцев, как руководителей революции. Между тем известно, что в революции решающую роль сыграла Бухарская Коммунистическая партия. Что же касается младобухарцев, то последние в основе своей были по существу реакционной силой и всячески стремились затормозить революционное движение в стране.

К недостаткам работ Д. Соловейчика следует отнести и то, что, наряду с правильной характеристикой участия крестьянских масс в революции, автор не уделяет должного внимания трудовым элементам города, роль которых в освобождении страны от власти эмира немаловажна.

Несмотря на отдельные недочеты, работы Д. Соловейчика в целом правильно освещают события, развернувшиеся в Бухаре в 1918—1920 гг. Этого нельзя сказать о брошюре О. Головацкого «Революция побеждает» (Ташкент, 1930). Совершенно не критически оценивая социально-экономический строй Бухары до революции, автор дает политически ошибочное определение движения бухарских джадидов, которые, якобы, стремились повернуть страну назад, к родовому строю. Между тем, это движение являлось ни чем иным, как национально-реформистской разновидностью движения либеральной буржуазии в России. Вот почему «джадиды и выступали впоследствии заклятыми врагами Октябрьской революции».¹ Столь же неверно излагает автор предпосылки революции в стране, слабо акцентирует внимание на контрреволюционной роли Бухарского эмирата.

Серьезной работой по истории борьбы с английской интервенцией в Средней Азии явилась книга С. П. Тимошкова «Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии (М., 1941). Название книги само свидетельствует о ее содержании.

В ней дается довольно подробное изложение событий в Закаспийской области в период гражданской войны.

Автор, подробно останавливаясь на истории разгрома интервентов и белогвардейцев в Закаспии и показывая роль эмирской Бухары, как одного из очагов контрреволюции в Средней Азии, освещает также и борьбу трудящихся с помощью Красной Армии против басмачества в Восточной Бухаре.

Из статей по интересующему нас вопросу, опубликованных в периодической печати, заслуживает наибольшего внимания статья комдива Клементьева «Бухарская операция».² Хотя она носит чисто военный характер и в ней описываются только боевые операции Красной Армии во главе с тт. Фрунзе и Куйбы-

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа... т. I, стр. 477, изд. 3-е.

² Военно-исторический журнал. № 10, 1940.

шевым по освобождению Бухары, тем не менее во вводной части значительное место уделено характеристике политического положения в стране. Автор правильно показывает контрреволюционную роль эмирской Бухары в период гражданской войны и иностранной интервенции в СССР: «В 1918 г. эмир бухарский совместно с русскими белогвардейцами и англичанами попытался выступить против Советской республики. Но первые же столкновения с Красной Армией показали тщетность подобных попыток...».¹ Однако в статье есть и некоторые неточные положения. Во-первых, автор упускает из вида революционные силы внутри Бухары (крестьянство и трудовые элементы города). Во-вторых, как и О. Головацкий, автор дает неверную оценку младобухарцам.

В послевоенный период был издан ряд крупных исследований, посвященных истории исследуемого в настоящей работе вопроса. Сюда относятся монографические работы А. И. Ишанова «Создание Бухарской Народной Советской Республики», (Ташкент, 1955) и «Бухарская Народная Советская Республика», (Ташкент, 1969), а также ряд статей того же автора.

В работах А. И. Ишанова раскрываются социально-экономические предпосылки революции в Бухаре, характеризуется общественно-политический строй БНСР, освещаются некоторые вопросы гражданской войны и мероприятия, подготовившие переход БНСР к социализму.

В 1957 г. в Душанбе издана работа А. В. Макашова «Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане». В ней содержится много интересного материала по истории Бухарской революции и развития БНСР.

Интересна книга Ю. Алескерова «Интервенция и гражданская война в Средней Азии» (Ташкент, 1959), в которой автор останавливается и на истории Бухарского эмирата 1918—1920 гг., раскрывает контрреволюционное содержание политики эмира, характеризует Бухару в 1918—1920 гг. как очаг контрреволюции в Средней Азии.

Значительный материал, относящийся к исследуемой в данной работе теме, содержится и в монографии М. Икрева «История гражданской войны в Таджикистане» (Душанбе, 1963). Важное значение для изучения истории победы Советской власти во всей Средней Азии и Казахстане, а также для изучения истории Бухарской революции имеет коллективный труд «Победа Советской власти в Средней Азии и в Казахстане», изданный в Ташкенте в 1967 г.

Ценный материал по истории Бухарской революции и истории развития БНСР, вплоть до преобразования ее в социалистическую республику, содержится в «Истории таджикского народа», «Истории Узбекской ССР», «Истории Туркменской ССР».

В 1967 г. в Ташкенте издан коллективный труд «История коммунистических организаций Средней Азии». В этой работе два раздела посвящены Бухаре. Они содержат много важного материала, довольно полно характеризующего процесс революционных преобразований в Бухаре.

Ряд работ, имеющих отношение к исследуемой нами теме, посвящен разоблачению прожектов иностранных империалистов в Средней Азии в период установления и упрочения Советской власти. Назовем две, имеющие непосредственное отношение к Бухаре: А. Х. Бабаходжаева «Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917—1920)» (Ташкент, 1955) и «Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке». (М., 1962). На широком историческом фоне автор раскрывает сущность Бухарского эмирата в рассматриваемый период, как оплота черносотенной реакции, пользующейся помощью и поддержкой зарубежных империалистов в борьбе против Советской власти.

Важным источником по данной теме являются воспоминания участников гражданской войны в Туркестане, главным образом в Закаспии. Эти воспоминания изданы отдельными сборниками либо опубликованы в периодической печати:

1. Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркменистане (т. I, вып. II, Ашхабад, 1937). В этом сборнике на конкретных фактах и примерах раскрывается тесная связь между эмиром бухарским и закаспийским контрреволюционным правительством, сообщаются некоторые эпизоды из периода столкновения между войсками Советского Туркестана и эмирской Бухарой весной 1918 г., документально подтверждается нахождение уже осенью 1918 г. английского консула в Бухаре и его роль в подготовке эмирата к нападению на страну Советов.

2. Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркестане. (Л. — Ашхабад, 1934). Здесь показывается роль казачьего полковника Зайцева, направлявшегося в конце 1917 и в начале 1918 гг. по заданию Дутова на помощь «кокандским автономистам»; подтверждается связь эмирской Бухары со штабом белогвардейских, а затем английских войск в Закаспии, куда приезжали представители эмира для переговоров о совместных выступлениях против Советского Туркестана весной 1919 г.; приводится письмо адмирала Колчака

¹ Военно-исторический журнал, № 10, 1940, стр. 70.

эмиру бухарскому о совместном наступлении на Советскую республику.

3. «Красная летопись», (№ 1—2, Ташкент, 1923). Здесь помещены по интересующему нас вопросу статьи — «Ашхабадский фронт», «Возникновение и ликвидация керкинских событий», а также воспоминания о Павле Герасимовиче Полторацком. В первой статье показываются переговоры между эмиром бухарским и английским генералом Мелессоном в Мешхеде (Северный Иран) о совместном наступлении весной 1919 г., подтверждается также то, что эмирская Бухара на основании полученной от англичан помощи решалась выставить 40-тысячное войско против Советского Туркестана. Во второй статье устанавливается факт сговора между эмирской Бухарой и белогвардейцами, затеявшими весной 1919 г. так называемый «керкинский конфликт» с целью захвата Чарджуя, а затем наступления на Самарканд. Воспоминание о П. Г. Полторацком посвящено деятельности этого прекрасного большевистского организатора по разоблачению тактики врагов и мобилизации народных масс на борьбу против возникших летом 1918 г. контрреволюционных мятежей в Закаспии.

Общим недочетом всех указанных материалов является то, что сообщаемые в них факты не всегда подтверждаются документами, а основаны лишь на воспоминаниях участников событий, которые в силу ряда причин не могут в полной мере отразить действительное положение вещей во всех подробностях. При пользовании этими воспоминаниями, как и вообще мемуарной литературой, следует иметь в виду, что они не могут заменить официальных источников и архивных материалов. К тому же в воспоминаниях, посвященных, главным образом, борьбе с закаспийской контрреволюцией, роль эмирской Бухары как очага английских интервентов и российских белогвардейцев освещена лишь в незначительной степени.

По истории Бухары дооктябрьского периода в советской литературе большой интерес представляет работа Б. Гафурова «История таджикского народа. В кратком изложении», т. I — с древнейших времен до Великой Октябрьской революции 1917 г. К ней непосредственно примыкает второй том учебника по истории Узбекистана. Обе эти книги правильно, с марксистских позиций освещают историю узбекского и таджикского народов до 1917 г. Из других трудов советских исследователей должны быть отмечены: монография А. А. Семенова «Очерки по земельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства», (Ташкент, 1924). и И. А. Ремеза «Внешняя торговля Бухары до мировой войны», (Ташкент, 1922). В них собра-

довольно ценный материал, характеризующий внутреннюю и внешнюю экономическую политику эмирата.

В дореволюционной литературе наиболее крупными являются работы: В. Крестовского «В гостях у эмира Бухарского», (СПб., 1887), И. Яворского «Путешествие русского посла по Бухаре и Афганистану» (т. I—II, СПб., 1882), С. Жуковского — «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие» (СПб., 1915), А. Губаревича-Радобыльского — «Экономический очерк Бухары и Тушиса», (СПб., 1905), Д. Логофета — «Страна бесправия», (СПб., 1909) и «Бухарское ханство под русским протекторатом», (т. I—II, СПб., 1911), В. Массальского — «Туркестанский край», (СПб., 1913), Покоотило — «Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г.», (Ташкент, 1888). Все эти работы, из которых некоторые носят публицистический характер, исходят из колониаторской политики царизма и русской буржуазии. Тем не менее собранный в них обширный фактический материал представляет значительный интерес для советских исследователей истории эмирата до 1917 г.

Большой и ценный материал по истории Бухары, начиная с дореволюционного периода, вплоть до свержения эмирата, содержится в книге родоначальника таджикской советской литературы и крупнейшего ученого Таджикистана Садриддина Айни — «Материалы по истории Бухарской революции» (М., 1926). Эта книга является важным пособием при исследовании вопроса о роли эмирской Бухары как очага английских интервентов и российской контрреволюции в 1918—1920 гг.

Таков далеко неполный круг источников по теме настоящей работы. В своей характеристике мы остановились лишь на наиболее крупных и главных из них. Всего при работе над данной темой использовано свыше 100 литературных работ и печатных источников, куда вошли монографические исследования, и популярные брошюры, статьи, воспоминания и публицистические очерки, документальные сборники и официальные справочники. Они хранятся во Всесоюзной библиотеке им. Ленина в Москве, в Госбиблиотеке им. Навои в Ташкенте и в Госбиблиотеке им. Фирдоуси в Душанбе.

Основным источником фактического материала для написания работы служили неопубликованные документы, хранящиеся в следующих государственных и партийных архивах Москвы, Ташкента и Душанбе:

1. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) в Москве.

2. Центральный государственный архив Советской Армии ЦГАСА (в Москве).

3. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

4. Центральный государственный исторический архив (ЦИА) УзССР в Ташкенте.

5. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) УзССР в Ташкенте.

6. Военный архив при Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Ташкенте.

7. Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана в Ташкенте.

8. Рукописный фонд Института истории партии при ЦК КП Узбекистана в Ташкенте.

9. Книжная палата УзССР в Ташкенте.

10. Центральный государственный архив Таджикской ССР в Душанбе.

Наиболее компактный материал, показывающий лицо эмирской Бухары в рассматриваемый нами период, сосредоточен в Центральном государственном архиве Узбекской ССР в Ташкенте (ЦГА УзССР). Он хранится, главным образом, в фонде № 17—Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской республики (ТуркЦИК). Данные этого фонда отражают экономическое и политическое положение Туркестанской республики в 1918—1920 гг.: взаимоотношения между правительством Советского Туркестана и правительством бухарского эмира, поведение сопредельных с Советским Туркестаном и эмирской Бухарой стран, в частности, Афганистана; наконец, деятельность гг. Фрунзе и Куйбышева, как представителей Комиссии ВЦИКа и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана в раз решении бухарской проблемы.

Документы фонда № 25 — Совнаркома Туркестана характеризуют, с одной стороны, мероприятия правительства Советского Туркестана по налаживанию торговых связей с эмирской Бухарой, а с другой стороны, — усиление экономической экспансии Англии в Бухаре, приведшей к упадку народного хозяйства страны и резкому обнищанию трудов масс бухарского народа. В фонде «Назирата по иностранным делам» (дд. 1—2, 9 и др.) имеются ценные сведения о тесном контакте, существовавшем между эмиром бухарским и эмиром афганским, в вопросе подготовки к военному нападению на Республику Советов, а также о всецелой поддержке со стороны Афганистана под влиянием империалистической Англии, движения басмачества в Средней Азии.

Богатым по своему содержанию является рукописный фонд Института истории партии при ЦК КП Узбекистана в Ташкенте. Он отражает не только положение Туркестана, но и сопредельных с ним государств, дает картину хозяйничанья англичан в эмирской Бухаре с целью превращения ее в плацдарм для осуществления интервенционистских планов на Советском Востоке, показывает борьбу бухарских коммунистов за мобилизацию трудящихся масс эмирата на свержение существующего строя. Чрезвычайно ценными являются материалы о роли М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева в осуществлении ленинской национальной политики в Туркестане и о их борьбе против великодержавных шовинистов и буржуазных националистов.

Основным материалом рукописного фонда Института истории партии при ЦК КП Узбекистана являются записанные рассказы непосредственных участников и руководителей борьбы за Советскую власть в Туркестане: Н. Хусайнова — «Воспоминания о деятельности бухарских коммунистов (большевиков) в период подполья» и др. В них сообщаются интересные данные о связях эмирской Бухары с белогвардейцами, о подготовке ее к нападению совместно с «кокандскими автономистами» на Советский Туркестан и о роли Красной Армии в борьбе трудящихся Бухары за освобождение от ига внутренних и внешних врагов. В воспоминаниях Хусайнова описывается возникновение Бухарской Коммунистической партии и ее работа по подготовке народных масс к свержению эмирата. Безусловную ценность представляют хранящиеся здесь воспоминания бывшего председателя Совнаркома Туркестанской Советской Республики Ф. И. Колесова — «Восстание в Бухаре». Приведенные им конкретные факты следует считать наиболее достоверными.

Наряду с указанными источниками мемуарного характера, в рукописном фонде Института истории партии при ЦК КП Узбекистана имеется ряд важных официальных документов, раскрывающих обстановку в Бухаре в 1918—1920 гг., деятельность контрреволюционеров и мероприятия большевистской партии и Советского правительства:

1. Приказы Революционного Военного Совета Туркестанского фронта (отражают в основном донесения и доклады М. В. Фрунзе правительству РСФСР о положении в Туркестане и сопредельных странах).

2. Информационные сводки Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана за 1920 г.

3. Отдельные доклады о работе подпольной партийной организации в Бухаре, в основном за 1920 г.

4. Отдельные информационные бюллетени о положении в Афганистане — за 1920 г.

5. Конституция Бухарской Народной Республики.

6. Журнал № 89 заседания Совнаркома Туркестанской Советской Республики от 11. XII. 1918 г., по вопросу о налаживании экономических связей с Бухарой.

7. Доклад полковника Зайцева войсковому атаману Оренбургского казачьего войска.

8. Доклад Бухарского бюро младобухарцев о работе в Бухарском ханстве за период с 25 июня по 10 июля 1920 г.

9. Письмо английского генерала Малессона на имя эмира Алим-хана осенью 1919 года.

10. Меморандум Алим-хана на имя Лиги наций от 15 апреля 1929 г. — «Война с большевиками».

Многочисленные материалы по теме работы находятся в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА) в Москве. Они сосредоточены в следующих фондах: № 110 — Управления армиями Туркестанского фронта; № 280793 — Штаба Туркестанских войск (бывшего штаба войск Туркестанской республики); № 286 — Самаркандско-бухарской группы войск и фонд № 4. В этих фондах содержатся боевые приказы, оперативные донесения, распоряжения и доклады военного командования, сведения о численном составе и дислокации вооруженных сил Туркестанской республики и частей Туркестанского фронта, личные указания М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева о развертывании работы среди местного населения в связи с призывом трудящихся мусульман Средней Азии в ряды Красной Армии. Особый интерес представляет донесение М. В. Фрунзе на имя В. И. Ленина о положении в Советском Туркестане до приезда туда Куйбышева и Фрунзе, а также о враждебном отношении к Советскому Туркестану со стороны правящих кругов сопредельных государств — Ирана, Афганистана, Бухары и Хивы, действовавших по указке английских империалистов и турецких националистов. Ряд документов, поступивших непосредственно из Бухары, характеризует положение эмирата и роль английских агентов в подготовке Бухары к войне против Советского Туркестана, а также отражают переговоры, которые велись между главарями ферганских басмачей и официальными представителями Англии в Кашгаре по вопросу о готовившемся наступлении объединенных сил интервентов и белогвардейцев весной 1920 г. Здесь, между прочим, имеется и письмо Колчака на имя бывшего российского консула Успенского и английского консула в Чугучаке об оказании срочной помощи эмирской Бухаре и ферган-

скому басмачеству. Наконец, следует отметить документы о Гиссарской экспедиции (наступление Красной Армии в В. Бухаре), о героической обороне Душанбе осенью 1920 — весной 1921 гг. и о возникновении басмачества в В. Бухаре.

В остальных архивохранилищах нет сколько-нибудь компактных материалов, относящихся к теме работы. Однако обнаруженные в них отдельные документы позволили восполнить некоторые пробелы, имеющиеся в основных архивных источниках. Таковы, например, материалы по вопросам о пропущенных английскими империалистами в Бухаре до Октябрьской революции, о военных столкновениях войск Советского Туркестана с войсками Бухары в 1918 и 1920 гг., а также об общем положении эмирата и бесправии трудящихся, найденные в фондах Центрального государственного исторического архива УзССР в Ташкенте и в Центральном государственном архиве Таджикской ССР в Душанбе. В Партархиве Института истории партии при ЦК КП Узбекистана выявлены документы, касающиеся деятельности М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева по руководству Бухарской Компартией и мобилизации народных масс на борьбу против эмирата.

Важным источником явилась большевистская печать того периода. Таковы газеты: «Правда» — орган ЦК и МК РКП(б) за 1918—1920 гг.; «Жизнь национальностей» — орган Народного Комиссариата по делам национальностей за 1918—1920 гг.; «Наша газета» — орган Ташсовета за 1918 г.; «Известия» — орган Крайкома КП Туркестана за 1919—1920 гг.; «Известия» Новобухарского исполкома за 1920 г. и др.

Так обстоит дело с архивными и другими неопубликованными источниками. В них, к сожалению, не в одинаковой степени всесторонне и полно отражаются все вопросы, связанные с темой работы. Достаточно сказать, что по истории возникновения Бухарской Компартии и ее роли в подготовке трудовых масс к свержению эмирата почти единственным документом пока что является упомянутая выше рукопись т. Хусанова, хранящаяся в рукописном фонде Института истории партии при ЦК КП Узбекистана в Ташкенте.

Собранные материалы, рассмотренные в свете марксистско-ленинского учения, позволяют сделать вывод, что:

1. Эмирская Бухара была одним из важных очагов английских интервентов и российской контрреволюции в их борьбе против Советского государства в 1918—1920 гг.;

2. Победа бухарского народа над своими угнетателями стала возможной лишь благодаря помощи со стороны русского пролетариата, руководимого партией Ленина.

ГЛАВА I

ЭМИРСКАЯ БУХАРА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В результате поражения бухарских войск в 1868 г. феодальное Бухарское ханство стало вассальным государством Российской империи. Договоры между эмирской Бухарой и царской Россией от 11 мая 1868 г. и от 28 сентября 1873 г. определили взаимоотношения между этими двумя странами.

Бухарское ханство, находившееся в стадии феодализма с азиатским деспотическим строем, после присоединения к России подпало под воздействие капиталистических отношений во всех областях экономической и политической жизни. Взаимная утрата территории Бухарский эмират при помощи царизма присоединил Шахрисябзское, Гиссарское, Кулябское, Западн-Памирское и другие бекства, расположенные в юго-восточных районах современного Таджикистана.

С присоединением Бухарского ханства к России границы эмирата стабилизировались: на севере — с Хивой и Аму-Дарьинским отделом Сыр-Дарьинской области; на востоке — с Самаркандской областью и Ферганой, на юге — с Афганистаном, на западе — с Закаспийской областью.

Население эмирата, по данным 1914 г., составляло 2700 тыс. человек, из них дехкан — 2460 тыс. чел.

В национальном отношении основную массу населения составляли узбеки, таджики и туркмены.

Одним из важнейших условий, обеспечивающих экономический контроль над Бухарой, являлось сохранение за царским правительством Самаркандской области с рекой Зеравшан имевшей для населения ханства жизненно важное значение как основного источника водоснабжения. С включением бассей-

на этой реки в пределы Русского Туркестана Бухара оказалась в прямом экономическом и политическом подчинении от царизма.

В связи со строительством в 1888 г. железнодорожной линии, связавшей Закаспийский край с Самаркандом, а затем — Ташкентом через наиболее освоенные территории Бухары, в стране произошло дальнейшее усиление влияния русского капитала. В результате торговый оборот между Бухарой и Россией резко увеличился.

Указывая на значение Закаспийской железной дороги, давшей громадный толчок развитию экономической жизни Туркестана в целом, В. И. Ленин писал: «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию».¹

С проведением железной дороги через владения Бухары началось усиленное вторжение царизма во все области жизни эмирата, что еще в большей степени поставило Бухару в зависимость от царской России. Одним из мероприятий по установлению фактического контроля царского правительства над Бухарой явилось учреждение в 1885 г. «Российского императорского политического агентства». Представляя собой официальный орган царской России, политическое агентство активно проводило в Бухаре политику царизма, выполняя указания как Петербурга, так и Ташкента. В задачу агентства, помимо фактического контроля над страной, входила также охрана интересов русских подданных, проживавших на территории эмирата.

В 80-х годах прошлого века начали появляться русские поселения в Бухаре вдоль железнодорожной линии, а также у речных пристаней. Позднее из русских поселений были созданы небольшие города: Новая Бухара (Каган), Чарджуй (Чарджоу), Керки и Патта-Гиссар. К 1915 г. в пределах эмирата уже насчитывалось 50 тыс. русских жителей.

С 1889 г. в таможенных пунктах и пограничных с Афганистаном районах (Патта-Гиссар, Сарай, Чубек и др.) были установлены посты русских войск.

С включением Бухарского эмирата в 1894 г. в русскую таможенную черту происходит дальнейшее превращение Бухары по существу во внутренний рынок Российской империи.

Важным средством экономического проникновения русского капитала в Бухару являлись земельные концессии на территории эмирата.

В 1908 г. Московский биржевой комитет отправил в бассейн Аму-Дарьи специальную экспедицию во главе с инженером Ер-

¹ В. И. Ленин. Полн. Собр. соч., т. 5, стр. 82.

моловым для составления плана орошения пустующих земель и передачи их отдельным концессионерам. Согласно отчету экспедиции, для орошения было намечено около 230 тыс. десятин земли. В течение 1912—1913 гг. с эмиром бухарским был заключен ряд договоров на концессию.

Так, например, инженер Анапьев заключил договор с эмиром бухарским на орошение 72,5 тыс. дес. земли в Ширабадской долине; князь Андронников — на 80 тыс. дес. земли в Каршинской степи; банкир Стаббо — на 10 тыс. дес. земли в Кабадианском бекстве и т. д.

За очень короткий период 1912—1914 гг. русские помещики и капиталисты сумели прибрать к рукам на территории Бухарского эмирата около 300 тыс. дес. земли.¹

Согласно заключенным с эмиром бухарским договорам, а договоры заключались на 99—100 лет, концессионер имел право вступать в соглашение непосредственно с беком той или иной территории и по своему усмотрению мог даже выселять местных жителей.

Как правило, помимо пустующих земель, концессионеры включали в свои участки до 5% земли окрестных крестьян, которые не могли сопротивляться. Жалоба дехканина могла пойти не дальше бека.

Одновременно происходило дальнейшее проникновение русского капитала в экономику эмирата и вовлечение ее в сферу влияния Российской империи. Уже в 1894 г. открывается отделение Государственного банка в Н. Бухаре, а к 1915 г. — в столице Бухарского эмирата открывается 6 отделений частных банков с общей суммой 20 млн. рублей и довольно широкой сетью агентов.

К 1913 г. в эмирате насчитывалось 26 хлопкоочистительных заводов, из которых 19 принадлежали русской буржуазии, три — бухарскому правительству, т. е. эмиру, и только три — бухарским предпринимателям, в том числе один — бухарскому купцу Мираа-Мухиддин-Мансурову. Таким образом, 80% промышленных предприятий принадлежало русской буржуазии.

Всего на территории Бухарского эмирата в 1913 г. находилось 52 капиталистически организованных предприятия, учтенных справочниками и путеводителями по Средней Азии, не считая

¹ Следует отметить, что, несмотря на заключенные договоры и полученные дозвоительные грамоты на концессию, концессионеры каких-либо существенных мероприятий по освоению земель не осуществили. Отдельные строения, возведенные на концессионных участках, были уничтожены эмирскими чиновниками в марте 1918 г. во время военного столкновения Бухары с Советским Туркестаном.

тая железнодорожных мастерских в Чарджуе и мастерских Аму-Дарьинской флотилии. На этих предприятиях в общей сложности было занято во время сезона 3.480 рабочих, а во время перерыва — 509 рабочих.

Видное место в экономике Бухары занимала торговля. Бухара являлась поставщиком полуколонизального сырья, главным образом, хлопка.

Торговые и расчетные балансы Бухары складывались из ее оборотов с Индией, Персией, Китаем, Афганистаном, Хивой и некоторыми западноевропейскими и заокеанскими государствами, но самая крупная часть оставалась за Россией, что видно из следующих данных за 1911—1913 гг. (в тыс. руб.):

	Россия	Афганистан	Хива	Китай	Персия	Индия	Европа и зап.-азиат. гос-ва
Вывоз из Бухары	31255	100	1035	—	201	500	2295
Ввоз в Бухару	35344	866	100	1900	300	800	100
Общие обороты	66599	916	1135	1900	500	1300	2395
Торговый баланс	4089	766	935	1900	100	300	2195

Население Бухары нуждалось в льняных, пеньковых, джутовых изделиях. В Бухаре пользовались популярностью российские фабрики Баранова, Зубкова и Гиндурина, работавшие исключительно на бухарский рынок.

Большая потребность имела в фаянсовых, фарфоровых, металлических и других изделиях. В 1913 г. из России было отправлено в Бухару фаянсово-фарфоровых изделий 22,8 тыс. пудов на сумму 913 тыс. рублей. Железа (гвозди, проволока, трубы, посуда и др.) было отправлено в том же году 72 тыс. пудов на сумму 1008 тыс. рублей; кроме того, медных изделий было отправлено на сумму 75 тыс. рублей.

Видное место в импорте Бухары занимал хлеб. В том же 1913 г. Бухара получила 923 тыс. пудов хлеба на сумму 1.200 тыс. руб. Хлеб поступал в Бухару из центральных районов России, а также с Кавказа и из Туркестана.

Бухара экспортировала в Россию в основном хлопок и занимала по экспорту хлопка второе место (после Ферганской области), отправляя в среднем в Россию 2.450 тыс. пудов в год (15%).

Значительно увеличился экспорт каракуля. Если в середине XIX в. каракуля экспортировалось в среднем до 30 тыс.

¹ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны, Ташкент, 1922, стр. 45.

шкурки в год, то к 1911—1914 гг. экспорт каракуля в Россию доходил до 1.500 тыс. штук.

Временами имел место усиленный вывоз сырья из Бухары в западноевропейские страны. Так, например, «в 1913 г. Бухара дала на константинопольские и марсельские рынки до 50 тыс. пудов продуктов...»¹ Тогда же весь хлопковый жмых (до 80 тыс. пудов) был экспортирован через Батум и Либаву в Германию как корм для скота. Из общего количества шерсти около 50% (50 тыс. пудов) пошло в Англию и Америку. Овчинные шкуры были направлены в Германию. Коконцов и грены отправлено в 1913 г. в европейские страны до 40 тыс. пудов.²

Как уже отмечалось выше, главным поставщиком фабричных изделий в Бухару являлась Россия. В результате усиленного притока в Бухару изделий русской промышленности бухарское ткацкое производство сильно сократилось.

С присоединением Бухарского ханства к России начался процесс ликвидации замкнутости хозяйства Бухары и усилился товарообмен. Это чувствовалось особенно в западных районах эмирата. Лишь на крайнем востоке — на Памире, в Дарвазе и в некоторых других районах, ввиду их отдаленности и отсутствия удобных путей сообщения, торговля носила меновой характер и местами по-прежнему сохранялось натуральное хозяйство. «В Дарвазе денежной единицей служила тюбетейка (шапочка) ягод сушеного тута, заменявшего муку».³

Несмотря на специфические особенности Бухары в сравнении с русским Туркестаном, страна шла по пути развития торговли, расширения связей с Россией, что в конечном счете способствовало сближению населения эмирата с русским народом.

В тезисах к XII съезду РКП(б) по вопросу «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», относительно развития капитализма, его тенденции к интернационализации способа производства и хозяйственного сближения, подчеркивалось, что дальнейшее развитие капитализма еще больше усилило связи самых хитрообразных народов, связало узлами международного разделения труда и взаимной зависимости. «Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом про-

грессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства».¹

Следует подчеркнуть, однако, что закабаление Бухары царской Россией привело к тому, что трудящиеся Бухары оказались под двойным гнетом: царизма и Бухарского эмирата.

Стремясь полностью подчинить эмират, царское, а затем Временное буржуазное правительство все же, в ожидании более благоприятной обстановки, воздерживалось от окончательного присоединения эмирата к России.

Выражаясь словами таджикского писателя Айни, «в царские времена Бухара внешних сношений не имела, а во внутренних была вполне независима лишь в притеснении народа и поддержании его невежества».² И действительно, права эмира в области внешних сношений были ограничены, но царизм не вмешивался во внутреннее управление страны.

Выражая интересы духовенства, количество которого доходило до 40 тыс. человек, а также крупных феодалов, ростовщиков и других реакционных элементов, бухарский эмир с помощью царизма, а затем Временного правительства сумел сохранить средневековую форму правления, основанную на шариае и азиатском деспотизме.

Во главе эмирата стоял эмир, считавшийся главой светской и духовной власти. Ближайшими сотрудниками эмира были: кушбеги (премьер-министр), ведавший всеми административно-хозяйственными делами эмирата, и «нижний» кушбег, который ведал финансами эмирата и соответствовал министру финансов. Последнему подчинялись все лица, ведавшие финансовыми вопросами по бекствам, именовавшиеся диванбеги.

Ближайшим сотрудником эмира в судебных делах являлся кази-калян (верховный судья), которому подчинялись все нижестоящие судьи по бекствам, находившиеся на равных правах с беками. За верховным судьей шел раис (блюститель нравственности), в обязанности которого входили полицейские функции, а также надзор за исполнением шариата и контроль над базарными ценами.

Во главе войска стоял так называемый тончи-баши-и-ланкар (начальник войсковой артиллерии), которому подчинялись все роды оружия бухарской армии.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I, изд. седьмое, 1954, стр. 709.

² С. Айни. Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926, стр. 120.

¹ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары, стр. 15.

² См. там же, стр. 21.

³ А. Губаревич-Радобыльский. Экономический очерк Бухары в Туписа. СПб., 1905, стр. 105.

Во главе каждого бекства стоял бек. За ним шли амлякдары, бедавшие поземельно-податными участками и производившие сборы податей; затем аксакалы (сельские старосты) и др.

Для выполнения обязанностей полицейского характера и соблюдения порядка в ночное время служили наукеры (буквально — слуга) во главе с миршабом (владыка ночи), а в сельских местностях полицейская власть принадлежала доруга (начальнику района).

Бухарские чиновники в своем подавляющем большинстве определенного жалования от эмира не получали и жили за счет поборов с населения.

Земельные владения Бухарского эмирата делились на следующие основные категории: казенные (амлячные), эмирские (или султанские), церковные (вакуфные) и, наконец, частновладельческие (мюльковые).

«Две первые категории составляли две трети всех земель. Вакуфные земли по количеству занимали второе место, частновладельческих земель было немного и принадлежали они богатым баям и крупным чиновникам». ¹ Так, например, в Восточной Бухаре, по данным, приведенным Б. Гафуровым, эмирских земель было 12,1%, амлячных — 55,8%, вакуфных — 24,2%, мюльковых — не более 2—3%. ²

В условиях маловодья земли в Бухаре не хватало. Трудящиеся дехкане вынуждены были работать на небольших клочках амлячных или вакуфных земель в качестве издольщиков — ярымчи, чайрикер и т. д. При этом с них взималась громадная феодальная рента в различных ее формах.

В Бухаре вплоть до революции 1920 г. существовали основные формы феодальной ренты: отработочная (барщина) и оброк. Барщина существовала в форме хошаров. Бедняков сгоняли на участок амлякдара или другого крупного эмирского чиновника, где их заставляли безвозмездно работать на хозяев. Существовала также барщина в форме бегори — дехкан заставляли работать на постройках на очистке арыков и др. Наконец на дехкан возлагались в принудительном порядке мужевые повинности. Все это отнимало у них три четверти рабочего времени.

Наиболее распространенной формой оброка являлись многочисленные налоги, которые взимались с дехкан эмирским правительством. Самым значительным из них был земельный налог (харадж). Он взимался в размере от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ части урожая и определялся путем пробного обмолота. Когда наступала

жатва, амлякдар со своими чиновниками выезжал в поле и устанавливал «на глазок» количество имеющихся тананов земли и собранных батманов зерна. ¹

Как правило, харадж и другие налоги составляли 60% валового дохода дехканина, из которых 40% поступали в казну эмира, а 20% оставались в пользу эмирских чиновников. ²

Существовал также особый налог — кафсан — на содержание амлякдаров. Он взимался в размере полпуда зерна и 15 фунтов хлопка с каждого десяти батманов урожая. Кафсан взимался также в пользу амина (сборщика налогов), аксакала и прочих лиц администрации. К концу сбора урожая, как правило, у большинства дехкан едва оставалось зерно на семена.

Из других налогов наиболее важным был зякет, который взимался в размере $\frac{1}{40}$ стоимости обложенного товара, а также со скота. Зякет со скота в кочевых и полукочевых районах взимался или деньгами, или натурой — один баран или одна овца с 5 верблюдов, одна овца или коза с 40 овец и т. д. Один вид зякета (зякети-чакона) взимался также в пользу местного бека.

Кроме того, существовал налог аминана (верноподданнический), размером в 1,5% от стоимости товаров.

К числу торговых сборов относились также маклерские сборы (даллал), специальные пошлины (бодж) с товаров и вообще с грузов, перевозимых из одного бекства в другое. К этим сборам относился и налог за перевозку товаров на каюках через реку (супули), за базарные места (пули-тохта-джой) и т. д.

Сельское население платило особый налог (танан-пули) и налог с клеверных полей (алаф-пули). Затем был установлен особый налог — кош-пули — с каждой головы рабочего скота (кош), впрягаемого в плуг. Налог под названием як-сара взимался с пары голов лошадей или быков в размере одного батмана пшеницы. Тот, у кого была одна голова рабочего скота, платил лим-сара, т. е. половину. Налогами облагались водяные мельницы, крупорушки, пользовавшиеся водой из казенных арыков, и др.

Многочисленные тяжелые налоги и повинности разоряли дехканские, скотоводческие и городские полупролетарские массы. Этим пользовались богатые ростовщики, которые скупали у разоренных дехкан земли, превращая затем их бывших владельцев в издольщиков.

¹ Один танан составлял около 2500 кв. метров земли. Один батман — около 6 пудов.

² См. журнал «Средняя Азия», № 3, 1910, стр. 87.

¹ Б. Гафуров. История таджикского народа, т. 1, стр. 440.

² Там же.

Усиление налоговых повинностей, концентрация земельных богатств в руках ростовщиков и баев, усиление денежных стеснений в дехканских хозяйствах ускорили процесс дифференциации бухарского кшккала. На одном полюсе находились баи-кулаки, а на другом — безземельные батраки (мордикер, яримчи, обхур) и кабальные. Так, например, в бывшем Янги-Базарском районе (В. Бухара) накануне революции баи, составлявшие 1,3% всего населения, имели в своем распоряжении 32% всех поливных земель, а на долю 38% малоземельных хозяйств приходилось только 2,3% всех поливных земель. В Гиссарском бекстве баи составляли 7,6% населения и имели 45,6% поливных земель, а на долю 28% малоземельных хозяйств приходилось лишь 1% поливных земель.

В силу жестокой эксплуатации огромная масса безземельных и малоземельных дехкан была вынуждена искать других видов заработка.

Характеризуя положение дехкан к 1917 году, Айни писал, что они, «несмотря на простор и плодородие своей страны, принуждены были ежегодно отправляться на заработки в качестве носильщиков и чернорабочих. А когда они возвращались на родину с заработанными в поте лица какими-нибудь пятью-десятью таньгами (1 таньга равна от 15 до 20 коп. — Б. И.), люд хакима (бека. — Б. И.) обирали их под предлогом зякета.

Когда они достигали своих домов, аксакалы заводили среди них распри, которые не оканчивались до тех пор, пока на земле не уходили все остатки. Не успев согреться у своего очага, бедняки принуждены были снова бежать в Фергану».¹

Империалистическая война, а затем период Временного правительства привели экономику Бухары в состояние полной разрухи.

В значительной степени сократился ввоз в Бухару из России самых необходимых товаров и особенно продуктов.

Война усилила колониальный гнет. Еще в начале ее, 1 октября 1914 г. царским правительством был установлен особый временный налог в размере 2 руб. 50 коп. с пуда очищенного хлопка, направляемого по Среднеазиатской железной дороге, том числе из Бухарского эмирата.

В результате всего этого положение трудящихся масс эмирата еще более ухудшилось. Эмир безжалостно относился к трудовым массам Бухары, стонавшим под тяжестью деспотического режима. В этом отношении характерен циничный отве-

эмира на запрос начальника русского гарнизона в Керки о гибели каюка (баржи) с 300 пассажирами:

«Несчастье произошло по воле аллаха: снаслось столько людей, сколько хотел аллах, и погибло много по воле аллаха. Пусть это не беспокоит генерала, так как у эмира население не считано, и несколькими людьми больше или меньше — никакого значения для эмира не имеет».¹

Вот как характеризует поведение эмира и его чиновников известный таджикский писатель Ахмади-Калла: «Из очага войны похищали они огонь, а из благотворительных фондов зерно, и все обращали на потребу своему брюху и разврату... Эмир и низирь, отцы духовные, саповники — все они одна шайка, и рука руку моет. Ты, читатель, спрашиваешь, каков же сам эмир — повелитель правочерных, каков сам султан? Присмотрись, и ты увидишь: развратник и тиран, а верхний казний (судья) обжора и ханжа, такой же бессовестный раис и начальник полиции — вечно пьяный, картежник, атаман всех воров и разбойник с большой дороги».²

Народ ненавидел своего «повелителя». Временами терпение народа иссякало и вспыхивали восстания. В маленьком кшклаке Хайрабаде (близ Кермине) в 1900 г. произошло «столкновение местного амлякдара с населением. Амлякдар Абду-Саттормирахур, явившись для оценки урожая ячменя (истифо) для взимания податей, стал предъявлять к населению чрезмерные требования». В связи с протестом жителей, амлякдар «арестовал трех и подверг их целому ряду оскорблений (были связаны, избиты, лица вымазаны грязью, смешанной с керосином и т. д.)».³

Представители бухарского кшкбети (премьер-министр) арестовали лиц, осмелившихся выразить протест против издевательства, и отправили их в Бухару для дальнейшего наказания.

Крестьянское движение в Средней Азии особенно усилилось в период и после революции 1905—1907 годов. В. И. Ленин отмечал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».⁴ Поэтому не случайно, что в начале XX в., особенно после 1905—1907 гг., наблюдается активизация трудящихся масс народов

¹ С. Айни. Материалы..., стр. 40.

¹ Д. Логафет. Страна бесправия. СПб., 1913, стр. 82.

² Цит. по книге И. Брагинского, С. Айни. Сталинабад, 1947, стр. 21.

³ ЦГИА УзССР. Ф. 3, оп. 1, д. 529, л. 3.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 146.

Средней Азии, в том числе Бухарского эмирата, против существующего строя.

Сообщая о восстаниях в Восточной Бухаре, царский офицер Логафет накануне первой мировой войны писал: «Сидя в глухом кишлаке Восточной Бухары, нам приходилось неоднократно слышать о различных свежих новостях от различных лиц... что были беспорядки в Гиссарском бекстве, где избили амлякдара, то появился оттуда слух, что народ расправился в Денау с зякатчи. Глухое недовольство беками вылилось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, наконец, вполне заговорили о возможности народного восстания в ханстве».¹

Избиение эмирских чиновников, убийство зякатчи (сборщиков податей), разгром местных амлякдаров, поджоги имений и другие виды борьбы против эмира и его чиновников носили повсеместный характер.

Наиболее организованные восстания трудящихся масс эмирата против господствующих классов имели место в 1901 г. в Денауском, в 1902 и в 1913 гг. — в Курган-Тюбинском бекствах. Эмир бухарский жестоко подавлял эти восстания и еще более усиливал репрессии, что вызывало ответное усиление протеста трудящихся.

Стихийное восстание произошло в январе 1910 г. в Бухаре в связи с религиозным праздником персов («шахсей-вахсей»). Во время резни в г. Старая Бухара погибло около 500 человек иранцев и бухарцев. Под давлением восставших масс, городской бедноты и мелкобуржуазных элементов эмир был вынужден удалиться из г. Бухары кушбеги и некоторых других чиновников.

Восстание 1910 г. было направлено против господствующего класса и вместе с тем показало, что эмирская власть может держаться лишь благодаря помощи царизма. Как всякое стихийное движение трудящихся, не имеющее во главе рабочего класса, это восстание было обречено на поражение.

После 1905 года в Бухаре, под влиянием развернувшихся внешних и внутренних событий, возникло слабое оппозиционное движение, известное под названием джадидизма. Джадиды были идеологами развивавшейся и складывавшейся в класс местной буржуазии, по преимуществу компрадорского типа. Они выдвигали очень куцую, национал-реформистскую программу, ставившую своей ближайшей целью создание благо-

¹ Д. Н. Логафет. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911, т. II, стр. 264.

приятных условий для дальнейшего роста местной буржуазии, с сохранением власти эмира.

Бухарские джадиды подобострастно восхваляли эмира, выпрашивая у него небольшие реформы. «Справедливый» эмир, по их мнению, мог перестроить жизнь народных масс на «справедливых началах».

Бухарские джадиды находились в зависимом положении от эмира. Они не имели политической программы и оформленной политической партии. Некоторые джадиды были сторонниками царского правительства, считая царский манифест от 17 октября 1905 г. высшим достижением демократии. Основная масса джадидов являлась по своему мировоззрению пантюркистами, которые мечтали об отделении Туркестана от России и создании самостоятельного государства под эгидой Турции.

Для джадидов характерно их угодничество не только перед эмиром, но и перед царизмом, а затем перед Временным правительством, перед германо-турецкой буржуазией и, наконец, перед английским империализмом.

В своей внешне-политической ориентации бухарские джадиды были прямыми агентами турецких националистов-пантюркистов, а затем, до своего окончательного разоблачения — английских империалистов.

«Социальная база джадидов была очень ограничена. Декане и пролетариат не принимали в этом движении никакого участия. Крупная буржуазия тоже непосредственно не участвовала, а лишь материально обеспечивала школы и газеты джадидов».¹

Бухарские джадиды, или, как впоследствии они себя называли — младобухарцы, относились враждебно к интересам трудящихся масс Бухары. Объективно, в начале XX в. в условиях феодальной Бухары, они являлись выразителями хотя и слабого, но прогрессивного течения, пытаясь добиться некоторых буржуазных преобразований. Но дальнейшая их эволюция привела к откровенно выраженной реакционной политике.

Война оказала неблагоприятное влияние на транзитную торговлю Бухарского эмирата. Так, например, если в 1911 г. из Китая вывозилось на бухарский рынок 298 тыс. пудов чая, то к 1915 г. привозилось по железной дороге только 108 тыс. пудов. Значительно упала торговля как с восточными государствами, так и с западноевропейскими и заокеанскими странами.

Если в 70-х годах XIX в. хараджный налог с пуда хлопка составлял 2 коп., то к 1910 г. он дошел до 20 коп., т. е. увели-

¹ Б. Гафуров. История таджикского народа, М., 1952, стр. 453.

чился в десять раз. Увеличились налоговые повинности в пользу эмира и его чиновников. Доходы эмира в общей сложности составляли более 30 млн. рублей, между тем расходы были незначительные. В целом общий расход достигал 22 000 рублей. Вся остальная сумма ежегодно капаливалась в пользу эмира, который сосредотачивал ее в центральных русских и иностранных (в частности лондонских) банках, 50 процентов национального дохода, попадавшего в казну эмира, оттуда больше не возвращалось.

В связи с войной эмир собирал в принудительном порядке золотые и серебряные монеты и другие ценности у населения. Большому разорению подвергались горожане и ремесленники. За счет многочисленных поборов эмир делал «пожертвования» в пользу русской армии. За усердную службу перед царизмом бухарскому эмиру был присвоен чин генерал-лейтенанта, он был назначен генерал-адъютантом Николая II и награжден орденом Александра Невского.

30 декабря 1915 г. Николаем II был издан официальный рескрипт, в котором отмечались заслуги эмира перед царизмом.

В сентябре 1916 г. эмир прибыл в ставку Николая II и внес на нужды войны очередную сумму в 1 миллион рублей. А положение народных масс в стране с каждым днем ухудшалось. К началу 1917 г. русские товары перестали поступать на бухарских рынок. Население стало покидать города и направляться в сельские районы. Курс русского кредитного билета стал падать. Участились случаи принудительной мобилизации населения на строительство железной дороги. От этого особенно пострадали жители Восточной Бухары. На работу привлекались также отходники из Ирана, Афганистана, а также немецкие и австро-венгерские военнопленные. Рабочие размещались в полуразоренных бараках, в антисанитарных условиях. Заработная плата была низкой, вместо официальных 1 рубля в день рабочим платили 70 коп. Однако половина из этих денег оседала в карманах бухарских чиновников. На протяжении 1914—1915 гг. на строительных участках нередко наблюдались недовольство и волнения рабочих.

В этот период население часто отказывалось от выполнения многочисленных налоговых повинностей, случались групповые или одиночные нападения на представителей ханской власти и русских офицеров. Участились случаи массовой подачи прошений на имя представителей туркестанской власти о добровольном переходе в русское подданство. Такие факты имели место среди узбеков, таджиков, туркмен и др. Рост недовольства народных масс политикой хана, вытекающей из самой

сущности феодального строя, привел к массовому выступлению против власти.

Положение трудящихся масс Хивы и Бухары в связи с затянувшейся империалистической войной, становилось невыносимым. Это толкало их к дальнейшей борьбе против колониального и национального гнета.

Победа буржуазно-демократической революции 27 февраля 1917 г. в Петрограде вызвала огромную радость народов Средней Азии.

Попытка представителей царизма во главе с генералом Куропаткиным скрыть весть о Февральской революции не удалась. Через два дня после революционного переворота в Петрограде во многих городах Средней Азии стали проходить массовые митинги и собрания. В начале марта 1917 г. в Ташкенте возникли сначала Совет рабочих репутатов, а затем Совет солдатских депутатов. Вслед за образованием Советов в городах и на многочисленных железнодорожных станциях Средней Азии, Советы стали создаваться и в других населенных пунктах Туркестана.

Одновременно во многих городах Туркестана начали возрождаться социал-демократические организации. Большевики Туркестана с первых же дней революции открыто выступали против соглашательской политики меньшевиков в поддержку Временного правительства. В первой половине 1917 г. социал-демократические организации стали действовать во всех крупнейших городах Туркестана. В июне 1917 г. оформилась большевистская группа в г. Новая Бухара (Каган). Ее возглавил большевик П. Г. Полторацкий.

Русская и местная буржуазия призывала население поддержать Временное правительство. Генерал-губернатор Туркестана Куропаткин дал предписание военным губернаторам добиться полного подчинения распоряжениям Временного правительства. Февральская буржуазно-демократическая революция не внесла существенных изменений в жизнь народа. В Туркестане был сохранен колониальный режим. Лишь под давлением широких демократических организаций и трудящихся масс Куропаткин и наиболее реакционные его сподвижники были отстранены от власти, и 7 апреля 1917 г. был образован Туркестанский комитет Временного правительства во главе с кадетом Н. Н. Щепкиным. Комитет осуществлял власть Временного правительства и выражал по существу диктатуру буржуазии и помещиков.

Свержение царизма послужило толчком для подъема освободительного движения народов Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Огромную роль в этом деле сыграли рабочие же-

лезнодорожных станций, русские поселения и воинские части, расположенные в пограничных районах.

Как сообщал прокурор Самаркандского окружного суда в Ташкент, в городе Новая Бухара существовали областной и местный Совет солдатских и рабочих депутатов, городской исполнительный комитет партии социалистов-революционеров, социал-демократов, дашнакцution и профессиональные союзы. Но тут же подчеркивалось, что авторитетом «в глазах населения» пользовались Советы солдатских и рабочих депутатов, в которых граждане обращаются с самыми разнообразными вопросами, что комитет «принимает деятельное участие во всех общественных работах». Одновременно доносилось, что в Новом Чарджуме «функционировал исполнительный комитет, Совет солдатских и рабочих депутатов, а также имелось несколько профессиональных союзов».

Почти такое же положение существовало в Термезе, Керка и др. В Термезе, например, образовались Городская дума и Совет солдатских и рабочих депутатов. «Авторитетом среди граждан пользовались дума, а среди солдат — Совет».¹ Несмотря на меньшевистский характер Советов (в них заседали меньшевики, эсеры и др.), большевистские влияния в Советах с каждым днем росло. По инициативе большевиков на хлопкоочистительных и маслобойных заводах, а также на железной дороге организовывалась рабочая гвардия, которая должна была заменить полицию и другие учреждения Временного правительства. По этому вопросу даже официальный представитель Временного правительства в Бухаре Миллер вынужден был заявить, что «...нынешнее Резидентство совершенно не связано ни в каком отношении с Новой Бухарой».²

Огромная роль в руководстве представителями трудящихся масс внутри этих Советов принадлежала революционеру П. Г. Полторацкому, работавшему наборщиком в типографии. П. Полторацкий с первых же дней революции был избран председателем рабочей комиссии в Кагане. По его инициативе был организован первый Совет рабочих и солдатских депутатов и созван первый съезд Советов русских поселений Бухарского эмирата. На этом съезде Полторацкий был избран делегатом на первый Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в Петрограде. Там он вступил в ряды большевистской партии. Возвратившись в Бухару, Полторацкий ведет работу по созданию большевистских организаций. Ко времени Октябрьской револю-

ции в Новой Бухаре уже имелась значительная группа большевиков, руководимая П. Г. Полторацким.¹

Следует подчеркнуть, что приход к власти Временного правительства на первых порах навел на эмира и его чиновников страх и уныние, но затем они быстро нашли общий язык.

В ответ на заявление министра иностранных дел Миллюкова 10 марта 1917 г. о нерушимом союзе с бухарским эмиром и сохранении протектората России над Бухарой, бухарский эмир со своей стороны, выражая чувства признательности и подтверждая сделанное Миллюковым заявление, отметил, что «Бухара по-прежнему находится под высоким покровительством России» и что «бухарское правительство торжественно подтверждает нерушимость заключенного с Россией договора».² Чтобы доказать свою преданность Временному правительству, эмир ассигновал полмиллиона рублей в его распоряжение на нужды войны.

Временное правительство вело в Бухаре двойственную политику. С одной стороны, шли правительственные телеграммы с уверениями в благожелательности и дружбе по отношению к эмиру бухарскому, а с другой — весьма недвусмысленно намекалось на то, что рядом с Россией не должно существовать и соседнего «бесправного» народа (Бухары. — Б. И.). Но скоро договаривающиеся стороны начинают понимать друг друга, и бухарский эмир дает согласие на проведение в стране реформ, а младобухарцы приступают к перестройке своей платформы.

Немалую роль в подготовке реформы в Бухаре сыграли младобухарцы. В связи с революционным переворотом в России они направляют Временному правительству текст телеграммы, в которой поздравляют его с приходом к власти, подчеркивая историческую связь с Бухарой, и просят воздействовать на эмира в вопросе проведения реформы в стране.

Неуверенные в действительности телеграммы, младобухарцы направляют своих представителей в Петроград, но те вернулись обратно, так как к этому времени в Бухару уже успели прибыть специальные представители Временного правительства. Воспользовавшись их приездом, младобухарцы через резидента Миллера направляют им свои требования о необходимости проведения реформы в стране. В этих требованиях они настаивают на установлении народного представительства при эмире и его

¹ См. Т. Козлов. Гражданская война в Туркмении, ч. I, вып. 2, Ашхабад-Чарджуй, 1934, стр. 58.

² Журн. «Красный архив», т. 1 (20), Л., 1927, стр. 79.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 55/с, д. 552, л. 27.

² Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1433.

беках, улучшении администрации и установлении контроля над ней, отмене всех налогов, кроме положенных по шариату. Кроме того, они требуют свободы школы, печати и смены отделных наиболее реакционных чиновников в составе правительства. При этом все свои надежды они возлагали на «справедливого эмира и твердость» Миллера. С этой целью они направляют в имя Миллера телеграмму с выражением чувств благодарности.

18 марта Миллер в своей телеграмме сообщил Миллюкову: «Приступаем к устройству самоуправления в Ст. Бухаре... Сегодня вечером в Арке, в присутствии эмира и кушбеги состоялось совещание о реформе со мною и муллами». Однако тут же добавил, что подлинное проведение реформы может вызвать вооруженное столкновение между реакцией и младобухарцами. Под руководством представителей Временного правительства Бухаре — Миллера, Шульги и Введенского 21 марта 1917 был разработан проект реформы, который был представлен на утверждение Миллюкову и одобрен им. Проект реформ в Бухаре, несомненно, отражал интересы местной буржуазии. Манифест о реформах был объявлен во дворце эмира, где присутствовали его наиболее крупные чиновники. Манифест охватил ряд вопросов: установление «правосудия» при взимании хараджа, зякета и других налогов, развитие в эмирате промышленности торговли, искоренение злоупотреблений, организацию управления на выборных началах — установление «справедливости правосудия», правильного сбора податей, устройство государственного казначейства, открытие типографии, а также «развитие в стране полезных наук и знаний в точном соответствии с шариатом», установление бюджета эмирата согласно приходам и расходов на государственные нужды. Одновременно для успокоения умов эмир обещал, согласно указаниям Миллюкова, дарование других милостей «по мере того, как в них будет необходимость». Было сделано официальное заявление Временному правительству о том, что в Бухаре издано множество экземпляров манифеста. Туркестанский комитет Временного правительства получил официальное известие о том, что «Бухара встала на новый путь жизни» и на этом все успокоилось. На самом деле о манифесте кроме эмира и его ближайших чиновников никто не знал.

Манифест носил буржуазный характер, и проведение его жизни способствовало бы развитию торговли и экономики эмирата.

¹ Журн. «Красный архив», т. 1 (20), Л., 1927, стр. 81.

Манифест вызвал одобрение младобухарцев, которые обсуждали его на площади Регистана.

Одновременно, чтобы выразить свою признательность эмиру, младобухарцы провели парад на берегу «Лаб-хауза» (басейна), во время которого агитировали за организацию демонстрации в честь эмира. Вот что писал об этом С. Айни: «Вопрос о демонстрации с выражением радости и благодарности эмиру был поставлен на обсуждение собравшихся. Резко выступая против проведения этой демонстрации, я говорил: «Во-первых, указ не стоит благодарности, а, во-вторых, правительство использует нашу демонстрацию как предлог, чтобы побудить к действию реакцию и аннулировать самый указ, взвалив ответственность за это на демонстрацию!»¹

Между тем, младобухарцы не послушали разумного совета С. Айни. 8 марта в 7 часов утра они собрались у магазина «Баракат», откуда направились в Арк, чтобы поздравить эмира с манифестом. Тем временем эмир заранее известил о готовящейся демонстрации духовенство и подтянул войска. Делегация, отправленная к кушбеги за оркестром, была арестована, началась разгон манифестантов. Реакция победила, власть полностью сохранилась в руках эмира и его чиновников. Это понятно: сами младобухарцы боялись народа, не обращались к нему за помощью. Они были сторонниками реформы, но не хотели открытого столкновения с эмиром. Во время демонстрации и после ее разгона многие жители Бухары были избиты и арестованы. В числе арестованных оказался и С. Айни, который хотя и не участвовал в демонстрации, тем не менее, наряду с другими, получил 75 палок от эмирских палачей и был брошен в темницу.² В результате реакции черносотенцев лишь в одной старой Бухаре пострадало более 3.000 человек. В день демонстрации вышел ревоят (указ), где было сказано: «Тот, кто поднимал флаг и требует реформы, выступил против эмира, является бунтарем и мятежником. Права их не защищаются, а имущество их вне закона». Обо всем этом Миллер был осведомлен, но никаких мер не принял. Реакция восторжествовала. Позднее в г. Старая Бухара снова начались реакционные выступления мулл, которые под видом младобухарцев начали истязать их в чем неповинных людей.

События, происходившие в Бухаре, вызвали сильное возмущение трудящихся Новой Бухары. Исполнительный Комитет Кагапа направил ноту протеста на имя бухарского эмира. Одновременно Каганский исполнительный комитет обратился к

¹ С. Айни. Коротко о моей жизни. Душанбе, 1958, стр. 97.

² Там же.

резиденту с требованием перебросить войска из Самарканда для наведения порядка в стране. С прибытием войск арестованные были освобождены. 14 апреля войска навести порядок в Старой Бухаре.

Под давлением трудящихся масс Кагана 16 апреля на общем собрании было вынесено решение об аресте Миллера, допустившего избивание сторонников реформы в Бухаре. Временное правительство было вынуждено отозвать Миллера и назначить на его место Чиркина. Однако от смены представителя Временного правительства положение в Бухаре не изменилось, Бухара осталась деспотической страной.

Представители Временного правительства, взяв под свой контроль вопрос о реформах в Бухаре, отложили их осуществление на долгие времена. При этом основным предлогом для официальных кругов Временного правительства послужило, якобы, отсутствие высококвалифицированных и подготовленных советников из числа знатоков Бухарского эмирата. Фактически же основная задержка в проведении реформ в Бухаре и Хиве вытекала из существа колониальной политики Временного правительства.

Зная хорошо политику, проводимую Временным правительством, эмир выпустил манифест, суть которого определялась лицемерной политикой правительства — обещание свобод на словах, контрреволюция на деле. Единственным мероприятием, проведенным Временным правительством в Бухаре, явилось переименование политического агентства в Бухаре в резиденцию. Функции же его остались старыми. При обсуждении причины переименования политического агентства в Бухаре в Российское резидентство на заседании Временного правительства 17 марта 1917 г. было зафиксировано: «Мера эта признана необходимой ввиду того, что титул «политического агентства» неверно трактуется массой местного русского населения и вызывает недоверие к нашему представительству в этом ханстве».¹ Таким образом, изменение титула было сделано лишь для привлечения русского населения к Временному правительству. Что же касается местного населения, то о нем вообще не было сказано ни слова.

Сохранение Бухарского эмирата и Хивинского ханства вытекало из существа политики Временного правительства. Такие важнейшие вопросы, как ликвидация остатков крепостничества в деревне, уничтожение крупного землевладения, освобождение женщины, упразднение сословного деления и другие, в Туркестане не были решены. Антинародная политика Временного правительства была не в состоянии ликвидировать голод и раз-

руху, которые охватили Хиву и Бухару. В этой сложной политической обстановке большевики должны были дать народу новую программу борьбы за переход от первого этапа революции ко второму этапу. Необходимо было дать широкий простор для дальнейшего развития революции.

Такую ориентировку дал В. И. Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах, которые обосновали переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

В своей речи по национальному вопросу на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии В. И. Ленин подчеркивал необходимость сплочения революционных сил для освобождения угнетенных народов. «Мы хотим, — говорил он, — братского союза всех народов... Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы. Агитацию внутри угнетенной массы надо ставить только так».¹

В период, когда в Бухаре и Хиве господствовала реакция, в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая положила конец политике национального и колониального гнета, проводимой Временным правительством.

¹ Сборник «Революция и национальный вопрос», т. III, М., 1930.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 436—437.

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ БУХАРЫ. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

1. Победа Октябрьской социалистической революции в России и борьба за установление Советской власти в Туркестане

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая на одной шестой части земного шара власть помещиков и капиталистов и установившая диктатуру пролетариата, открыла новую эру в истории человечества. Значение этой революции определил В. И. Ленин 7 ноября 1917 года в речи произнесенной на заседании Петроградского Совета рабочих солдатских депутатов.

«Прежде всего, — говорил Владимир Ильич, — значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».¹

Великая Октябрьская социалистическая революция, руководимая партией Ленина, являлась не только революцией «в национальных рамках», но прежде всего революцией «интернационального, мирового порядка». Мировое значение Октябрьской революции заключалось не только в том, что она являлась великим почином одной страны в деле пре-

рыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но так же и в том, что она составляла первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.¹

Говоря о международном характере Октябрьской революции, И. В. Сталин отметил, что она, с одной стороны, явилась «первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудящихся масс угнетенных народов Востока, а с другой — первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма».² Об этом красноречиво свидетельствовал мощный подъем пролетарского и национально-освободительного движения как на Западе, так и на Востоке: восстание рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование Советов рабочих и солдатских депутатов и революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального угнетения, возникновение рабочих и крестьянских Советов в Персии, Китае и Индии.

В качестве важнейших выводов И. В. Сталин подчеркнул следующие два положения:

1. Установив связь между народами отсталого Востока и передового Запада, Октябрьский переворот стянул их «в общий лагерь борьбы с империализмом».

2. Национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырос «в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма».³

Первым мероприятием молодой Советской власти, наряду с разрешением вопросов о земле и мире, было раскрепощение бывших колониальных и полуколониальных народов царской России.

Большевистский принцип национальной политики Советского государства был провозглашен еще в ленинском декрете «О мире», принятом на II Всероссийском съезде Советов, а впоследствии в знаменитой «Декларации прав народов России» от 16 (3) ноября 1917 года. Разоблачая политику натравливания народов России друг на друга, проводимую царизмом, а также политику трусливого недоверия к народам России, политику придиорок и провокаций, проводимую буржуазным Временным правительством, Декларация торжественно провозглашала:

¹ См. И. Сталин. Соч., т. 6, стр. 400.

² И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 164.

³ Там же, стр. 165.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.

«Этой позорной политике противопоставлена нет и не должна быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России...»

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирачливости и провокаций должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к такому взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.¹

В Декларации провозглашались:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.²

Исходя из этих основных начал, Советское правительство декретом от 17(4) декабря 1917 г. признало государственную независимость Украины. Декретом от 31(18) декабря призналась независимость Финляндии. В декрете о «Турецкой Армении» от 11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.) говорилось, что «Рабочее и крестьянское правительство в России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости».

Советское государство с первого дня своего существования демонстрирует солидарность с угнетенными народами Востока. Сразу же после победы Советской власти были аннулированы заключенные царским правительством тайные договоры с Турцией, Ираном и другими странами.

Огромное принципиальное значение для дальнейшего развития революционного самосознания трудящихся масс Турции имело обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

В этом обращении Советского правительства подчеркивалось, «... что договор о разделе Персии порван и уничтожен».

Осуществляя конкретное указание В. И. Ленина, Советское правительство установило равноправные отношения с Афгани-

станом, Турцией, Ираном и другими странами. Теоретические основы мирного сосуществования государств были заложены в ленинской теории социалистической революции. Ибо неизбежность победы революции в одной стране подразумевала существование капиталистического окружения. На X съезде РКП(б), подводя итоги деятельности ЦК партии и Советского правительства в области внешней политики, Ленин отмечал: «...наше внимание и все наши усилия направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым».¹

Указав, что «под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства», Обращение заявляло: «Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока».²

Относительно отношения Советского правительства к мусульманам России и Востока в Обращении говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».³

Величайшую историческую роль в деле установления тесной братской дружбы между бывшими угнетенными народами царской России и великим русским народом сыграла «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая на III съезде Советов РСФСР 12(25) января 1918 г. Вторая статья Декларации провозгласила, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик».⁴

III съезд Советов принял постановление «О федеральных учреждениях Российской Республики». По этому поводу в Декларации было сказано о стремлении «создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более тесный и прочный союз трудящихся классов всех наций России...», предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном совете.

¹ «Первая Советская Конституция» (Конституция РСФСР 1918) Сборник документов. М., 1938, стр. 282—283.

² Там же, стр. 342.

³ Там же, стр. 294.

⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 34.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 19.

² «Первая Советская Конституция» (Конституция РСФСР, 1918 г.) Сборник документов. М., 1938, стр. 294.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 224.

ском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».¹

Крупнейшим мероприятием по осуществлению ленинской национальной политики явилось образование Народного Комиссариата по делам национальностей. Созданием Наркомнаца партия подчеркивала исключительно важное значение, которое она придает правильному разрешению национального вопроса. По этому поводу В. И. Ленин в речи на XI съезде РКП(б) говорил:

«Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разобраться с всеми туркестанскими, кавказскими и проч. вопросами? Верно, это все политические вопросы! А разрешить эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело».²

Народный Комиссариат по делам национальностей проводил огромную работу по организации трудящихся ранее угнетенных царизмом национальностей вокруг Советской власти. Преодолевая все и всяческие трудности, Наркомнац воспитал сплотил вокруг партии молодые национальные кадры, направив гигантские усилия на быстрее освобождение трудящихся окраин России от влияния буржуазно-националистических элементов, на решительную ликвидацию пережитков национального гнета.

Чтобы ликвидировать то недоверие к русскому народу, которое накапливалось среди угнетенных национальностей вследствие колониальной политики царизма, нужно было обладать особой выдержкой и величайшим тактом. Последовательно проводя политику Советской власти, учитывая особенности каждой национальности, Наркомнац беспощадно разоблачал как местный национализм, так и великодержавный шовинизм, исправляя ошибки, допускавшиеся отдельными партийными и советскими работниками. Задача, поставленная перед Народным Комиссариатом по делам наци-

ональностей», — обеспечить «мирное сожительство и братское сотрудничество всех национальностей и племен РСФСР, а также договорных дружественных Советских республик»...¹ — нашла свое блестящее разрешение в формировании государственного строя на основе советской социалистической федерации.

Туркестан являлся одной из самых отсталых колоний царской России. До Октябрьской революции здесь преобладал феодальный способ производства с сильно сохранившимися патриархально-родовыми отношениями. Край только вступил на путь капиталистического развития.

В марте 1919 г., характеризуя уровень развития народов восточных окраин к моменту Октябрьской революции, И. В. Сталин писал: «В противоположность... центру России, восточные окраины: татары и башкиры, киргизы и узбеки, туркмены и таджики, наконец целый ряд других этнографических образований (около 30 миллионов населения) представляют богатейшее разнообразие отсталых в культурном отношении народов, либо не вышедших еще из средневековья, либо недавно только вступивших в область капиталистического развития».²

Эта социально-экономическая отсталость явилась основным тормозом в борьбе трудящихся Туркестана против своих национальных эксплуататоров и империалистических хищников.

Великая Октябрьская социалистическая революция развязала инициативу и энергию трудящихся ранее угнетенных царизмом национальностей, в том числе и трудящихся Туркестана. Вслед за пролетариатом Петрограда, Москвы и других промышленных центров России историческую победу в ноябре 1917 г. одержал и рабочий класс далекого Туркестана.

Уже 28 октября 1917 г., после сообщения о захвате власти в центре страны, ташкентский пролетариат под руководством большевиков Туркестана идет на штурм капитализма. 31 октября уличные бои в Ташкенте заканчиваются победой рабочих; 1 ноября в городе устанавливается Советская власть. В тот же день, 1 ноября, власть в руки Советов перешла в Термезе и Катта-Кургане, 6 ноября — в Фергане, 26 ноября — в Новой Бухаре (Кагане), 28 ноября — в Самарканде, 30 ноября — в Джизаке.

8 ноября Ташкентский Совет отстранил от должности Сыр-Дарьинского областного комиссара Временного правительства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 223.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 122.

¹ Справочник Народного Комиссариата по делам национальностей, 1921, стр. 5.

² И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 236.

На состоявшемся в Ташкенте с 15 по 22 ноября 1917 г. Третьем краевом съезде Советов был избран Совет Народных Комиссаров. Тем самым трудовой народ Туркестана получил свое собственное, родное Советское правительство, свой «собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии».¹

Победа Советской власти в промышленных центрах и крупных городах Туркестана, быстрое распространение ее влияния на отдаленные районы и кишлаки вызвали яростное сопротивление контрреволюции, начиная от буржуазных националистов и кончая эсеро-меньшевистскими предателями. Против молодой Советской республики объединенным фронтом выступают организация реакционного мусульманского духовенства — «Улема», организация туркестанской буржуазии — «Шуро-Исламия», вся русская буржуазия, бывшие чиновники, генералы и офицеры, бывшие руководители Ташкентского Совета обороны Чайкин, Першин, Терлецкий, буржуазные националисты Чаншев, Чокаев и другие, бежавшие из Ташкента в Фергану еще 13 сентября 1917 года.

Уже 17 октября 1917 г., при поддержке кадетов, эсеро-меньшевиков и других врагов рабочего класса и трудового крестьянства, белогвардейский казачий атаман полковник Дутов поднял в Оренбурге контрреволюционный мятеж. Дутов арестовал созданный за три дня до этого большевистский Военно-Революционный Комитет и образовал вместо него контрреволюционный «Комитет спасения Родины и революции». Свергнув Советскую власть в Оренбурге, захватив в свои руки железную дорогу, белогвардейцы отрезали Советский Туркестан от центральных районов России и начали усиленную подготовку к соединению с туркестанскими контрреволюционными силами.

Почти одновременно, 9 ноября 1917 г., местная национальная буржуазия, при активной поддержке русских белогвардейцев и агентов английского империализма, образовала в Фергане контрреволюционное «правительство», так называемую «Кокандскую автономию». В состав этого «правительства» вошли хлопковые тузы и представители буржуазно-националистической интеллигенции. Во главе «правительства» был поставлен инженер Панышбаев, замененный впоследствии Мустафой Чокаевым.

Развернув националистическую пропаганду среди коренного населения Туркестана, распространяя прокламации, в которых реакционеры выставляли себя «поборниками национальной

свободы», эти господа пытались захватить в свои руки власть во всем крае.

Опираясь на всестороннюю помощь, получаемую от английских империалистов, «Кокандская автономия» с первых же дней своего образования стала центром всей контрреволюции в Туркестане. Под руководством «кокандских автономистов» 13 декабря 1917 г., в день рождения Магомета, в Ташкенте была организована демонстрация всех сил белогвардейцев и местной буржуазии, как русской, так и национальной, с целью свержения Советской власти. Демонстрантам удалось освободить из ташкентских тюрем бывшего заместителя Верховного комиссара Временного правительства графа Доррера, а также некоторых других заклятых врагов народа.

Благодаря усилиям ташкентских красногвардейцев, руководимых большевиками, замыслы контрреволюции были сорваны. В тот же день, 13 декабря, после вооруженного столкновения между белогвардейцами и Красной гвардией, демонстрация была рассеяна, а Доррер и другие расстреляны.

В борьбе против Советской власти правительство «Кокандской автономии» использовало собственные вооруженные силы, сформированные преимущественно из уголовных элементов, возглавляемых курбани Иргашем.

При содействии английских империалистов «кокандские автономисты» и белогвардейцы вошли в контакт с атаманом Дутовым, по указанию которого установили связь с казачьими частями, возвращавшимися из Персии и других сопредельных стран по Среднеазиатской железной дороге в Оренбург. Об этом свидетельствует доклад полковника Зайцева войсковому атаману Оренбургского казачьего войска, в котором сообщалось, что «с целью привлечения на свою сторону туркмен» он «вел тайные переговоры с ханом Джунатом, главой всех туркменских племен, который выразил согласие совместно действовать против большевиков и обещал 10 тысяч всадников».¹ В другом документе, сообщавшем о том, что «войсковое казачье правительство вошло в соглашение с мусульманской буржуазией», предлагалось: «если казакам не будет возможно пройти с оружием, то сдать его кокандскому автономному правительству».²

По пути своего следования казаки, по заданию Дутова, пытались свергнуть Советскую власть. 18 января 1918 г. они за-

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд. Рукопись. № 2210, стр. 2.

² «Наша газета», 1918, 1 мая.

хватили Чарджуй, Катта-Курган и Самарканд. Местные Совет вынуждены были уйти в подполье.

Большевики Туркестана, несмотря на оторванность РСФСР и окружение вражеским кольцом со стороны Самарканда, Ферганы и Оренбурга, не дали себя застигнуть врасплох. Поддерживая через радиостанцию постоянную связь с правительством РСФСР и получая указания Ленина, они приняли все меры к отражению натиска врагов. Еще 23 ноября 1917 Совнарком Туркестанского края предложил всем Советам местях приступить к организации Красной гвардии, а 29 декабря из Ташкента для борьбы с бандами был направлен в Оренбург первый красногвардейский отряд.

Начатое 23 декабря 1917 г. наступление на Дутова с двух сторон (Бузулука и Ташкента) закончилось 19 января 1918 полной победой советских войск. Линия Ташкент—Оренбург была очищена от дутовских банд, что дало Туркестану возможность соединиться с центром и получать отсюда помощь.

Столь же печальная участь постигла и белоказачьи войска захватившие Самарканд и Катта-Курган. После отклонения казачьими офицерами требования Советского командования о сдаче оружия, ташкентские и самаркандские красногвардейцы при активной поддержке местного населения, перешли 22 января 1918 г. в наступление на станцию Ростовцево, где были сосредоточены главные силы противника. В результате наступления казаки были полностью обезоружены. Красногвардейцы захватили 8 трехдюймовых пушек, большое количество пулеметов и другого вооружения.

Одновременно правительство Советского Туркестана приняло решительные меры к ликвидации «Кокандской автономии», которая успела к тому времени окончательно выявить свое контрреволюционное лицо.

Первый удар по «кокандским автономистам» был нанесен еще 25 декабря 1917 г. на созванном ими чрезвычайном съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с целью привлечь на свою сторону дехкан и ремесленников. Несмотря на разнузданную антисоветскую агитацию, развернутую националистами, на съезде образовалась крепкая левая фракция членов союза трудящихся мусульман — «Иттифок», которая стала на путь активной борьбы против правительства «Кокандской автономии».

В январе 1918 г. с целью полного овладения Кокандом «автономисты» напали на крепость Коканд, захватили телефонную станцию и стали разрушать железнодорожную линию, соединяющую Коканд с Ташкентом. Но и эта их попытка потерпела

неудачу. Благодаря умелым действиям кокандских большевиков во главе с товарищем Бабушкиным и своевременной помощи, оказанной со стороны Советов Ферганы и Андижана, после упорных боев телефонная станция и железнодорожная линия были очищены от врага.

Непрерывные поражения внесли разложение в ряды буржуазных националистов. Это выразилось в смене «правительства», произведенной в конце января 1918 г. наиболее реакционными элементами из организации «Улема» при помощи Иргаша. Последний, получив от руководителей «Улемы» завершение о том, что он будет назначен кокандским ханом, совершил переворот, арестовав членов «правительства» «Кокандской автономии».

19 февраля 1918 г. советским командованием был предъявлен Иргашу ультиматум о сдаче. Получив отказ, отряд ташкентских красногвардейцев, прибывших в Коканд после завершения операции по разоружению казаков, перешел в наступление. При первом же столкновении с красными войсками шайка Иргаша рассеялась.

22 февраля 1918 г. маршпеточное «правительство» «Кокандской автономии» было объявлено распущенным.

И. В. Сталин в работе «Октябрьский переворот и национальный вопрос», характеризующую сущность окранных буржуазных «правительств» и борьбу с ними трудящихся, писал:

«Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии.

Но борьба «национальных» и областных «правительств» оказалась борьбой неравной. Атакованные с двух сторон: извне — со стороны Советской власти России и изнутри — со стороны «своих же собственных» рабочих и крестьян, — «национальные правительства» должны были отступить после первых же боев».¹

Это нашло свое подтверждение в ликвидации контрреволюционного буржуазного правительства «Кокандской автономии».

В успешной борьбе против Дутова, в обезоруживании контрреволюционных казачьих войск и в ликвидации «Кокандской автономии» немалые заслуги принадлежат большевикам Туркестана, отстаивавшим на Востоке знамя свободы от посягательств английских империалистов и их наемников внутри страны.

¹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 161—162.

Однако в своей работе туркестанские большевики допустили ряд серьезных ошибок, особенно в национальном вопросе. Эти ошибки явились прежде всего результатом предательской политики, навязанной партийной организацией «левыми» эсерами, так называемой «группой старых большевиков», многие участники которой оказались впоследствии активными троцкистами. Именно под их воздействием III съезд Советов Туркестанского края, проходивший в Ташкенте 15—22 ноября 1917 г., принял насквозь враждебную ленинизму резолюцию по национальному вопросу, которая не могла не способствовать переходу недостоверно устойчивых слоев местного населения на сторону буржуазных националистов. В резолюции съезда было указано: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, так ввиду того, что среди туземного населения нет классовых и левых организаций».¹

Правда, на IV съезде Советов (19—26 января 1918 г.) были сделаны попытки исправить эти ошибки, в частности предположено «организовать мусульманские массы в профсоюзы и Советы депутатов, для поднятия среди мусульманского пролетариата классового самосознания».²

Однако в резолюции съезда ни слова не говорилось о союзе беднейшими дехканами. Кроме того, как и раньше, предположено строить Советы по национальному признаку, отделяя Советы русских рабочих от Советов рабочих депутатов коренного населения, что было прямым проявлением великодержавного шовинизма.

Борясь против буржуазной автономии, туркестанские большевики пытались отвергнуть всякую автономию, предпочитая «разрешать» национальный вопрос силой оружия.

Для правильного проведения в жизнь большевистской национальной политики и сплочения трудящихся масс вокруг Советской власти, в Туркестан был направлен в качестве чрезвычайного комиссара и полномочного представителя РКП(б) и Совнаркома П. А. Кобозев.

П. А. Кобозев принялся за исправление ошибок, допущенных большевиками Туркестана, за широкое вовлечение трудящихся масс в органы Советской власти. Все это подняло

авторитет Советской власти, и Коммунистической партии в глазах коренного населения Туркестана.

Важнейшие указания большевики Средней Азии получили от Народного Комиссариата по делам национальностей, изложенных в директиве «Одна из ближайших задач», опубликованной в «Правде» 9 апреля и в ташкентской «Нашей газете» 13 апреля 1918 г. В этой директиве указано:

«...Власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс. В этом сила и могущество Советской власти...

Но на окраинах, населенных отсталым в культурном отношении населением, Советская власть еще не успела стать в такой же степени народной. Революция, начатая в центре, распространялась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием. Бытовые и языковые условия этих окраин, отличающиеся к тому же экономической отсталостью, несколько усложнили дело упрочения там Советской власти. Для того, чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих стран, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и правительственных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы...

Автономно буржуазные группы, возникшие в ноябре и декабре прошлого года в окраинах новобелых татар, банкиров, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них «их же собственные массы» и сплотить последние вокруг Советов, необходимо «взять» у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую.

Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления «своих собственных» масс. Именно поэтому, признавая центральную Советскую власть, они вместе с тем не хотят признавать местных Советов, требуя немедленности в их «внутренних делах». Некоторые Советы на местах решили ввиду этого отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая «разрешение» национального вопроса путем оружия. Но этот путь совершенно

¹ Азия-Нисалло. Очерк истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1940, стр. 51.

² Там же, стр. 57.

непригоден для Советской власти. Он, этот путь, способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов, а верхи эти выставить спасителями «родины», защитниками «нации», что ни в коем случае не входит в расчеты Советской власти. Не отрицание автономии, а признание ее является основной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базе Советов на местах. Только так путем может стать власть народной и родной для масс. Следовательно, необходимо, чтобы автономия обеспечивала власть верхов данной нации, а ее низам. В этом вся суть».¹

В связи с этим перед Советами были выдвинуты следующие очередные неотложные задачи: «...собирающие материалы к вопросу об автономии окраин, образование национально-социалистических комиссариатов при Советах, организация комитетов по созыву учредительных советских съездов автономных областей, созыв этих съездов, сближение трудовых слоев самоопределяющихся народов с органами Советской власти в областях...»²

30 марта 1918 г. Наркомнат вызывает к прямому руководству председателя Ташкентского Совета и предлагает ему принять меры к созданию мусульманского Совета. Одновременно, для усиления работы среди трудящихся коренных национальностей из аппарата Наркомната направляется в Туркестан специальная группа работников.

В середине апреля 1918 г. в Ташкенте открывается V съезд Советов Туркестана, который провозглашает автономию Туркестана.

В телеграмме, посланной правительством РСФСР V съезду Советов Туркестанского края 22 апреля 1918 г., говорилось:

«Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах; мы приветствуем ваши начинания и глубоко уверены, что вы покроете весь край сетью Советов, а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте. Просим вас комитет по созыву Учредительного съезда Советов, которую вы взяли на себя организовать, направить к нам, в Москву, для совместной разработки вопроса об определении отношения полномочного органа вашего края к Совету Народных Комиссаров.

Приветствуем ваш съезд, мы надеемся, что вы достойно выполните возложенные на него историей задачи».³

¹ Газета «Правда», 1918, 9 апреля.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 33—64.

На заседании съезда 30 апреля было утверждено внесенное большевиками «Положение о Туркестанской Советской Федеративной Республике». Согласно этому положению:

«1. Территория Туркестанского края объявляется Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации. В состав Туркестанской Республики входит вся страна Туркестан в ее географических границах, исключая Хиву и Бухару.

2. Туркестанская Советская Федеративная Республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации».¹

Сообщая в Москву Ленину об одержанной блестящей победе на съезде Советов в Ташкенте, П. А. Кобозев писал: «Телеграмма правительства (РСФСР.— В. И.) прозвучала в унисон с событиями края. Белые мусульманские чалмы выросли в рядах Ташкентского пролетарского парламента, достигнув одной третьей всего состава».²

Переход власти в руки рабочих и беднейших крестьян Туркестана оказал исключительное революционизирующее влияние на трудящихся Бухары. Громадную роль в развитии революционного движения на местах сыграли рабочие — тыловики из среды узбеков, таджиков, туркменов побывавшие в России. Многие из них за время пребывания в России получили революционную закалку в совместной борьбе с русским пролетариатом против капиталистического строя. По возвращении в Туркестан они вели активную агитацию и борьбу за Советскую власть не только в Туркестане, но и в отдельных районах эмиграции.

Исключительно важное значение имело установление Советской власти в русских поселениях — Кагане, Термезе, Керках, Чарджике, расположенных на бухарской территории. Буквально на второй день после утверждения здесь власти Советов буржуазия была обложена контрибуцией, был разогнан административный аппарат Временного правительства и областного управления русскими поселениями Бухарского ханства в Кагане, арестован и отправлен в Ташкент бывший областной комиссар Введенский.

Вместо старого Резидентства по бухарским делам в Кагане учреждается Советская коллегия из трех человек и Совет Народных Комиссаров русских поселений, расположенных на тер-

¹ «Образование СССР», сборник документов, М., 1950, стр. 37.

² См. К. Е. Житов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1949.

ритории Бухарского ханства. Коллектив и Совариэму уда-
лось через несколько дней после их образования отправить еще
хлебом для рабочих Ташкента.

Таким образом, вокруг эмирата создавалась густая сеть
ветских районов, оказывавших революционизирующее воз-
действие на трудящихся Бухары. Мероприятия же эмира
по ограждению своих владений от Советского Туркестана при
мощи штыков бухарских и афганских солдат, оснащенных
ликийским оружием, могли только временно отсрочить его не-
избежимую гибель.

Одним из результатов прямого и непосредственного влия-
ния Великой Октябрьской социалистической революции на об-
щественно-политическую жизнь Бухары явилось образование
бухарской Коммунистической партии (большевиков) осенью 19
года.

Еще до первого ее съезда (ноябрь 1918 г.), под руковод-
ством одного из талантливых и энергичных организаторов Бухар-
ской Коммунистической партии Газимикана, в Кагане (Н. Бухар-
а) было создано отделение этой партии, которое при активной
держке туркестанских большевиков, развернуло революци-
онную работу среди трудящихся масс эмирата.

Поскольку основная деятельность ВКП, как авангарда
трудящихся Бухары по борьбе за свержение эмирата, развер-
нулась со второй половины 1919 года, об этом будет сказано ниже.

Выполнение поставленных Советским правительством
задач — «построить цитадель Советской власти на Востоке,
поставить социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде
и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученных
народов Востока»¹ вносило коренные и решающие изменения
в жизни этих народов, в том числе трудящихся Бухары, пока
стоявших под ярмом деспотического режима эмира.

2. Вооруженное столкновение между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой (март 1918 г.).

В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между
пролетарской Россией и империалистической Антантой для
раи были два выхода: либо вместе с Россией, и тогда — ос-
вобождение трудовых масс окраин от империалистического гно-
либо вместе с Антантой, и тогда — неминуемо империалист-
ическое ярмо.²

¹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 238, 239.

² См. там же, стр. 353.

Эмирская Бухара, враждебно относясь к Октябрьской рево-
люции, с первых дней существования Советской власти вместе
с Антантой повела борьбу против первого в мире государства
рабочих и крестьян. Правительство эмира, не признав Совет-
ской власти, активно готовилось к нападению на Советский
Туркестан. Для этого оно связалось с контрреволюционными
элементами внутри Туркестана и внешними врагами за пре-
делами страны.

Эмирская Бухара устанавливает контакт с разгромленной
русской буржуазией и царскими генералами, пытавшимися со-
здать так называемый «Юго-восточный союз» для борьбы с Со-
ветской властью.

На Дону тотчас после победы Великого Октября поднял
восстание казачий атаман Каледин. Заручившись поддержкой
внутренней контрреволюции, выполняя задания англо-фран-
цузских и американских империалистов, он захватил Ростов,
Таганрог и двинулся на Донбасс с целью установления тесной
связи с украинскими националистами. Одновременно Каледин
пытался поднять против Советской власти казачество на Куба-
ни, Тереке и в других районах, чтобы захватить Царицын и
соединиться с оренбургскими казаками.

В это же время казачий атаман Дутов, захвативший 17
ноября 1917 г. Оренбург, предпринимает наступление на Тан-
кент и Челябинск. С целью осуществления своих замыслов,
Дутов, при всесторонней помощи англо-французских и амери-
канских агентов, установил тесный контакт с туркестанской
контрреволюцией — «кокандскими автономистами» и семире-
ченскими казаками, а также с эмирской Бухарой и ханской
Хивой.

Основными организаторами объединения разрозненных
контрреволюционных очагов в единый лагерь были английские
империалисты, агенты которых к началу 1918 г. широко раз-
вернули свою подрывную деятельность на Юго-Востоке России,
в том числе и в Туркестане.

Как известно, еще 10(23) декабря 1917 г. на совещании
по вопросу об интервенции в Советскую Россию англо-фран-
цузские империалисты заключили между собой специальное
соглашение о разделе сфер влияния в России. В соответствии с
этим соглашением, Франции были предоставлены Бессарабия,
Украина и Крым, а Англии — Север, Прибалтика, Дон, Кавказ
и Туркестан.

К весне 1918 г., упрочив свое положение в Иране, Афгани-
стане и других сопредельных с Туркестаном государствах, ан-
глийские империалисты развернули в Туркестане активную

деятельность, оказывая финансовую и другую помощь местной контрреволюции.

Превратив Иран и Афганистан в базу для предстоящего вторжения в пределы Советского Туркестана, англичане с чрезвычайной поспешностью приступили к объединению контрреволюционных сил для борьбы против Советской власти. Видное место в их планах занимала эмирская Бухара. По указанию английских империалистов последняя связывается с туркестанской контрреволюцией.

Вспоминая о своих непосредственных связях и руководстве контрреволюционными бандами в Туркестане, тогдашний английский консул в Кашгаре Эссертон в своей книге «В сердце Азии» писал: «Большевистское правительство в то время не было в состоянии начать военные действия против Бухары потому, что ему грозила опасность со стороны англичан, находившихся в Северо-Восточной Персии, и оно встретило сильное противодействие со стороны повстанческих банд в Семиречье и Фергане, с которыми я поддерживал связь».¹

Подрывная деятельность внутренних и внешних врагов ставила Советский Туркестан в тяжелое положение. Это налагало большую ответственность на туркестанских большевиков, которые должны были выполнить директиву Ленина и к весне 1918 г. нанести решающий удар по контрреволюции, ликвидировав «Кокандскую автономию».

В самые напряженные моменты борьбы с врагами правительство Советского Туркестана не забывало проявлять заботу о судьбах трудящихся Бухары, стоявших под эмирским игом.

Так, например, 29 ноября (12 декабря) 1917 г. на заседании Совета Народных Комиссаров Туркестанского края специально обсуждался вопрос о казнях, телесных наказаниях и бесчеловечном обращении бухарского эмира со своими подданными. Принятом по этому вопросу решении, направленном российскому резиденту и Совдесу в Кагане, предлагалось «принять меры для отмены в Бухаре смертной казни и телесных наказаний отнюдь не вызывая волнения среди бухарского населения».²

На том же заседании Совнаркома было решено отправить эмиру следующую телеграмму: «Избранный волей революционного народа Совет Народных Комиссаров Туркестанского края подтверждает Вашему высочеству, что Совет будет твердо стоять на принципах, провозглашенных в отношении малых государств русским правительством. Со своей стороны Совет На-

родных Комиссаров рассчитывает на Ваше лояльное отношение и просит Вас принять все меры к сохранению порядка и спокойствия среди подданных Вашего высочества. Лишь при этом условии Ваше высочество может рассчитывать на доброжелательное отношение великой России к высокой Бухаре».¹

Но все эти попытки Советского Туркестана к налаживанию нормальных взаимоотношений с эмирской Бухарой не привели к каким-либо существенным результатам. Более того, эмир, под влиянием агентов английских империалистов готовился к вооруженному нападению на Советский Туркестан. В своем насквозь лживом меморандуме на имя Лиги наций 15 апреля 1929 года он писал: «Покуда существовало русское императорское правительство, бухарское правительство не имело никакой необходимости ни в армии, ни в военном снаряжении... После русской революции я взял на себя сам, по воле божьей, принятие необходимых мер».²

Вступив в коалицию с внутренними и внешними врагами Советской власти, эмир усиливает свою подрывную деятельность против Советского Туркестана. Он устанавливает тесный контакт с «кокандскими автономистами», оказывая им помощь оружием и деньгами. Он связывается также с Джунaid-ханом, главарем туркменских феодалов и с полковником Зайцевым, одним из руководителей белогвардейщины в Туркестане.

Упрочение позиций английских империалистов в районах Ближнего Востока способствовало более тесному сближению между эмиром бухарским и английскими захватчиками. Проводником английской политики в Бухаре явился генерал Денстервиль, командовавший английскими войсками в Иране. В результате, как видно из доклада полномочного представителя ЦИК Туркестана при правительстве РСФСР, в начале весны 1918 г. «начинает обнаруживаться работа англичан в Бухаре, у бухарского правительства... уже оказалось кое-какое оружие, военное снаряжение и появились афганские отряды, организованные англичанами в Афганистане. Эта материальная и военная поддержка англичан бухарскому эмиру укрепила в свою очередь реакцию, окрасившуюся тенденциями английской ориентации».³

Чувствуя за собой поддержку английских империалистов и их лакеев — афганских реакционеров, опираясь на внутреннюю

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 25, д. 2, л. 6.

² Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд. Меморандум эмира Алим хана на имя Лиги наций от 15 апреля 1929 г.

³ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 9, д. 397, лл. 84—86.

¹ Etherton T. E. In the heart of Asia. London, 1925, p. 151.

² ЦГАОР УзССР, ф. 25, д. 2, л. 6.

реакцию, эмирская Бухара объявляет себя «независимым» государством и снаряжает специальную миссию в Кабул к афганскому эмиру Хабибулла-хану. По этому поводу эмир бухарский в упомянутом выше меморандуме на имя Лиги наций писал: «Добившись признания независимости, я вступил в переговоры с афганским правительством для того, чтобы еще теснее упрочить узы дружбы и расположения между двумя народами».¹

Вслед за переговорами из Афганистана прибыли в Бухару афганские войска, снабженные английским оружием. По сообщению буржуазно-националистической газеты «Улут Туркестан», к моменту вооруженного столкновения между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой, в начале марта 1918 г., среди бухарских войск имелось «много добровольцев-афганцев».² В дальнейшем число этих «добровольцев» достигло двух тысяч человек, руководимых английскими и афганскими офицерами.

По прямому указанию английских империалистов эмирская Бухара все более переходит на путь открытой агрессии против Советского Туркестана, упорно уклоняясь от налаживания нормальных взаимоотношений с ним, а затем вообще прекращая всякие связи с Советским правительством. Материальные ресурсы эмира подчиняются задаче подготовки вооруженного нападения на Советский Туркестан. В течение двух месяцев проводится поголовная реквизиция лошадей.

В Бухаре очутились также обласканные эмиром остатки разбитого кокандского «автономного правительства», белые офицеры разгромленных под Самаркандом полков. Используя духовенство для разжигания национальной розни, натравливая религиозных фанатиков на советских граждан, опираясь на поддержку меньшевиков и эсеров, засевших в Кагане, эмир закупает оружие не только у казаков, возвращавшихся из Завкашпийской области, но и у различных контрреволюционных элементов внутри Туркестана. Так, например, в феврале 1918 г. эмирскими агентами было «приобретено» в Кагане сто винтовок. Упакованные в коврах и постельных принадлежностях, они были обманным путем по железной дороге переправлены в Старую Бухару.³

В «Нашей газете» 8 апреля 1918 г. сообщалось следующее: «За время с последних чисел ноября до бухарских событий были объявлены три мобилизации: созывались жители из кишла-

ков, которым устраивались эмиром гулянья, заканчивавшиеся джигитовкой».¹ Как правило, эти гулянья носили антисоветский характер и обычно кончались казнью местных жителей, заподозренных в сочувствии Советской власти.

Мобилизация материальных и трудовых ресурсов для подготовки к войне и разрыв отношений с Советским Туркестаном крайне вредно сказались на экономике Бухары. В конце 1917 и в начале 1918 года в Бухаре резко повысились цены на продовольствие. В западной части страны хлеб продавался по 4 рубля за фунт (г. Карши), а в восточной — его «спелось было достать ни за какие деньги, там жители питались корнями диких растущих растений».² Население, очутившееся в безвыходном положении, покидало насиженные места и бежало в поисках заработка в города. Только в декабре 1917 г. в Старую Бухару прибыли из кишлаков 700 человек (мужчины, женщины и детей).

Голод и безработица вызывали со стороны народных масс открытое недовольство существующим строем. В ответ эмир усиливал репрессии, с особой жестокостью расправляясь с русским населением. Так произошло с одной из бухарских типографий, где работали русские рабочие. В феврале 1918 г. «во двор типографии была введена бухарская полиция, рабочим в течение нескольких дней было отказано в выдаче провизии, керосина и дров».³ Такая же участь постигла тех, кто работал в каретной мастерской. Рабочие заболели, многие умирали, а русским врачам запрещали даже подходить к ним. В стране создавалась гнетущая атмосфера, всюду процветали шпионаж и слежка, недовольных режимом эмирата истребляли.

Все это эмир мотивировал тем, что этого требуют «независимость» и «самостоятельность» страны, оборона от вторжения Советского Туркестана, который, якобы, посягает на жизнь народов Бухары.

Эмир воскресил свои старые идеи, которые были им высказаны царскому правительству еще в 1911 г. о присоединении к владениям эмирата Восточного Туркестана с мусульманским населением, дабы объединить под своим скипетром «Большую и Малую Бухару». Старый догмат, выдвинутый афганским идеологом панисламизма Саидом Джамалидидом, становится краеугольным камнем политики бухарского эмира. Посылая своих представителей в Афганистан к Хабибулла-хану и принимая его представителей, эмир поднимает

¹ «Наша газета», 1918, 3 апреля.

² Там же, 1917, 29 декабря.

³ Там же, 1918, 4 мая.

¹ Меморандум эмира от 15 апреля 1929 г., стр. 7.

² См. газету «Новый Туркестан», 1918, 9 мая.

³ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана, Рукописный фонд, рукопись № 727.

вопрос об объединении всех азиатских народов, без различия национальностей и племен, для борьбы против Советской власти. С этой целью он намеревался отрезать Туркестан от Каспия, разрушить в случае войны все дороги, ликвидировать водопроводы. В таком духе эмир дает указания своим подчиненным бекам.

Создавшаяся обстановка требовала от правительства Советского Туркестана энергичных мер по установлению нормальных взаимоотношений с Бухарой и прекращению со стороны эмира репрессий к трудящимся массам.

Еще в январе 1918 года Совет Народных Комиссаров Туркестана специальным письмом на имя бухарского эмира уведомил его о том, что, согласно распоряжению Центрального Совнаркома, вместо резидентства в Бухаре учреждается Коллегия из трех лиц, которым предоставляется право сношения с эмиром. В заключение Совнарком выразил уверенность, что эмир пойдет «навстречу Рабоче-Крестьянскому правительству, желая идти путем мира и дружбы».¹

Эмир не только не реагировал на это письмо, но отказался даже дать аудиенцию представителям Советского резидентства. Неоднократные попытки Н. Г. Полторацкого, члена правительства Советского Туркестана, находившегося в то время в Бухаре, урегулировать взаимоотношения с Бухарой, были отвергнуты эмиром. Все переговоры эмир вел по-прежнему с представителями старого резидентства. О них он писал: «Это наши люди, к ним можно обращаться за советом».²

Прямую услугу эмиру оказали младобухарцы, спровоцировавшие в марте 1918 г. вооруженное столкновение между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой.

Еще в декабре 1917 г. представители младобухарцев, прибывшие в Ташкент, обратились к правительству Советского Туркестана с предложением о совместном выступлении против эмирской Бухары, заявив при этом, что они «могли бы самостоятельно выступить против эмира, но в случае неудачи не несут ответственность за судьбу русского населения Бухары».³

Совнарком Туркестана, считая несвоевременным вооруженное столкновение с Бухарой, рекомендовал младобухарцам провести более серьезную и глубокую агитацию среди трудящихся Бухары для подготовки их к борьбе против эмира. Одновременно

но Каганскому и Самаркандскому Советам было дано указание обратить больше внимания на работу среди трудящихся масс эмира.

Не удовлетворившись этим, руководители младобухарцев два месяца спустя снова направили своих представителей в Ташкент, заявив правительству Советского Туркестана о том, что будто бы под их знамена собрано тридцать тысяч человек, для вооружения которых требуется всего лишь около трех тысяч винтовок, четыре пушки и четыре пулемета. На самом деле реальную силу младобухарцев составляли только несколько десятков человек из числа верхушечных буржуазных слоев Бухары, лакействовавших перед эмиром. Что касается демократических элементов, действительно боровшихся против существующего строя, то они не выражали своих симпатий к младобухарцам и враждебно относились к их действиям. Назывались же они младобухарцами лишь потому, что в тот момент, из-за отсутствия Коммунистической партии в Бухаре, всякий, выступавший против режима эмира, считался младобухарцем.

Чтобы осуществить свои провокационные планы, значительная часть младобухарцев воспользовалась проездом 20 февраля 1918 г. через Каган председателя Совнаркома Туркестана Ф. Колесова, возвращавшегося в Ташкент из Ашхабада, где он находился в служебной командировке. Руководители младобухарцев заверили Колесова в готовности народов Бухары к восстанию против эмира и настаивали на необходимой помощи со стороны Советского Туркестана и лично его, Колесова, как главы правительства.

Колесов поддался на провокацию младобухарцев, совершив тем самым серьезную ошибку. Он слепо поверил их лживым заявлениям и, обещав им поддержку, в конце февраля снова прибыл в Каган с отрядом в 46 человек при одной пушке и одном пулемете. Обещанные же младобухарцами 30 тысяч бойцов оказались блефом. Создалась чрезвычайно сложная обстановка.

«Правда, — писал впоследствии Н. Г. Полторацкий, — наши силы увеличивались с каждым днем, и образовались войска, которые могли бы называться армией».¹ В эту армию входило 500—700 человек из числа прибывших из Закаспия русских и туркменских фронтовиков и самаркандского отряда, в составе которого были и мусульманские рабочие, объединенные в союз «Иттифок», отряды кушкунцев и, наконец, личная охрана Колесова. Сюда нужно добавить бухарский отряд в 200 человек, главным образом, рабочих железной дороги и хлопкоочисти-

¹ «Наша газета», 1918, 17 января.

² Там же, 1918, 3 апреля.

³ Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана. Рукописный фонд, рукопись № 14. Ф. Колесов. Восстание в Бухаре.

¹ «Наша газета», 1918, 1 мая.

тельных заводов, созданный не только без какого бы то ни было участия младобухарцев, но и против их желания.

Конечно, этих сил было недостаточно, чтобы сломить врага. Они были малочисленны и к тому же, что особенно важно, крайне плохо вооружены. Но, надеясь на скорое прибытие подкреплений из близлежащих городов, Колесов решил перейти к активным действиям.

Прежде, чем начать боевые операции, Колесов, как представитель правительства, сделал попытку решить вопрос мирным путем. С этой целью он предъявил эмиру следующие требования: объявление в эмирате полной свободы слова, печати и собраний; создание Исполнительного комитета как органа, контролирующего правительство Бухары, в том числе и эмира; освобождение чиновников эмирата; отмена казней, палочной дисциплины и других жестокостей; отмена наиболее тяжелых налогов, в частности «амляка» и т. д.

Эмир первоначально дал уклончивый ответ, ссылаясь на то, что население его страны фанатично, и выполнить указанные требования невозможно. Но, зная через своих агентов о намерении Колесова наступать, эмир, для оттяжки времени с целью лучшей подготовки своих войск, согласился на образование Исполнительного комитета с тем, однако, чтобы войска Колесова не входили в Бухару.

Разгадать замысел эмира было вовсе не трудно. Колесов потребовал личного свидания с эмиром, который отказался от него и направил в Каган для переговоров своих ответственных представителей — кушбеги (премьер-министра) и кази-кал (главу духовенства). Они объяснили, что эмир не смог прибыть, якобы по случаю занятости, а сами не согласились принять решения ни по одному вопросу.

Колесов сделал последнюю попытку урегулировать вопрос мирным путем, назначив дополнительный суточный срок прибытия в Каган эмира. Но эмир, удовлетворенный благоприятным возвращением своих делегатов из Кагана, использовал предоставленное время, чтобы подтянуть свои войска к советским границам и подготовить их к наступлению. Тогда Колесов, чтобы вырвать инициативу из рук врага, несмотря на малочисленность своих войск, отдал приказ о наступлении.

Боевые операции начались 2 марта 1918 г. После незначительной артподготовки войска Колесова перешли в наступление на Старую Бухару...

Первое крупное столкновение произошло в районе Фахр-абада, на расстоянии одного километра от Старой Бухары, окруженной толстой стеной с 11 воротами. Офицеры в ту

кой, афганской и русской формах подгоняли солдат к выходу из ворот. Из 3—4 ворот в направлении к наступающим вышли бухарские войска, в большинстве ополченцы из мулл. Держась в ряд, с криками «Аллах!», они шли на явную смерть. Перед пулеметами оказались груды мертвых тел. Под напором советских частей регулярные войска эмира обратились в бегство. На другой день, 3 марта, бойцы Колесова подошли вплотную к стенам Бухары.

Потерпев поражение, эмир решил прибегнуть к хитрой уловке. Он послал к Колесову делегацию, изъявившую от его имени согласие на принятие ранее предъявленных условий, и издал манифест, в котором заявил, что «для нации нет более великого счастья, чем равенство и свобода» и что единственное спасение народа он видит в правительственной реформе на основе справедливых начал. В манифесте говорилось: «Предоставляя всему нашему народу свободу слова, свободу промышленности, свободу обществ, окончательно аннулируем хищничество и тиранию».¹

Эмир даже готов был пойти на то, чтобы вместо существующих наместников учредить Исполнительный комитет, по указанию которого будут проводиться в стране все реформы. Признавая, что возглавляющие правительство лица являются противниками свободы и врагами Советской власти и народа, он соглашался отстранить их от управления страной, а на их место назначить лиц, выдвинутых Исполнительным комитетом. Далее, обещалось ликвидировать телесные наказания и казни, отменить систему налогов «амляк» и др.

Для контроля за выполнением указанных мероприятий в Старую Бухару была направлена советская делегация во главе с В. П. Уткиным и Абдурахмановым. До их возвращения решено было вначале задержать бухарскую делегацию, но затем под давлением младобухарцев она была отпущена и благополучно вернулась в эмират. Это был более, чем опрометчивый шаг Колесова, оказавшийся на руку эмиру.

Пользуясь наступлением затихия, эмир за ночь укрепил свои силы, пополнив их наиболее фанатичными элементами, главным образом, из духовенства. Общее число бухарских войск было доведено до 35 тысяч человек. Делегация, посланная Колесовым в Бухару, была проведена во двор кушбеги. Здесь В. П. Уткин 15 минут беседовал с эмиром, после чего сообщил в Каган по телефону о провале миссии. Делегация

¹ Цит. по рукописи Ф. Колесова. Восстание в Бухаре, стр. 24.

обманным путем была заманена в подвал. Закрыв вход в него эмирские солдаты через отверстия, просверленные в потолке залили подвал грязной водой, смешанной с кислотой.¹ Истребив посланную Колесовым делегацию, эмир отказался от выполнения взятых им обязательств. По его указанию была разрушена часть железнодорожной линии, соединяющей Ташкент с Закаспием, а все русское население на этом пути вырезано. На одной только станции Каракуль оказались 43 жертвы. Советские войска очутились в исключительно тяжелом положении. Вспоминая об этом, Колесов впоследствии писал: «Случилось то, чего мы не предвидели... Мы предполагали все, но только не это. Разрушение ж.-д. разбило в пух и прах все дело. Ни о каких передвижных мыслить не приходилось».

Утром следующего дня бухарские войска перешли в наступление. Для того, чтобы поднять дух солдат, эмир через мул развернул пропаганду борьбы против «неверных». Колесов бросил в бой наиболее крепкие части, прибывшие из Чарджуя. Они обратили в бегство регулярные войска эмира, которые скрылись за крепостной стеной, но им на смену эмир выставил свежие полки кадровых бойцов и ополченцев. Однако под давлением чарджуйцев бухарцы снова начали отходить. В этот критический момент у Колесова иссякли боеприпасы. Патроны, изготовленные перед самым сражением в Эмир-Абаде, оказались негодными; из-за отсутствия свинца пули отливали из олова, и они расплавлялись в стволах винтовок. Отправленные из Термеза 5000 снарядов, вследствие порчи ж. д. линии, не прибыли в Каган. Более того, поезд, в котором находились снаряды, был окружен отрядом каршинского бека. Советской охране был навязан неравный бой; русское население в количестве 160 человек, находившееся в городе, по приказу бека было уничтожено. Разрушение железнодорожного полотна и набег подчиненных эмиру беков не дали возможности отрядам, спешившим на помощь Колесову из Чарджуя и Мерва, добраться к месту назначения. Одновременно гузарский бек, имея пехотный отряд в три тысячи человек, в сопровождении туркменских конников ударил по Кагану с тыла. Оправившиеся войска эмира поднялись в атаку, местами проникли в Каган, грабя и убивая местных жителей.

Между тем «левые» эсеры, пребравшиеся к руководству в Кагане, всячески тормозили обеспечение советских отрядов продуктами. В то же время белогвардейские элементы распустились.

¹ Н. Норкулов. Трагедия в Арке. Газ. «Правда Востока», 1967, 13 апреля.

² Ф. Колесов. Доклад при Землячестве, М., 1932, стр. 8.

скажи слухи о том, что в Ташкенте и Самарканде Советская власть свергнута. Прикидываясь друзьями, они рекомендовали Колесову держать путь на Закаспий.

Создалась исключительно сложная обстановка, чрезвычайно невыгодная для советских войск. Колесов отдал приказ об отходе в направлении к Самарканду. Отступление было трудным, так как железнодорожный путь на большом расстоянии был разобран агентами эмира. Банды эмира появлялись то с тыла, то с фронта, то с флангов.

Общая картина на территории Бухарского ханства после отхода Колесова была, примерно, следующая.

В Кагане из общего количества 10 тысяч населения с Колесовым ушло 5500 человек; оставшиеся жители были подвергнуты бухарскими палачами истязанию. В привокзальном районе была устроена форменная резня русских. В больнице эмирские наемники не оставили ни одного живого человека.

В аналогичном положении очутилось население в районе Керки. Здесь банды керкинского бека беспощадно грабили частное и военное имущество, разрушали железнодорожные пути, рвали телефонные провода. Точно так же действовал в Термезе ширабадский бек. В ответ на требования термезцев прекратить бесчинства, он ответил, что мстит им за то, что они направили в помощь Колесову поезд со снарядами.

Всюду, где эмирским войскам удалось захватить население врасплох, они устраивали бойню.

В Келифе в течение полутора месяцев горсточка русских патриотов героически удерживала станцию. В боях принимали участие женщины. Под предлогом спасения от «ненависти местных жителей», бек пригласил 50 пограничников 25 февраля 1918 г. в крепость и по одиночке всех истребил.

Везде и всюду валялись трупы. Зверства эмира и его беков не поддаются описанию. При подходе войск Колесова к Знадину, близ Самарканда, куда проникли банды эмира, население, бросая насиженные места, окружало вагоны и с воплями и криками молило о помощи. Об этом впоследствии Колесов вспоминал: «Истерзанные матери протягивали нам детей, лишившихся отцов. Девочки с рыданиями рассказывали о насилиях, творимых над ними бандитами».¹

Неслыханным, зверским истязаниям подвергалось население самой Бухары. Младобухарцы еще до начала событий увезли свои семьи и оставили лишь наименее ценное имущество. Поэтому страдали бедняцкие слои народа. Айни писал: «Если бы эмир захватил младобухарцев и избил бы их, это было бы есте-

¹ Ф. Колесов. Доклад при Землячестве. М., 1932.

ственным. Но вышло наоборот. Правительство могло только разграбить имущество младобухарцев..., но оно подвергло данному жестокому истреблению невинных людей, спокойных сидевших дома».¹

Муллы и эмирские чиновники, воспользовавшись произволом, присваивали себе чужое добро. «Муллы и исполнители шариата, — писал Айни, — устранились в чужих домах, как в отцовском наследии».²

Для вылавливания лиц, заподозренных в сочувствии Советской власти, эмир выделил особую команду «ширбачей» («львят»), состоящую из воров и жуликов. Был создан «скариый» суд казиев, который без всякого разбора выносил смертные приговоры, отправляя на расстрел невинных людей.

События в районе Бухары взволновали трудящихся всего Советского Туркестана. В разных концах республики на борьбу поднялись рабочие и беднейшие дехкане. В больших городах, таких, как Ташкент, Самарканд, Перовск, Урсатьевск и др. были организованы добровольческие отряды. Трудящиеся по собственной инициативе за короткий срок восстановили разрушенные бандитами связь и железнодорожную дорогу.

Советские войска, направленные из Ташкента, разгромили хорошо вооруженный отряд, возглавляемый беком Кермине. Сообщая подробности этого сражения, «Наша газета» 22 марта 1918 г. писала: «17 марта произошло сражение у города Кермине, несмотря на установленное накануне перемирие, условие которого было нарушено бухарцами. В городе Кермине сосредоточены были регулярные бухарские войска — около пяти тысяч человек. После накопления сил противник готовился к внезапному нападению. Был отдан приказ отряду (ташкентской социалистической армии) о наступлении на крепость. Приблизившись к городу, отряд был встречен интенсивным артиллерийским и ружейным огнем врага. В результате ожесточенного боя бухарцы были разбиты». Впоследствии, как указывала та же газета, выяснилось, что «боевыми операциями под городом Кермине, неприятельскими войсками руководил русский полковник Ванновский (сын бывшего царского военного министра. — *Б. И.*), который был убит. Кроме того, среди убитых офицеров было обнаружено много русских артиллеристов и пулеметчиков. По показанию пленных, среди бухарского войска имелось значительное число русских».

В керминейском сражении, таким образом, участвовали не только бухарские войска, но и не мало русских белогвардейцев.

¹ С. Айни. Указ. соч., стр. 112.

² Там же.

удравших из Ташкента и других советских городов в эмирскую Бухару.

Победа над керминейским беком заключалась не только в разгроме его вооруженного отряда и пленении самого бека со всеми его чиновниками. Она дала возможность освободить многих трудящихся, томившихся в бухарских тюрьмах, а также пленных красноармейцев. Об этом газета «Новый Туркестан» 13 марта 1918 г. сообщала:

«Крепость была занята, бек и его советники арестованы. В крепости находились пленные в количестве 200 человек, которые были освобождены. Среди убитых в крепости оказался русский офицер во всей боевой амуниции. Кроме этого, из крепости были освобождены пленные русские женщины и дети, 20 узбеков, которые сидели под землей, прикованные цепями».

Еще находясь в Кагане, Колесов предложил эмиру заключить мир. Однако последний всячески уклонялся от этого предложения. Будучи уже в Кизыл-Тене, 11 марта, Колесов снова обратился к эмиру с мирными предложениями. И на сей раз эмир и его чиновники пытались затянуть дело. Тогда эмиру от имени туркестанского правительства командованием Туркестанского военного округа была направлена официальная нота. В ней указывалось, что в имевших место событиях немалую роль сыграли русские контрреволюционеры, часть которых была обнаружена среди убитых. Нота требовала выдачи всех контрреволюционеров, прекращения военных действий и назначения уполномоченных для окончательного заключения мирного договора.

После керминейского боя эмир становится сговорчивее. По мере роста сил советских войск безнадежность его положения становилась все более очевидной. В результате, эмир дал согласие и заверение о выполнении условий, предъявленных в советской ноте. 23 марта 1918 г. представители эмира прибыли в Кизыл-Тене.

Несмотря на кровавые злодеяния, совершаемые эмиром, делегация, посланная им в Кизыл-Тене, была принята представителями правительства Советского Туркестана. Придавая важное значение налаживанию нормальных взаимоотношений с Бухарой, Туркестанское правительство стремилось к скорейшему заключению мира. Это вызывалось необходимостью мобилизовать силы республики на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией, активизировавшейся к весне 1918 г.

Мирный договор был заключен в Кизыл-Тене 25 марта 1918 г. В него были включены четыре пункта, содержащие требования к эмиру:

- «1. Разоружение и роспуск армии, сформированной эмиром;
2. Возмещение убытков, нанесенных железной дороге и восстановление разрушенных участков;
3. Соблюдение эмиром полной нейтральности во внешней политике по отношению к Советской власти и обеспечении мирной жизни советских граждан на бухарской территории;
4. Удаление из Бухары всех белогвардейцев».¹

Эмир немедленно согласился выполнить эти требования. Что касается ряда других требований, выставленных представителями Советской власти перед заключением договора, то на них эмирские чиновники в одном случае отвечали уклончиво, а в другом — отделивались молчанием. Так, например, на требование выдать контрреволюционеров, они отвечали: «Укажите нам русских контрреволюционеров, скрывающихся у нас». Никакого ответа не было дано и по вопросу о возмещении ущерба, нанесенного русскому населению бухарскими войсками.

Военные столкновения между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой весной 1918 г., связанные с операцией Колесова, выявили предательскую роль «левых» эсеров, которые всячески тормозили отставку войск на помощь Колесову и распространяли ложные слухи с целью посеять панику и вести замешательство в рядах красных воинов.

Вместе с тем, это столкновение обнаружило истинное лицо партии младобухарцев, которые спровоцировали Колесова на выступление, заявляя, что у них достаточно сил для борьбы с эмиром.

Поведение младобухарцев в тот период было не случайным. Содействуя, столкновению между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой в наиболее трудные для Советской власти дни, они тем самым старались образовать новый фронт, что вытекало из интересов внутренних и внешних врагов Советской страны, возглавляемых английскими интервентами.

О враждебной деятельности младобухарцев весной 1918 года свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, предложение младобухарцев о помощи правительству Советского Туркестана исходило от Преображенского, работавшего в Н. Бухаре (Кагане) как в период Временного правительства, так и в первое время после победы Октябрьской революции.

Во-вторых, чтобы ввести руководителей партии и правительства Советского Туркестана в заблуждение, младобухарцы при-

бегли к провокационному шагу, заявляя о готовности народов Бухары к вооружению против эмира и о наличии в стране 30 тысяч повстанцев. В действительности, к весне 1918 г. условия для восстания внутри Бухары еще не созрели и 30-тысячного революционного войска не существовало.

В-третьих, предполагая неминуемую неудачу предстоящего выступления Колесова, младобухарцы за несколько дней до этого эвакуировали свои семьи из Старой Бухары в Каган, захватив наиболее ценное имущество.

В-четвертых, будучи хорошо осведомленными об общем положении Бухары в дни военного столкновения, а также о разрушении железнодорожной линии, в результате чего войска Колесова оказались отрезанными как от Ташкента и Самарканда, так и от Закаспия, младобухарцы не предупредили об этом советское командование для принятия соответствующих мер. Более того, младобухарцы сознательно толкнули Колесова на отпуск представителей эмира, прибывших в Каган для урегулирования конфликта.

Руководители младобухарцев раскрыли свои истинные намерения. После неудачного похода Колесова, когда войска Советского Туркестана во главе с Колесовым ушли, они открыто вступили в связь с реакционными кругами Афганистана, которые под видом помощи в примирении Бухары с Советским Туркестаном, хотели подготовить благоприятную почву для присоединения Бухары к Афганистану. Газета «Новый Туркестан» 9 марта 1918 г. писала: «По сообщению газеты «Улут Туркестан», на днях в Ташкент приезжал и остановился в гостинице «Националь» афганский представитель Раджа в сопровождении одной русской дамы — переводчицы, одного русского офицера и трех младобухарцев. Есть основание думать, что приезд этой миссии имеет отношение к совершившимся сейчас бухарским событиям».

Мало того, по прибытии в Советский Туркестан многие из представителей младобухарцев открыто поступают на службу к иностранным государствам: Фитрат — на службу к афганскому консулу в Ташкенте, Парс Ходжаев выехал в Кашгарию, Аслан Ходжаев — в Персию, Рахмат Рафиков — в Баку к мусаватистам и т. д.

Участие в спровоцированном младобухарцами военном столкновении между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой явилось крупной ошибкой большевиков Туркестана. Легко поддавшись на провокацию младобухарцев, руководители Советского Туркестана во главе с председателем Совнаркома Колесовым, без конкретного учета внутренних революционных воз-

¹ Газета «Советский Туркестан, 1918, 28 июня.

возможностей и готовности масс к восстанию пошли по неправильному пути разрешения конфликта между Бухарой и Советской властью при помощи вооруженных сил. В то же время Колесов, как глава правительства, не сумел обеспечить достаточного количества войск для похода на эмирскую Бухару. Его ошибкой являлось и то, что 4 марта 1918 г., нанеся противнику тяжелое поражение, он, по настоянию младобухарцев, отпустил представителей эмира, прибывших по вопросу мирного улаживания конфликта. Этот неправильный шаг Колесова обошелся Советскому Туркестану очень дорого.

Руководители Советского Туркестана нарушили важнейшее положение марксизма-ленинизма, согласно которому оказать помощь трудящимся в свержении власти эксплуататоров можно при вполне определенных объективных условиях, когда, говоря словами В. И. Ленина, «переворот вполне созрел». Попытка же свергнуть власть эмира без участия в борьбе широких народных масс заранее была обречена на провал.

Своими действиями Колесов ввел в заблуждение правительство РСФСР относительно всесторонней подготовки внутренних революционных сил и соответствующих условий для оказания помощи трудящимся Бухары в освобождении от тирании и произвола режима эмирата. Своим неправильным шагом Колесов, как глава правительства, не только не выполнил стоящей перед ним задачи по разрешению конфликта, но создал дальнейшие осложнения во взаимоотношениях между эмирской Бухарой и Советским Туркестаном.

Между тем, в этот период эмирская Бухара принимает все более проанглийскую ориентацию. Англичане с особым вниманием следили за развернувшимися бухарско-туркестанскими событиями. «Радиотелеграф Тибета через каждый час передавал Лондону о положении дел. Это и понятно. Бухара являлась пристанищем английских агентов, агитировавших против Туркестанской республики».¹

После «колесовского похода» в эмирате значительно усилилась реакция. «С новой яростью распоясалась реакция, — вспоминает участник Бухарской революции К. Ф. Камплов. — Тысячи молодых патриотов были умерщвлены. Каждую ночь в бухарской крепости убивали людей, сочувствовавших революции».²

Мартовское военное столкновение 1918 г. между Советским Туркестаном и эмирской Бухарой явилось вместе с тем круп-

ным шагом на пути дальнейшего развития борьбы трудящихся масс Бухары против эмирского мракобесия. Массы обогатились весьма ценным опытом, использованным ими при свержении ненавистного эмирского режима. Доказательством этого служит Сентябрьская революция 1920 г., когда народы Бухары, при помощи русского пролетариата и беднейшего крестьянства в лице Красной Армии, под руководством великой партии Ленина, осуществили свою вековую мечту и сбросили своих и чужеземных поработителей.

¹ Газета «Жизнь национальностей», 1919, 17 августа.

² К. Ф. Камплов. В борьбе с реакцией. В сб. «За Советский Туркестан», Госиздат УзССР, Ташкент, 1963, стр. 444.

ГЛАВА III

ПОДГОТОВКА ЭМИРСКОЙ БУХАРЫ К ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА И ЕЕ РОЛЬ В ТРЕХ ПОХОДАХ АНТАНТЫ

Военное столкновение между Советским Туркестаном и Эмирской Бухарой в марте 1918 г. усилило реакцию в Бухаре. Эмир принимает еще более решительные меры для сохранения своего господства. Он теснее связывается с контрреволюционными силами внутри России, которые при помощи иностранных империалистов готовились к свержению Советской власти. Попадая в орбиту английского влияния, эмирская Бухара превращается в один из важнейших очагов английских интервентов и российских контрреволюционеров в Средней Азии.

В борьбе против Советской власти в первой половине 1918 г. сложились две силы: с одной стороны, внутренняя контрреволюция, состоявшая из свергнутых классов — помещиков и капиталистов, из разбитых партий — кадетов, меньшевиков, эсеров, анархистов и всяких буржуазных националистов, из белогвардейских генералов, казачьего офицерства и др., а с другой — империалисты Антанты, охваченные звериной ненавистью к молодой Советской Республике, существование и успехи которой служили заразительным примером для рабочих и солдат Запада. Эти две силы готовы были идти на свержение Советской власти.

Объединение внутренней и внешней контрреволюции было обусловлено тем, что внешняя реакция имела большие материальные возможности, но не могла в связи с мировой войной свободно маневрировать воинскими силами. Внутренняя же контрреволюция, располагая определенными людскими резервами, не имела материальных средств для борьбы против Со-

ветской власти. Объединение этих двух сил обусловило длительность гражданской войны в нашей стране.

Опираясь на силы внутренней контрреволюции, сосредоточенные, в силу ряда обстоятельств, главным образом на окраинах страны, иностранные империалисты начали военную интервенцию против Советской России, окружая ее кольцом фронтов.

Англо-французские, а затем и американские войска, высадившись на севере России, свергли Советскую власть в районе Мурманска и Архангельска и создали белогвардейское «правительство Севера России». На Дальнем Востоке японцы, захватив Владивосток, а затем и американцы помогли белогвардейцам восстановить власть помещиков и капиталистов в районе Приморья. На Северном Кавказе под руководством бывших царских генералов Корнилова, Алексеева и Деникина, при прямой поддержке англо-французов, была создана белогвардейская «добровольческая армия» и поднят антисоветский мятеж казачьих верхов. На Украину, по договоренности с украинскими националистами, вступили войска кайзеровской Германии; в Закавказье хозяйничали турки, немцы и англичане, поочередно «приглашаемые» грузинскими и азербайджанскими националистами, эсерами и меньшевиками. На Средней Волге и в Сибири усилиями англо-французов был организован мятеж чехословацкого корпуса, состоящего из военнопленных, возвращавшихся, по разрешению Советского правительства, к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток. В Самаре, при содействии интервентов, было образовано белогвардейско-эсеровское Самарское «правительство», а в Омске — Сибирское белогвардейское «правительство».

Средняя Азия, в соответствии с соглашением, заключенным 10(23) декабря 1917 г. между странами Антанты, попала в сферу влияния империалистической Англии и при ее же помощи и поддержке была окружена враждебными Советской власти фронтами. На Оренбургско-Актюбинском направлении наступал казачий атаман Дутов; в районах Семиречья, при поддержке кулацких элементов, начал активизироваться агент Колчака Анненков; в районах Закаспия, при поддержке эсеров и меньшевиков, власть фактически перешла в руки англичан; в районах Ферганы, при активной поддержке агентов английских империалистов через Кашгарию, началось басмаческое движение.

Отрезанный от центра, лишенный не только завоза хлеба, но также нефти и угля для железнодорожного транспорта и

промышленности, Туркестан оказался в чрезвычайно тяжелом положении.

Об особенностях завоевательной политики Англии В. И. Ленин в 1918 г. писал: «Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения под предлогом помощи методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия».¹

Именно такой метод применяли англичане в своей борьбе против Советской власти в Средней Азии.

Вторично был отрезан силами казачьего атамана Дутова Zugang Туркестан от РСФСР. Англия укрепляется в граничащих с Туркестаном странах — Иране и Афганистане, которыми она овладела еще в конце первой мировой войны. В течение весны и лета 1918 г. здесь, особенно в Иране, происходит усиленная концентрация английских войск, о чем свидетельствуют многочисленные факты.

Так, к концу апреля 1918 г. в Берджан «прибывает английский консул, устанавливается штаб генерала Дэля и открывается лазарет и почта».² По архивным данным, сюда предполагалась переброска войск из Индии. 2 июля 1918 г. сообщалось, что «в данное время англичане доставляют в порт Энзели Палестины войска, фураж, оружие и др.».³ Из этих же источников видно, что «в августе месяце в Берджан прибыл караван в 60 верблюдов с медикаментами и другим госпитальным оборудованием... из Шуспана на Мешхед выступило еще 500 английских сипаев (индийские солдаты. — Б. И.) с двумя отрядами».⁴

Концентрируя свои войска на территории Ирана, Англия готовила тыловые резервы на границах Средней Азии и Закавказья. Летом 1918 г. английские вооруженные силы под командованием генерала Денстервилля, полностью «освоив Иран, вышли на южное побережье Каспийского моря и в августе месяце по «приглашению» муссаватистов направили свой отряд в Баку. Одновременно, с целью свержения Советской власти в Средней Азии и захвата Туркестана, генерал Малл

сон, под предлогом оказания «помощи» белогвардейцам, вторгся в Закаспийскую область.

Занятие Баку и Закаспия являлось важным звеном в цепи империалистических планов окружения Советского государства. Анализируя военное, общестратегическое положение страны, Ленин в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. говорил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой».¹

В тылу Закаспийской области (в Бухарском и Хивинском ханствах) при непосредственной помощи английских империалистов продолжалась концентрация вражеских сил, готовившихся к нападению на Советский Туркестан.

В английских планах свержения Советской власти в Туркестане и восстановления господства эксплуататорских классов с лета 1918 г. важное место занимают контрреволюционные организации, тайно существовавшие в стране. Наиболее мощной из них была так называемая «Туркестанская военная организация» (ТВО), возглавляемая царским генералом Джунковским. Эта организация была связана с английским командованием в Мешхеде (Сев. Иран) и английским консулом в Кашгаре задолго до прибытия в Ташкент официальной английской миссии в августе 1918 г. Еще весной того же года, во время переговоров, проходивших в Мешхеде между английским консулом и Джунковским, было достигнуто полное взаимопонимание по вопросу о подготовке контрреволюционного переворота в Туркестане.

По свидетельству полковника Зайцева, одного из руководителей туркестанской контрреволюции, к лету 1918 г. «ТВО» значительно увеличила свои ряды и расширила сферу своих действий. В воспоминаниях, написанных им в 1926 г. во время заключения на Соловецких островах, он сообщает: «По словам председателя («ТВО», — Б. И.), все обстояло великолепно. Нельзя было желать лучшего: сама организация была построена на стройной системе, проведенной сверху донизу. Приток желающих вступить в борьбу с Советской властью все увеличивается, силы все больше накапливаются, организация раскинула сети по всему краю, во всех более или менее населенных пунктах имеются «очаги борьбы», в крупных центрах

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 3.

² ЦГАОР УзССР, ф. № 17, оп. 1, д. 233, л. 56.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 57.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 7—8.

(Асхабад, Самарканд, Красноводск, Коканд, Аулиэ-Ата, Верный) отделы организации, а в маленьких — подотделы. Во они поддерживают связь между собой, а также с руководящим центром или штабом организации в Ташкенте. Штаб организации установил связь с главой хивинских племен — ханом Джунаидом и текинским Азиз-ханом».¹

Для объединения и руководства внутренними контрреволюционными силами 17 августа 1918 г. в Ташкент прибыли два английских офицера — полковник Бейли и майор Блэкер. По их заявлению в Народном Комиссариате иностранных дел Туркестанской Советской Республики, они, якобы, были командированы индийским правительством в пределы Туркестанской республики для чисто осведомительных целей, ввиду тревожного положения на афгано-персидско-туркестанской границе полной изолированности Туркестана от Индии, не имеющей почти никаких сведений о ходе настоящих событий в столь важном в политическом отношении для Индии районе.²

Бейли и Блэкер, не представив никаких официальных документов о своей миссии, при помощи «левых» эсеров, вошли в доверие советских органов в Ташкенте. С первых же дней своего пребывания в городе они повели широкую работу по объединению разрозненных контрреволюционных групп вокруг «Туркестанской военной организации» с целью поднятия восстания и свержения Советской власти в Туркестане. Укрепляя связи антисоветскими элементами, получая в этом отношении поддержку со стороны «левых» эсеров, многие из которых продолжали занимать руководящие посты в учреждениях Советского Туркестана, Бейли и Блэкер с лихорадочной поспешностью обирали по всей стране силы для всеобщего мятежа.

Позднее с той же целью в Ташкент прибыл английский капитан подполковник Маккартней. Предъявив Народному Комиссариату иностранных дел официальный документ об учреждении в Ташкенте английской миссии и заверив, что Бейли и Блэкер действительно представляют здесь временно индийское правительство, он укрепил связи с «Туркестанской военной организацией». Об этом Зайцев в своих воспоминаниях писал:

«Официальной целью миссии было якобы восстановление связи с вновь образовавшимся Туркестанским правительством, ознакомление с новым общественным и государственным строем края. На самом деле истинной целью и намерением миссии было: подготовить и организовать вооруженное

состояние в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач».¹

Английская шпионско-дипломатическая миссия, с одной стороны, развернула работу по координации действий контрреволюционных сил, начиная от Дутова и кончая эмирской Бухарой, с другой — заключила официальный договор с руководителями «ТВО» о превращении Туркестана в колонию английского империализма. Последнее мероприятие было осуществлено в конце августа 1918 г. на тайном совещании «Туркестанской Военной организации» совместно с представителями Англии, под председательством генерала Джунковского. Подписанное здесь Бейли от имени английского правительства соглашение, по словам Зайцева, сводилось к следующему:

«Туркестанская военная организация должна подготовить организовать и руководить одновременным и совместным выступлением всех очагов борьбы против Советской власти в крае. Английское правительство берет на себя все дела снабжения деньгами, оружием, огнестрельными припасами и разными техническими средствами борьбы вооруженных сил, выставленных на борьбу с Советской властью, а в случае необходимости и вооруженную поддержку из северных провинций Персии.

После свержения Советской власти в крае будет организована Туркестанская демократическая республика со всеми атрибутами республиканского строя: парламентом, намеченным именоваться Народным собранием, президентом, кабинетом министров и прочим.

Вновь созданное государственное образование, или Туркестанская демократическая республика, будет находиться под исключительным влиянием Англии».²

В возмещение всех произведенных расходов Туркестанская демократическая республика должна предоставить английскому правительству ряд концессий на разработку природных богатств края».³

Тот же Зайцев сообщает, что «англичане на первых порах обещали ферганским басмачам 100 млн. рублей, 16 горных ору-

¹ Журн. «Соловецкие острова», № 4, 1926 г., стр. 60.

² Срок английского протектората над Туркестаном определялся в 55 лет. См. об этом статью М. Никитченко. Англия и Советская Азия. «Правда», 1923, 5 июня.

³ Журнал «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр. 61.

¹ Журн. «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр. 58.

² ЦГАОР УзССР; ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 250.

дий, 40 пулеметов и необходимое количество винтовок и снабжения повстанцев».¹

Одновременно англичане, совместно с руководителями «ТВО», разработали так называемый «большой план» свержения Советской власти в Туркестане. По этому плану военные действия должны были быть начаты наступлением Дутова на направлении Актюбинска с целью соединения с контрреволюционными силами внутри Туркестана. Параллельно должны происходить продвижение внутрь страны англо-белогвардейских войск Закаспийского района и казачьих частей из районов Семиречья. Для успешного проведения в жизнь намеченных мероприятий местная контрреволюция в лице организации «Улема» и «Шури-Исламия», «Туркестанской военной организации» и русских белогвардейцев, совместно с ферганскими басмачами, поднимает восстание против Советской власти в этом Туркестане.

Особенно важное значение придавали руководители восстания участию в нем реакционного мусульманского духовенства, объединяемого организацией «Улема», с которой после заключения соглашения между «ТВО» и английской миссией была достигнута полная договоренность. Об этом Зайцев сообщал:

«Председатель организации коснулся взаимоотношений мусульманской политической партии «Улема», которая до последнего времени держалась обособленно, но теперь, после заключения, достигнутого Туркестанской военной организацией и представителями великобританского правительства, смирилась, видя, что без нашей военной организации и без средств ничего предпринимать не может и рискует оказаться у разбитого корыта».²

Переброска вооружения для мятежников «должна осуществляться не только через Кашгарию, Читрал, но также из Пешавара через Хайберский перевал и далее через Афганистан и Бухару».³

По словам того же Зайцева, правительство бухарского эмира выразило полную готовность принять участие в борьбе против Советского Туркестана. Но в смертельном страхе перед Советской властью эмир требовал, чтобы Бухара была гарантирована от разгрома, едва не случившегося в марте 1918 г., чтобы были предоставлены «все силы и средства для борьбы с Советской властью» и, наконец, она согласна «выступить только в

случае того, как участок Среднеазиатской железной дороги от Красноводска до Чарджуя будет очищен от большевиков и в Ташкенте падет Советская власть».⁴ Как видим, мартовские события не прошли бесследно для эмирской Бухары.

Но правительство Советского Туркестана, на основании телеграммы В. И. Ленина от 23 августа 1918 г., в которой предлагалось держать тройной надзор за послами и консулами и арестовывать подозрительных лиц, имеющих с ними связь,⁵ 29 августа издало приказ «Об интернировании всех подданных бывших союзных с Россией государств». В соответствии с этим приказом были интернированы многие дипломаты, в том числе американский консул Тредуэлл. Однако с помощью «левых» эсеров Бейли удалось скрыться в окрестностях Ташкента. Позже он писал: «Особенной потерей был Тредуэлл, который находился в постоянном контакте со мной...».⁶

Летом 1918 г. эмирская Бухара под воздействием английских агентов обязалась служить не только базой, откуда шло снабжение туркестанской контрреволюции, легально и нелегально, вооружением и продовольствием, но в случае успеха активно выступить против Советского Туркестана.

По свидетельству врага народа, буржуазного националиста Абдулла-Раджаб Байсуна, «англичане, прибывшие в Ашхабад, послали свою делегацию к эмиру Алим-хану. Они требовали, чтобы эмир создал объединенный фронт, присоединив его к Джунгад-хану в Хиве...».⁴

Таким образом, летом 1918 г. над Советским Туркестаном нависла серьезная опасность. В письме к В. И. Ленину из Царицына 7 июля 1918 года, И. В. Сталин писал: «Дела с Туркестаном плохи, Англия орудует через Афганистан».⁵ На другой день, 8 июля он телеграфировал в Баку С. Шаумяну: «...Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку. Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу».⁶

¹ Журн. «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр. 63.

² Ленинский сборник, XXXIV, М., 1942, стр. 41—42.

³ А. Х. Бобоходжаев. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. Изд. восточной литературы, М., 1962, стр. 31.

⁴ Абдулла Раджаб-Байсун. Национальное движение в Туркестане. Стамбул, 1945, стр. 18.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 118.

⁶ С. Шаумян. Статьи и речи. Баку, 1924, стр. 225.

¹ Журнал «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр. 62.

² Там же, стр. 63.

³ Там же.

Воодушевленные указаниями Ленина, чувствуя повседневную помощь и поддержку русского пролетариата, правительство Советского Туркестана и туркестанские большевики мобилизовали все силы на борьбу против обнаглевшей контрреволюции, возглавляемой агентами империалистической Англии.

В этой обстановке эмирская Бухара, воспользовавшись тем, что базой Красной Армии на Закаспийском фронте являлся Чарджуй и тем, что линия железной дороги, обеспечивавшей связь между советскими частями, проходила через территорию Бухары, развернула свою подрывную деятельность, направленную против Советского Туркестана. Разрушение железнодорожного пути в Бухаре ставило под удар осуществление планов советского командования по разгрому врага. «При наличии Оренбургского фронта, — говорилось в докладе члена Туркестанского краевого Совета на имя Комиссариата иностранных дел, 31 ноября 1918 г., — это чревато огромными последствиями... Отрезанная в Бухаре армия и окруженная со всех сторон держаться долго не может и будет совершенно уничтожена. Враждебные действия Бухары могут вызывать разрыв пути на огромном расстоянии и по всему ханству; по этому, если бы и был у нас солидный запас вооруженных сил, то он едва ли мог бы оказать нужную поддержку отрезанной армии».¹

Эмир предпринял и ряд других актов, враждебных Советскому Туркестану, готовясь к открытому военному наступлению. По этому поводу в известном меморандуме на имя Лиги наций 15 апреля 1929 г., он писал: «Я решил двинуть свои войска начать войну. Для этого я снесся с правительством Хорезма (Хивы), которое признало меня своим главой. Тем временем я отправил через генерала Хаджи Сафар-бека письмо английской миссии в Мешхеде, которая его быстро получила, миссия в свою очередь послала мне чрезвычайно благосклонное письмо. Я велел тогда сообщить большевикам, что они должны эвакуироваться с бухарской территории».²

С штабом белогвардейских войск в Закаспии эмир поддерживал тесную связь через официального постоянного представителя, посланного туда осенью 1918 г. во главе с Абдул Карим-беком, который именовался «мервский консул у асхабадского правительства». По сообщению полномочного представителя Советского Туркестана в Бухаре, этот представитель держал в курсе событий «как противника, так и бухарского

правительство».¹ Более того. Как видно из того же сообщения, в знак солидарности с закаспийской контрреволюцией эмир награждал медалями белых офицеров, отличившихся в боях против Красной Армии.

В то же время эмир Бухары укрепил связи с афганским эмиром Хабибулло-ханом, являвшимся прямым ставленником английских империалистов. По свидетельству одного из ярых врагов Советской власти Абдулла-Раджаб Байсуна, еще в начале 1918 г. после наступления Колесова, «для укрепления дружбы с Афганистаном бухарский эмир посылает к Хабибулло-хану делегацию с ценными подарками. Хабибулло-хан, преследуя те же цели (укрепление «дружбы». — Б. И.), посылает эмиру ценные подарки».²

Большое значение в усилении ориентации бухарского эмира на англичан имел договор, заключенный в конце августа 1918 г. между Англией и «ТВО» о превращении Туркестана в колонию английского империализма. Осенью того же года эмир, при помощи английского полковника Бейли, через своих агентов в лице Мирбадалова, Введенского и др., заключил с представителями Англии военный союз с целью установления тесного контакта и координации военных действий совместно с англичанами на территории Туркестана, а впоследствии с другими контрреволюционными силами, возглавляемыми Колчаком и Деникиным.

Помимо открытых врагов, боровшихся с оружием в руках против Советской власти, эмир бухарский использовал контрреволюционные элементы, пробравшиеся обманным путем на руководящие посты в советские органы и занимавшиеся провокационной антисоветской деятельностью. Наиболее типичной в этом отношении является связь эмира с некоторыми анархистско-настроенными лицами, которые, будучи представителями Советского Туркестана в Бухаре, вместе с черносотенцем Введенским на каждом шагу дискредитировали Советское правительство.

В результате происков англичан, при содействии эмирской Бухары, летом 1918 г. в самые грозные для Советского Туркестана дни, враждебные элементы в Кагане пытались арестовать представителей Советского правительства, направившихся в Закаспий для ликвидации начавшегося там контрреволюционного мятежа. «Левые» эсеры и белогвардейцы в Кагане до того обнаглели, что на митинге, созванном Полторацким, выступали

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 91, лл. 1—2.

² Меморандум эмира Алим-хана от 15 апреля 1929 г. на имя Лиги наций.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 87, л. 52.

² Абдулла Раджаб-Байсун. Национальное движение в Туркестане, Стамбул, 1945, стр. 18.

«с погромными речами, требуя созыва Учредительного собрания».¹

Когда контрреволюционные гнезда в Кагане были разгромлены, вражеские элементы нашли приют в эмирской Бухаре. Приток белогвардейцев в Бухару усилился после раскрытия контрреволюционного заговора «ТВО».

Однако деятельность контрреволюционных заговорщиков была парализована не полностью. «Разгром Ташкентской периферийной антисоветской организации, — писал Кастанье, — помешал ее ячейкам возродиться».²

В сообщении Чрезвычайной следственной комиссии по делу «ТВО» от 29 октября 1918 г. было указано, что вдохновителями заговора были агенты английских империалистов и русских белогвардейцев, а также эмирская Бухара и ханская Коканд.³ Готовя по заданию «ТВО» антисоветский мятеж в Туркестане, белогвардеец Осипов согласовывал свои действия как с эмирской Бухарой, так и с официальными представителями империалистической Англии. С этой целью он направил осенью 1918 г. через Бухару к англичанам сына крупного ташкентского садовода Машкова и поручика Бобчинского. Правда, они добрались до места назначения, так как по пути, на станциях Караул-Ку в январе 1919 г. были арестованы органами Советской власти. В кармане Машкова было обнаружено письмо английского консула, находившегося в Бухаре, на имя командующего британскими войсками в Закаспии. В письме говорилось: «Препровождаю поручика Бобчинского и техника Машкова в ваше распоряжение, которые дадут все необходимые сведения и, куда нужно, доведут».⁴

По признанию бывшего английского консула в Кашири Эссертон, к нему тогда же обратились руководители «ТВО» за финансовой помощью, «прося сумму в 2 миллиона рублей для осуществления своих планов и установления нового порядка».⁵

Однако планы «ТВО» потерпели крах. Антисоветский мятеж Осипова был ликвидирован в январе 1919 г., раньше срока, меченного заговорщиками для открытого наступления.

¹ Т. Козлов. Гражданская война в Туркмении, ч. 1, вып. 2. Ашхабад-Чарджуй, 1934, стр. 56.

² А. Х. Бабаходжаев. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии в 1917—1920 гг. Изд. АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 10.

³ «Наша газета», 1918, 29 ноября.

⁴ Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении, под ред. Г. И. Карпова, т. 1, вып. III, Ашхабад, стр. 81.

⁵ См. Etherton T. E. Указ. соч.

Осипов и небольшое число его единомышленников весной 1919 г. спаслись бегством в Бухару, где они были гостеприимно приняты эмиром. Об этом советским командованием сообщалось:

«В последних числах апреля или в первых числах мая (1919 г.) через Гиссарский хребет перешел в бухарские владения (Осипов) с отрядом в 64 человека. В кишлаке Шоршаус, после перехода через хребет он сделал продолжительную остановку и просил местную власть сообщить эмиру бухарскому о своем прибытии». Далее указывалось: «Золото, похищенное им в Ташкентском государственном банке, находится в двух куржумах, есть также у него несколько куржумов с николаевскими кредитками».¹

Как будет видно, Осипов был принят эмиром и привлечен к участию в боевой подготовке бухарских войск.

В этот период эмир Бухары «заключил соглашение с Персией и Афганистаном о поставке оружия и обмундирования». «Через посредство эмира Афганистана он пытался получить от Великобритании официальное признание своей независимости..., установил контакт с британской разведкой в Мешхеде, в Северо-Восточной Персии».²

Таким образом, вопреки тенденциозному характеру цитируемой работы, ее автор вынужден признать враждебное отношение бухарского эмира к Советскому Туркестану.

К концу 1918 г. и началу 1919 г. эмирская Бухара, выполняя волю английских империалистов, все более становится пристанищем белогвардейцев, которые ведут там антисоветскую работу. Полномочный представитель Советского Туркестана в Бухаре в докладе за тот период отмечал «провокационную деятельность офицерства и русской буржуазии, заседавшей в Бухаре и агитирующей Бухару против Советского Туркестана путем распространения самых нелепых слухов».³

Вовлекая Бухару в сферу антисоветской деятельности, империалистическая Англия в то же время приняла меры к экономическому порабощению и разграблению страны. К осени 1918 г. английская текстильная промышленность приспособила свое производство к потребностям бухарского рынка. Со своей стороны эмир ликвидировал на границах Афганистана погра-

¹ ЦГАСА, д. 157—296, л. 89.

² A. Park. Bolsevizon in Turkestan, 1917—1927. № X, 1957, p. 26.

³ ЦГАОР УзССР, ф. «Назират по иностранным делам БНСР», д. 1.

ничные посты, дав тем самым возможность для беспрепятственного проникновения товаров английского происхождения в Афганистан в Бухару. По материалам съезда Советов в Кашгаре, в сентябре 1918 г. «ввоз английских товаров через афганистанскую границу достиг уже 4-х миллионов рублей в неделю», а несколько позднее — «6-и миллионов рублей в неделю».¹

К осени 1918 г. на складах Бухары находилось следующее количество продуктов: хлопка — до миллиона пудов; каракуля — 1 млн. шкурок; шерсти — до 200 тыс. пудов; овчины — 80 тыс. пудов; сырьё разного — до 75 тыс. пудов; сухих фруктов — до 80 тыс. пудов; разных других товаров — до 300 тыс. пудов».²

Все эти огромные запасы по инициативе афганско-индийских купцов, при посредстве бухарских скупщиков и при содействии эмира, были вывезены через Афганистан в заморские страны, главным образом в Англию.

Веками привыкшие обогащаться за счет колониальных народов, английские империалисты этим не ограничились. Превращая Бухару в экономическую базу английских империалистов, создав из нее плацдарм для дальнейшей интервенции в Советский Туркестан, англичане под видом союза «на равноправных началах» за короткий срок хищническими методами, путем обмана и подкупа сумели вывезти из Бухары огромные золотые и серебряные запасы на общую сумму в 350 млн. рублей накопленные страной за сотни лет за счет пота и крови трудящихся масс. Эмир бухарский, не будучи уверен в своих силах в страхе перед надвигающейся революцией, охотно принял предложение англичан о помещении в лондонских банках богатств, хранившихся в его дворцах. Как писал впоследствии бывший английский консул в Кашгаре Эсертон, «эмир понял, что он со своей плохо снаряженной армией не в состоянии противостать большевикам».³

В обмен на товары и ценности, выкачиваемые промышленниками и финансистами, английское правительство в порядке выполнения договора о «военном союзе» снабжала эмирскую Бухару оружием и снаряжением. На основании этого договора осенью 1918 г. начальник соединения английских войск генерал Маллесон направил через Афганистан в Бухару «караван в составе 78 верблюдов, груженых винтовками».⁴ Одновременно

по были посланы 10 английских офицеров в качестве военных советников при эмире.

В начале 1919 г. только за один месяц англичане перебросили в Бухару свыше 600 винтовок с необходимым количеством патронов. Число английских инструкторов в Бухаре, по сообщению уполномоченного НКВД в Средней Азии, достигло к весне 1919 г. более 600 человек.

Кроме того, как свидетельствует Сазонов, участник боев на Закаспийском фронте, весной 1919 г. «со стороны ашхабадских белогвардейцев эмиром было дополнительно получено 13 тысяч винтовок и соответствующее количество патронов. В свою очередь, он обязался выставить 40 тысяч войск и отрезать Закаспийский фронт от Ташкента».¹

Для ускорения прибытия английских войск в Бухару эмир в начале 1919 г. направил специальных представителей в ставку генерала Маллесона. Об этом он в известном меморандуме на имя Лиги наций в 1929 г. писал: «Я посылал двух своих представителей — Мирза Саламбека Парвоначи и Абдурауф-Караван беги с приказанием привести англичан в Бухару».²

Однако надежды эмира на скорое прибытие английских войск в Бухару не оправдались, так как англичане к началу февраля 1919 г. вынуждены были под напором Советских войск отступить из Закаспия.

Одновременно эмир бухарский направил делегацию в составе заядлых реакционеров-фанатиков Тарахаджи, Мулихетдина и генерала Кары к ставленнику англичан, эмиру Афганистана Хабибулле-хану, который в своем послании к эмиру бухарскому летом 1918 г. писал: «На будущий год я полагаю послать вам несколько человек афганских офицеров и тем еще больше и сильнее закрепить связь двух исламских государств».³

Но и здесь, в Афганистане, эмир бухарский встретил препятствие. Позиции англичан к тому времени там были ослаблены в связи с национально-освободительным движением, поднявшимся в Афганистане под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. В результате 21 февраля 1919 г. Хабибулла-хан был убит сторонниками независимости; на престол вступил молодой эмир Аманулла-хан.

«Афганистан отныне является свободным и независимым государством, которое не признает над собой никакой чужезем-

¹ ЦГАОР УзССР, д. 233, л. 45.

² Там же.

³ Etherton Т. Е. Указ. соч., стр. 167.

⁴ Журнал «Военная мысль», кн. 3, 1921, Ташкент, стр. 134.

¹ «Красная летопись Туркестана», кн. 1—2, 1923, Ташкент, стр. 104.

² Меморандум эмира Алим-хана от 15 апреля 1929 г., стр. 7.

³ ЦГАОР УзССР, ф. «Назират по иностранным делам БНСР», д. 1.

ной власти и не желает признать никакого другого государства, которое могло бы повелевать Афганистаном».¹

Вслед за тем Аманулла-хан официально обратился к виле королю Индии с заявлением, что не считает себя больше связанным с Англией никаким договором и готов заключить с ней новый договор на равноправных началах. В ответ на это Англия объявила войну Афганистану.

Несмотря на то, что Афганистан был монархией, война Англией со стороны Афганистана была справедливой войной. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана объективно была революционной борьбой, так как она ослабила и разлагала империализм.

Война закончилась в пользу Афганистана. Результатом явился договор в Равальпинди 8 августа 1919 г., по которому правительство Англии Афганистан был признан самостоятельным государством.

Заключив этот договор, англичане все же использовали его в целях восстановления своего фактического господства в Афганистане, рассчитывая сохранить его как плацдарм для борьбы против Советской власти. Аманулла-хан, поддержанный реакционными элементами страны, по отношению к эмирской Бухаре вернулся к политике своего отца.

Еще в момент своего коронования весной 1919 г. афганский эмир, прося «дружбы, любви и сочувствия», писал эмиру бухарскому: «Я надеюсь, что в будущем брат мой эмир бухарский благородный, во имя интересов и мощи всего мира ислам окажет мне поддержку в деле укрепления наших взаимоотношений».² А летом 1919 г., когда в Бухару прибыл афганский посол Абдулла-Шукур-хан, эмир бухарский был награжден афганским орденом «Альмар» первой степени. Это свидетельствовало о поддержке эмира со стороны афганских реакционных кругов.

Касаясь частной аудиенции с афганским послом летом 1919 г., бывший эмир бухарский в меморандуме на имя Лиги Наций в 1929 г. писал: «Я ответил ему, что моим намерением является, в первую очередь, объявить войну большевикам. Я добавил, что, по весьма точным данным, положение их в этот момент печальное и что этим нужно воспользоваться».³ Тогда же, т. е. летом 1919 г., было достигнуто соглашение, по кото-

рому Афганистан обязался в случае войны оказать военную помощь Бухаре.¹

В соответствии с указанным соглашением, Афганистан по-прежнему служил перевалочным пунктом для снабжения Бухары английским оружием и военным снаряжением.

По данным советского командования, «в первых числах апреля с. г. (1919 — Б. И.) через границу Афганистана во владения Бухары прибыл караван, состоящий из 500 верблюдов с грузом 20000 винтовок». Все это было разгружено по одним сведениям в г. Карши, по другим — в Каличе». Кроме того, «В ночь с 3-го на 4-е мая с. г. доставлено в Старую Бухару 8.000 винтовок».²

5 мая 1919 г. полномочный представитель Советского Туркестана в Бухаре сообщал в Ташкент: «В Бухаре положение тревожное. По сведениям последних дней, прибыло немало инструкторов, офицеров русских, для обучения мобилизованных «бухарцев». Ежедневно подвозится всякое оружие со стороны Афганистана и Ашхабада... происходит частая практическая стрельба около Бухары из орудий. Откуда-то привезли в Бухару новое обмундирование. Русские провокаторы в Бухаре раздувают ненависть к большевикам и всякие легенды с целью поднять Бухару против нас. Разбрасываются при этом прокламации».³

С целью лучшей организации и использования белогвардейцев, а также подготовки бухарских войск к войне, с весны 1919 г. по указке английских агентов в Старой Бухаре был развернут белогвардейский штаб. В этом штабе, как было установлено в начале июня 1919 г. Советским командованием, собирались «днем русские офицеры и некоторые гражданские лица в часы занятий, с 10 до 2 часов дня». На занятия приходили «ежедневно 10 человек постоянных служащих и членов штаба и еще около 30 человек офицеров и гражданских лиц».⁴ Как правило, члены штаба носили бухарскую форму. В той же сводке упоминалась фамилия белогвардейского полковника Тысячкинова, который играл в штабе «видную роль, благодаря связям с чиновниками бухарского правительства».⁵

Вновь прибывавшие в Бухару белогвардейцы предварительно проверялись штабом, после чего направлялись на различную работу, главным образом связанную с обучением бухар-

¹ Журн. «Военная мысль», кн. 3, 1921, Ташкент, стр. 141.

² ЦГАОР УзССР, ф. «Назират по иностранным делам БНСР», д. лл. 40—46.

³ Меморандум эмира Алим-хана, стр. 8.

¹ Меморандум эмира Алим-хана, стр. 8.

² ЦГАСА, д. 157—290, л. 88.

³ Там же, ф. 110, оп. 4, д. 275, л. 73.

⁴ Там же, д. 81—297—V, л. 14.

⁵ Там же.

ских войск. Значительное число белых офицеров было командировано в Карши, где находился пункт сбора и обучения бухарских войск. Летом 1919 г. сюда прибыл также Осипов своей бандой. Об этом в донесении было указано: «В Стар Бухаре был Осипов, ... потом он уехал оттуда с 34 своими людьми в Карши. Осипов в Бухаре показывался только в бухарской форме».¹

Банда Осипова не ограничилась «визитом» в Карши. Было установлено впоследствии, Осипов «устроил нападение, обстрелом с обоих берегов Аму-Дарьи, на нашу первую миссию проезжавшую через бухарские владения в Кабул — столицу Афганистана».²

В июне месяце 1919 г. в Бухару из Ферганы прибыл нем. Циммерман (впоследствии агент английской разведки) с рядом австрийских военнопленных. Затем он уехал из Бухары в Закаспий, в штаб белогвардейцев. В Бухаре военнопленные были использованы для работы в военных мастерских эмира.

Сосредоточивая в Бухаре белогвардейцев и агентов английских империалистов, способствовавших подготовке бухарских войск к вооруженному выступлению, эмир поддерживал тесную связь с Деникиным и Колчаком. В сентябре 1919 г. он направил к Деникину специальную комиссию, которая сообщила о готовности эмира оказать помощь России в борьбе против большевиков».³

После дипломатических переговоров между эмирской Бухарой и Колчаком последний направил 25 сентября 1919 г. личное письмо эмиру. Указав, что «помощь уже близка и в ближайшее время наступит», Колчак заверил эмира, что по вступлении его, Колчака, войск в Туркестан будет немедленно аннулирован договор Советского Туркестана с эмирской Бухарой, заключенный в марте 1918 г. При этом Колчак щедро обещал «немедленно снабдить Бухару и Туркестан хлебом в потребности голодающего населения, а также товарами и продуктами, в которых нуждается население. В ближайшем будущем способствовать всеми мерами улучшению народного хозяйства, развитию торговли и промышленности и содействовать распространению народного образования».⁴

В заключении своего демагогического письма Колчак приносил благодарность эмиру бухарскому за проявленную им зверскую жестокость при расправе с трудящимися Бухары в марте 1918 г.

В октябре 1919 г. Колчак направил в Бухару особую военную миссию и одновременно послал своего представителя, генерала Диттершха, в Кульджу для оказания помощи бухарскому эмиру. В мандате, которым была снабжена миссия, было сказано: «Во исполнение повеления верховного правителя и верховного главнокомандующего командирруется особая военная миссия в бухарские владения для выполнения особых поручений секретного характера и серьезного государственного значения и для вручения грамоты эмиру бухарскому». Далее говорилось, что «в числе прочих, на военную миссию возложена задача установления тесной и по возможности непрерывной связи Афганистана, Бухары и других областей Туркестана со всероссийским правительством». Наконец, подчеркивалось, что на военную миссию возложена задача «завязать сношения и установить тесную связь с представителями дружественных... стран, чтобы при материальной поддержке с их стороны... организовать партизанские отряды из жителей некоторых областей Туркестана для борьбы с местными большевиками».¹

Выполняя просьбу Колчака, эмир бухарский оказывал всемерную помощь ферганским басмачам и другим антисоветским бандам. Так, например, по данным советского командования, сгруппировавшиеся осенью 1919 г. в Алайской долине, в местности Кашкосу, шайки Мадамин-бека были снабжены ружьями и патронами, полученными из Бухары. Часть этого оружия была предназначена для вновь формируемой шайки в Уч-Тюбе.²

Пользуясь своим влиянием на хивинского хана, эмир бухарский помешал установлению нормальных отношений между Советским Туркестаном и Хивой. В докладе Наркомата иностранных дел Туркестана, направленном в Москву в Наркоминдел летом 1919 г., указывалось: «Враждебное к нам отношение Бухары, явно склонившейся в сторону английской ориентации, обнаружилось также на хивинских делах. После заключения нами с Хивой соглашения... в Хиву прибыла бухарская делегация и в результате ее подпольной работы Хива, убеждаемая в слабости Советского Туркестана, предъявила республике ряд требований, абсолютно необоснованных... явно бьющих на раз-

¹ ЦГАСА, д. 81—297/V, л. 11.

² «Вестник НКВД» № 3—4, май 1921, стр. 35.

³ Архив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана. Тезисы к диссертации Рабинского «Революция и гражданская война в Бухаре».

⁴ Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркестане. Под ред. Т. Е. Козлова, Ленинград-Ашхабад, 1934, стр. 28.

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 7, д. 1251, л. 96.

² Там же, д. 157—296, л. 91.

рыв отношений, что вынудило наших представителей покинуть Хиву и вернуться в Петро-Александровск».¹

Бухарская делегация в Хиву состояла из четырех представителей чинов — токсабаши, двух придворных ишана. Сообщая о переговорах между бухарской делегацией и хивинским ханом, представитель Туркестанского правительства в Хиве писал в августе 1919 г. в Ташкент: «Проверкой устава лена цель переговоров Хивы и Бухары: взаимная военная мощь, хождение в Бухаре хивинских кредиток и товаров. Из Ходжейли и Тахты прибыли татары Хабибулла Тын Хамаза и Тасби Муртазин для ведения торговых дел Джунхана. Джунхид-ханом издан строгий приказ против распространения в Хиве советской литературы».²

Во исполнение достигнутых во время переговоров соглашений, в сентябре 1919 г. «к бухарскому эмиру прибыли хивинские делегаты с ходатайством о снабжении их двумя пулеметами, пушкой и деньгами» и с сообщением, что «Хива выпустила свои бумажные кредитные билеты».³ Дальнейшие переговоры закончились тем, что «Хива заключила торговый договор с Бухарой о предоставлении последней права покупать хлеб в Хиве».⁴

Итак, Бухара в течение 1919 г., т. е. в период первого вторичного похода Антанты против Советской России, была полностью вовлечена в происки империалистической Англии на Востоке, став важным очагом иностранной интервенции в Средней Азии. «...Английский штаб в Персии, — сообщает Комитет иностранных дел Туркестана в Москву, — принимает меры, чтобы вовлечь Хиву, Бухару, Персию и Афганистан, особенно после заключения последним мира с Англией, в войну с Советским Туркестаном, отрезать в первую очередь закаспийские войска от нас, затем нанести нам удары в других местах. Бухарское правительство охотно пошло на это предложение».

По сообщению полномочного представителя Советского Туркестана в Бухаре, к весне 1919 г. здесь уже была создана 50-тысячная армия, расквартированная по бекствам и, главным образом, в самой Бухаре и около Чарджуя. Характеризуя положение эмирской Бухары в тот момент, один из членов ТуркЦИКа в докладе на имя Комиссариата Иностранных дел республики писал: «Мобилизация продолжается, прибывают

лошади и всадники из дальних бекств. Продолжается усиленная скупка оружия, ремонт и переделка старого оружия... работает завод по изготовлению патронов и снарядов. Производится опытная орудийная стрельба для прицела и определения качества снарядов. Инструкторами военного строя являются, главным образом, бывшие военнопленные и частью русские. По военному снаряжению работают в нескольких верстах от Бухары 60 человек бывших военнопленных и 21 человек в другом месте. Они соблазнились... хорошей заработной платой (1500 руб. в месяц), наняты были в Самарканде».¹

Следует отметить, что использование эмиром военнопленных (австрийцев) с целью подготовки к войне с Советским Туркестаном было весьма доброжелательно встречено антисоветскими кругами в Западной Европе. Об этом свидетельствует письмо, направленное эмиру бухарскому неким А. Бруном, секретарем Датского посольства в Петрограде, являвшимся представителем в Туркестане для защиты интересов граждан и военнопленных Австро-Венгрии. В письме говорилось:

«От лица Королевского датского правительства, от которого я имею честь быть представителем в Туркестане для защиты интересов граждан и военнопленных Австро-Венгрии, я имею честь благодарить ваше высочество за ту честь, которую вы оказали австрийскому доктору Антону Берковичу, наградив его бухарским орденом...» Затем, восхваляя эмира бухарского за его «покровительство» военнопленным, А. Бруно писал, что это «не будет оставлено без искренней благодарности не только со стороны военнопленных, но и со стороны правительства Австро-Венгрии также встретит чувство искренней благодарности».²

Враждебное отношение эмирской Бухары к Советскому Туркестану нашло выражение в том, что бухарские войска, как сообщал впоследствии в своем докладе полномочный представитель Советского Туркестана в Бухаре, «днем и ночью совершали по городу... В каждое воскресенье устраивались вооруженные прогулки бухарских войск по Новой Бухаре — русскому городу и как нарочно останавливались перед Исполкомом и на площади производили воинские учения. Были даже случаи атак на казармы, где квартирует новобухарский гарнизон».³

«Не ограничиваясь этим, один из паттагиссарских богачей — Мамалибаев, по приказанию эмира 10 февраля 1919 г. устроил семейный праздник. На этот праздник пригласили бухарцев из

¹ ЦГАОР СССР, ф. 17, оп. 1, д. 238, л. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 132.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 37.

³ Там же, лл. 47—52.

Керков, Байсуна, Кабадпана, Келифа. Курган-Тюбе, Куля. Всего приехало несколько тысяч человек. Предполагалось устроить козлодрание, во время которого толпа конных туземцев должна была броситься в Термез и завладеть снарядными туземцами, так и крепостью».¹

Жителям районов, наиболее близко расположенных у границ Советского Туркестана, было приказано покинуть свои кишлаки. Готовясь к наступлению в районах Термеза, Керкова и Чарджуя, эмир отдал 10 марта 1919 г. «распоряжение по бекам — Ширабадскому, Келифскому, Байсунскому, Кабадпано-скому, чтобы они собрали вооруженных людей для нападения на русских, если последние к 15 марта не уйдут из Термеза».

Жителям кишлаков, принадлежавшим туркменским племенам, приказано было «построить пятьсот кибиток в ста верстах от Чарджуя, которые предназначены для англичан, идущих через пески в обход Чарджуя».²

В конце марта и начале апреля 1919 г. из Кагана в Ташкент сообщали: «В настоящее время в Керки назначен чиновник, который усиленно собирает войска из туркмен и посылает их в Бухару. Эти посланные войска проходят через Каган».

Наиболее ярким примером враждебности эмирской Бухары к Советскому Туркестану является позиция эмира во время керкинских событий, происходивших в мае-июне 1919 г.

Рассчитывая захватить гор. Чарджуй, закаспийские белогвардейцы по договоренности с эмиром бухарским 3 мая 1919 г. предприняли наступление на ст. Ровнина (15 км западнее Чарджуя), находившуюся в руках советских войск. Успех операции, по мнению белогвардейского штаба, должен был быть обеспечен обходной группой, направленной на г. Керки, находившийся на крайнем левом фланге Красной Армии. Выполнение этой задачи еще в конце апреля было возложено на бывшего царского штабс-капитана Айрапетова.

Собрав отряд численностью, по одним сведениям, в 65 человек, по другим — в 95 человек, вооруженный 12-зарядными английскими винтовками с достаточным количеством патронов (по 200 штук на руки каждому солдату и по 100 в запасе), Айрапетов по маршруту Байрам-Али—Пакта-Базар, обходя путь через пустыню, на ишаках и верблюдах добрался 14 мая 1919 г. до гор. Керки и расположился в саду керкинского бека в 5—6 км от города. В саду, а затем в кишлаке Кизыл-Али

Айрапетов вел дружественные переговоры с беком, и одновременно проводил постоянную разведку в городе.

Впоследствии комиссия, обследовавшая причины возникновения керкинского конфликта, установила «причастность к заговору высших бухарских чиновников во главе с керкинским беком и эмиром бухарским».¹ По признанию перебежчика из отряда Айрапетова — Саркисянца, в Байрам-Али приезжали три представителя от эмира и провожали отряд до Мерва, а «при приближении... к Керки, со стороны бека были посланы... специальные представители, на обязанности которых лежала доставка продовольствия отряду».²

То обстоятельство, что бухарский эмир незадолго до прихода белогвардейцев в Керки поручил керкинскому беку закупить оружие, для чего были отпущены специальные средства, говорит о том, что эмир готовился к совместным действиям против керкинского советского гарнизона.

По прибытии белогвардейского отряда в Керки эмир направил туда в качестве своих представителей Нурутдина-Мирахура и Насретдина-Караул-беги. При всесторонней помощи последних, а также керкинского бека, отряд Айрапетова за короткий срок увеличился в несколько раз и насчитывал в своих рядах до 450 человек.

Воспользовавшись помощью эмира и керкинского бека, пополнив свой отряд враждебными Советской власти элементами, изучив обстановку и силы советского гарнизона, белогвардейцы в полном согласии с эмиром и беком предъявили советскому гарнизону ультиматум о сдаче крепости. В ультиматуме было сказано: «По приказанию союзников и властью добровольческой армии генерала Деникина, вверенный нам боевой отряд должен во что бы то ни стало взять город Керки и продвигаться вперед. Во избежание пролития крови... приказываю: в течение 2-х часов, считая срок с момента подачи настоящего ультиматума, сдать без боя... крепость как русскую, так и бухарскую; в противном случае как крепость, так и город будут бомбардированы».³ Ультиматум был датирован 14 мая 1919 года и подписан представителями англо-французов, Деникина и начальником туркменского отряда.⁴

Несмотря на свою малочисленность (крепостная рота — 150 человек, кавалерийский эскадрон — 100, партийная дружина — 80, охрана железнодорожной станции Самсоново — 75 человек),

¹ ЦГСА, ф. 110, оп. 4, д. 275, л. 36.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 6.

¹ ЦГСА, д. 81, 293/V, л. 44.

² Сб. «Революция в Средней Азии», вып. II, Ташкент, 1929, стр. 137.

³ «Кто должник?», Авиаиздательство, М., 1926, стр. 405.

⁴ ЦГСА, д. 81, 293/V, л. 4.

советский гарнизон во главе с образованной в первой половине 1919 г. коллегией отказался добровольно сдать крепость. Направленные коллегией в штаб Айрапетова представители кроме отряда Айрапетова, никаких других англо-французских или денikinских войск не обнаружили. Коллегия твердо решила оборонять город от белогвардейцев.

Получив отказ, Айрапетов и керкинский бек пошли на штурм. Заявив коллегии советского гарнизона, что «он не хотел бы, чтобы дело кончилось мирным путем, что он не желал бы кровопролития»,¹ бек потребовал от советского командования снятия в субботу, в базарный день, сторожевой охраны для беспрепятственного пропуска приезжающих на городской базар дехкан. Было ясно, что под видом свободного пропуска дехкан на базар бек задумал провести в город белогвардейцев.

Уточнив взаимоотношения бека с белогвардейцами, коллегия Керкинского гарнизона обратилась к беку с запросом об изменении им позиции в создавшейся обстановке. Но бек ответа не дал. Тогда с санкции коллегии Советский гарнизон «открыл огонь по бухарской крепости. Белые были обезоружены, бухарские солдаты, бек, кази и прочие высшие чиновники арестованы».²

Воспользовавшись вооруженным столкновением в Керки, туркменские феодалы, при содействии эмира бухарского, окружили город со всех сторон. Как по линии реки Аму-Дарья, так и вокруг города было сосредоточено значительное количество бухарских войск и ополченцев. По приблизительным подсчетам вооруженных было не менее 5—6 тысяч человек. Ружья были самых разных образцов: английского, германского, австрийского и русского.³

Вся эта масса, окружив город, пыталась захватить его. В то же время совершались убийства железнодорожных рабочих служащих, разрушалась линия железной дороги. Так, например, на станции Самсоново бухарскими войсками было уничтожено два железнодорожных состава, насчитывавших 75 вагонов. На реке Аму-Дарье бухарскими войсками уничтожались баржи и обстреливались пароходы. С целью морального воздействия на окруженный советский гарнизон агенты эмира и белогвардейцы распространили ложные слухи о том, что ашхабадские яконы, находясь под Чарджуем, Ташкент взят Колчаком

и т. п.⁴ Но красные бойцы никаким провокационным слухам не поддавались и стойко защищали крепость.

Всячески поддерживая белогвардейцев, эмирская Бухара упорно отказывалась от отправки мирной делегации для урегулирования вооруженного конфликта, возникшего в Керках. В первый раз, в конце июня 1919 г., бухарские представители мотивировали свой отказ тем, что направляемые в Керки представителями Советского Туркестана представители для ликвидации керкинского конфликта сопровождалась вооруженным отрядом Самаркандского гарнизона. Во второй раз, в начале июля, формально соглашаясь на отсылку делегации, эмир бухарский в то же время предупредил свои войска о недонущении советского парохода, на котором находилась комиссия, направлявшаяся из Ташкента в Керки. В результате, пароход подвергся на Аму-Дарье обстрелу со стороны бухарских и белогвардейских войск. Лишь в третий раз комиссии удалось добраться до Керки. В середине июля 1919 г. был заключен мирный договор между представителями Советского Туркестана и Бухарского эмирата.

Представители Бухары, помимо требования о возмещении потерь, понесенных во время боевых столкновений, предъявили ультиматум о выводе из Керки советского гарнизона. Одновременно, как отмечала советская комиссия, керкинский бек с неохотой согласился «изгнать со своей территории всех находящихся ашхабадцев, которые, работая на английские деньги, готовы были пойти на новые авантюры».²

В переговорах о ликвидации керкинского конфликта принимали участие и туркменские феодалы, и с ними было заключено особое соглашение Советского Туркестана.

Наглость туркменских феодалов, подстрекаемых бухарскими чиновниками, дошла до того, что они попытались воспрепятствовать советским властям навигацию на Аму-Дарье. Их условия, как указывалось в докладе комиссии по ликвидации керкинского конфликта, сводились к следующему: «Навигация по Аму-Дарье пароходов воспрещается без особого разрешения эмира, причем чарджуйский бек, келифский бек и пирабадский бек осматривают проходящие пароходы и, если на пароходах не окажется вооруженной военной силы, пропускают».³

Разумеется, предложение эмира бухарского о выводе советских частей из Керки, и туркменских феодалов — о контроле

¹ Сб. «Революция в Средней Азии», вып. II, Ташкент, 1929, стр. 122.

² ЦГАСА, д. 81/293/V, л. 45.

³ См. «Красная летопись Туркестана», № 1—2, Ташкент, 1929, стр. 122.

⁴ См. ЦГАСА, д. 81—293/V, л. 41.

² ЦГАСА, д. 81/298/V, л. 24.

³ Там же.

над навигацией на Аму-Дарье были категорически отвергнуты представителями Советского Туркестана.

Предпринятая белогвардейцами и поддержанная Бухаркенинская авантюра, таким образом, не удалась. Этому в значительной мере способствовали успешное наступление Красной Армии на Закаспийском фронте, начавшееся 16 мая 1919 г. и занятие советскими частями оазиса Теджен и Асхабада в июне того же года.

Разгром белогвардейцев и бессилие эмира бухарского вынуждали его пойти в Керках на мир. Однако он по-прежнему враждебно относился к Советскому Туркестану, активно сотрудничая с врагами Советской власти, холодея и пресмыкаясь перед империалистической Англией.

Готовясь поддержать намечавшееся наступление белогвардейцев в Закаспии, бухарское правительство в течение августа-сентября 1919 г. усиленно скупило лошадей, седла, а также принимало на службу иностранцев, платя им большое жалованье.¹ К середине сентября «из Бухары в Кермене прибыло 15 тысяч бухарских солдат на станцию Мирнаде — 200 человек в Хатырчах — 800 человек».² Среди офицеров велись разговоры о том, что «скоро Бухара выступит против русских».

Мобилизация войск продолжалась почти до глубокой осени. В октябре 1919 г. разведывательные сводки советского командования отмечали, что «бухарское правительство производило мобилизацию: второго октября в Старую Бухару прибыло около 5 тысяч мобилизованных».³ По тем же сведениям, в районе Зербулак, на Самаркандской границе (частью в Кермене) находилось в тот момент «вооруженных солдат до 30 тысяч человек с двумя орудиями и десятью пулеметами».⁴

В сентябре эмирская Бухара потребовала отвода советских войск с бухарско-туркестанской границы, что в корне противоречило соглашению, заключенному в свое время между Бухарой и Туркестаном.

Поздней осенью 1919 г. эмир бухарский направил в Мешхе на имя генерала Маллесона специальную грамоту с выражением благодарности за оказанную помощь и заверением о полной готовности поддержать наступление белогвардейцев на Закаспийском фронте. В ответном письме Маллесон, всячески стараясь подбодрить эмира и поднять его боевой дух, улавливая вследствие успехов советских войск в Закаспии, писал:

¹ См. ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 238, л. 113.

² Там же, л. 116.

³ Там же, д. 234, л. 6.

⁴ ЦГАСА, д. 81—293, лл. 16—19.

«Грамота и собственноручное письмо вашего величества, адресованные на мое имя, мною получены. Но могу не скрывать моей радости... по поводу того, что отправленные мною вам оружие и патроны вами исправно получены...» Затем, с ненавистью оскорбляя Советскую власть и большевистскую партию, он писал эмиру о якобы случайности успехов Красной Армии на фронтах гражданской войны и что он, Маллесон, «несколько не сомневается, что пройдет немного времени и большевики будут разбиты в Закаспии...»¹ Указывая на трудности, стоящие перед эмиром бухарским, он советовал последнему с беспощадностью бороться как с внутренними революционными силами, так и с правительством Советского Туркестана.

Далее, генерал информировал эмира о том, будто бы войска Деникина в течение нескольких предшествующих недель захватили у Красной Армии огромное количество орудий и много других трофеев. В заключение, касаясь линии поведения эмира в отношении Советского Туркестана, английский генерал рекомендовал «до особого распоряжения» придерживаться принципа «нейтралитета». В свете этих указаний англичан становится понятной двучливая политика эмира бухарского, прикрывающего принципом «нейтралитета» свою враждебную деятельность против Советской власти.

Во время первого похода Антанты предполагалось нанести комбинированный удар по Советской республике с востока (Колчак), юго-запада (Деникин), северо-запада (Юденич), а также со стороны Туркестана.

Для ликвидации нависшей угрозы В. И. Ленин и большевистская партия мобилизовали весь советский народ, превратив страну в мощный вооруженный лагерь. В результате, в течение апреля—августа 1919 г. Колчак был разбит и планы интервентов провалились.

Разгром Колчака привел к поражению ставленников английских империалистов и в Туркестане.

Провал первого похода Антанты на Советскую Россию заставил западно-европейских и американских империалистов искать новые пути интервенции, сделав главную ставку на генерала Деникина.

В период второго похода Антанты эмирская Бухара, подстрекаемая империалистической Англией, охваченная лютой ненавистью к Советской власти, по указке англичан стремилась к открытому вооруженному выступлению. Но планы бухарского эмира не были осуществлены благодаря разгрому не только

¹ «Известия НКВД», № 4—5, 1922, стр. 135.

Колчака и Деникина, но и закаспийских белогвардейцев. Эми вынужден был тщательно замаскировать свою антисоветскую деятельность политической мнимой нейтралитетом по отношению к Советскому Туркестану. Конец двурушнической политики был положен осенью 1920 г., когда народы Бухары, при поддержке русского пролетариата, под руководством великой партии Ленина, сбросили его деспотического режима, свергли эмира и взяли власть в собственные руки.

Успешные боевые действия Красной Армии привели к тому, что в конце 1919 — начале 1920 гг. войска Колчака, Деникина и их союзников были разгромлены. Богатые хлебом и топливом районы страны (Сибирь, Дон, Украина и др.) были очищены от интервентов и белогвардейцев. Наступила непродолжительная трехмесячная передышка, давшая возможность Советскому государству начать восстановление разрушенного войной хозяйства.

Победы Красной Армии привели к укреплению и внешнеполитического положения республики. Западноевропейские и американские империалисты, потерпев поражение в открытом вооруженном походе против Советской власти, под влиянием все более растущего революционного движения в их собственных странах, вынуждены были постепенно перейти от политики изоляции и войны к политике мирных отношений с Советским государством. В январе 1920 г. правительства Англии, Франции и Италии приняли решение о прекращении блокады Советской России. 11 января того же года было заключено соглашение с Англией об обмене военнопленными, что ускорило заключение, таких же соглашений с Германией, Бельгией, Италией и Венгрией. 2 февраля в Юрьеве (ныне Тарту) был подписан мирный договор с буржуазной Эстонией, который, по определению Ленина, явился окном, пробитым русскими рабочими в Западную Европу и неслыханной победой над всемирным империализмом.¹ Продолжались начатые ранее дипломатические переговоры о мире с Литвой, Латвией и Финляндией.

Разгром основных контрреволюционных сил означал, что Советская страна получила временную передышку. Но оставалась еще угроза нападения со стороны панской Польши. Интервенты продолжали бесчинствовать на Дальнем Востоке, в Крыму, в Закавказье.

Занявшись хозяйственными вопросами, развернув огромную работу по переводу страны на рельсы мирного строительства, партия и правительство в то же время не ослабляли ви-

мания к Красной Армии. Мирный, созидательный труд сочетался с поднятием обороноспособности Советского государства. В докладе на IX съезде РКП(б), состоявшемся 29 марта — 5 апреля 1920 г., В. И. Ленин подчеркивал, что «наши шаги к миру мы должны сопровождать напруганием всей нашей военной готовности, безусловно не разоружая нашей армии»¹. А в речи при закрытии съезда Владимир Ильич, отмечая, что полученная Советской республикой передышка более длительна и прочна, чем та, которую она имела в начале революции, говорил: «Но надо помнить, что это не больше, чем передышка. Надо помнить, что весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обследуя способы нападения...»².

Предвидение Ленина, его предупреждения о возможности новых военных авантур со стороны международного империализма целиком оправдались. 25 апреля 1920 г., после заключения соответствующего договора с главарем украинских националистических банд Петлюрой, панская Польша, не объявив войны, напала на Советскую Украину.

Конечно, сама Польша не решилась бы на войну против Советской страны, но за ее спиной стояли империалисты Антанты, которые не оставляли надежд свергнуть Советскую власть и решили сделать это руками белополяков.

Для нанесения комбинированного удара по Советской республике Антанта сколотила остатки контрреволюционных сил во главе с бароном Врангелем. С этой целью, начиная с марта 1920 г., англо-французские суда перевозили остатки денikinских войск в количестве 35—40 тысяч человек из Новороссийска в Крым, куда еще ранее отступил разгромленный Красной Армией корпус белогвардейского генерала Слащева.

Панская Польша и барон Врангель, по выражению Ленина, представляли собой «две руки международного империализма, пытавшегося задупнуть Советскую страну».

Являясь одним из основных организаторов третьего похода Антанты, империалистическая Англия использовала созданные при ее содействии на Кавказе марионеточные правительства буржуазных националистов в Грузии, Армении и Азербайджане для оказания помощи белогвардейским войскам Врангеля, сосредоточенным в Крыму. В то же время, в целях стратегического окружения страны Советов, она приняла меры к тому, чтобы укрепить свое положение в Персии, Афганистане, Турции, Бухаре и в других находившихся под ее влиянием восточ-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 111.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 248.

² Там же, стр. 284.

ных государствах. Выдавая себя за «защитников» мусульман, англичане пытались спровоцировать народы Востока на «священную» войну против Советской России, усиленно распространяя при помощи мусульманского духовенства легенду о том, будто бы на войну против большевиков под «священным» знаменем пойдет сам «пророк».

Важное место в осуществлении своих коварных замыслов англичане отводили эмирской Бухаре, которая, враждебно относясь к Советской власти, поддерживала тесную связь с внутренней контрреволюцией в Советском Туркестане, оказывая ей активную помощь и сама готовилась к открытому вооруженному выступлению. Правда, как было отмечено выше, под влиянием побед Красной Армии эмирская Бухара вынуждена была осенью 1919 г. временно сменить политику прямой агрессии подлой провокации на политику мнимого нейтралитета. Но она оставалась по-прежнему послушным орудием в руках империалистов Англии. Не случайно именно тогда, осенью 1919 г. с момента приезда в Бухару известного английского разведчика полковника Бейли, началась подготовка эмирской Бухары как одного из звеньев нового, третьего похода Антанты.

Англо-американцы, зная, где скрывался Бейли, использовали его мнимое исчезновение в антисоветских целях, арестовывали представителей Советской страны в Иране — Бабушкина, Калашникова и Афанасьева. Задержанные в качестве заложников, они подверглись всяческим издевательствам; Калашников был доведен до душевного расстройства, Афанасьев тоже серьезно заболел. Затем все они были отправлены в концлагерный лагерь.¹

Между тем, полковник Бейли при содействии английского шпиона Мандича, под именем сербского солдата Иосифа Костюмун, продолжал оставаться в Ташкенте, занимаясь вербовкой новых агентов английской разведки и регулярно направляя Мешхед шпионские сведения.

Расставив шпионскую сеть в Ташкенте и других городах Советского Туркестана, пополнив ее новыми агентами из числа белогвардейцев, Бейли в октябре 1919 г. решил отправиться в Бухару, запасшись соответствующими рекомендательными письмами от бухарского полномочного представителя в Ташкенте Токсаба Мирбаба, а также от некоего Ноева, проживавшего в Ташкенте под именем Ивана Козина и поддерживавшего тесную связь с реакционными элементами Бухары. Об этом Бейли впоследствии писал: «У меня было два секретных письма от

Ноева к двум жителям Бухары — к русскому по фамилии Тысячников, и богатому сарту Ариф Ходжа. В письме к последнему, было сказано: «Уважаемому Ариф Ходжа. Верь этому человеку, сделай все, что можно, об этом просит хорошо известный тебе Иван Козин».¹

17 октября 1919 г. Бейли вместе с Мандичем и одной польской прибыл в Бухару, где был встречен бухарским кушбеги, а также английским шпионом в Бухаре Юсуновым. Для лучшего ознакомления с положением дел в Бухаре и выявления настроений правящих кругов во главе с эмиром, Бейли связался со своими агентами Авалипура и Кербели Мухамедом, посланными на службу в Бухару из Кашгарии еще в конце 1917 г. Получив необходимые сведения, он через три дня со специальным нарочным отправил их в Мешхед и Кашгар.

Своим местопребыванием Бейли избрал квартиру английского шпиона Мирабадалева, бура по национальности, который еще в 1889 г. проезжал по Бухарскому ханству с английским разведчиком и долгое время работал переводчиком российского резидентства в Бухаре. Ежедневно Бейли был принимаем эмиром, с которым вел длительные беседы по вопросу участия Бухары в последующей борьбе Антанты против Советской России.

При содействии Бейли с территории Советского Туркестана в Бухару было переброшено около 250 человек военнопленных, больше половины которых были использованы на работе в бухарских мастерских по изготовлению всевозможного военного снаряжения. Об этом Бейли впоследствии писал: «Во время нашего пребывания в Бухаре туда прибыло около 250 румынских пленных, я обратился к бухарским властям с просьбой помочь им».² Часть этих военнопленных, по свидетельству Бейли, была затем отправлена в Фергану к ферганским басмачам. Одновременно из Мешхеда через Хиву англичанами был направлен в Бухару «транспорт оружия в количестве 1200 винтовок, 12 пулеметов, 4 скорострельных пушки образца 1902 г., большое количество патронов и снарядов».³

В середине января 1920 г. английскими властями из Мешхеда были направлены «три русских офицера английской службы с официальным письменным отношением, предупреждающим эмира против заключения с Советской Россией договора и

¹ М. Ф. Бейли. Миссия в Ташкент. Лондон, 1946 (глава «В Бухаре»). Цит. по рукописи русского перевода.

² Там же, стр. 250.

³ Архив ТуркВО, папка 39, оп. 9, д. 5, л. 20 (рукописный фонд Института истории партии при ЦК КП Узбекистана).

¹ См. ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 89, л. 52.

соглашения».¹ В письме обещалась помощь эмиру бухарскому в случае активного выступления против Советской власти.

Чтобы подготовить бухарские войска к новому походу, Бейли привлек к их обучению белогвардейца Осипова, который вместе с полковником Тысячниковым руководил контрреволюционной работой в Бухаре, а также капитана Искандера, сына великого князя Николая Константиновича, и Азизова — бывшего адъютанта генерала Корнилова.

Особенно большое значение придавал Бейли Осипову, который еще до его приезда в Бухару собрал вокруг себя значительные силы белогвардейцев. В начале сентября 1919 г. советское командование отмечало: «Осипов со своей бандой находится в Старой Махассе, верстах в восьми в сторону от Бухары». Кроме того, здесь же было сосредоточено свыше 300 белогвардейцев, служивших, главным образом, инструкторами по обучению бухарских солдат-пулеметчиков.

К концу октября 1919 г. Осипов по заданию Бейли выехал через Закаспий в Мешхед, о чем тогда же из Кагана сообщалось: «С точностью установлено, что осиповская банда, которая бежала из Ташкента, в настоящее время приготовилась выехать из Старой Бухары в Мешхед».² По тем же данным, Осипов по пути своего следования через Мерв и Полторацк намеревался взорвать железнодорожную линию и мост.

Удовлетворенный результатами своей деятельности в Бухаре по объединению антисоветских сил, Бейли в последнем письме на имя генерала Маллесона просил о продлении срока его командировки. Однако, ввиду предполагаемого нового похода Антанты и с целью уточнения общего положения дел в Туркестане, Бейли срочно был вызван в Мешхед.

За время пребывания в Бухаре с 17 октября по 19 декабря 1919 г. Бейли не в малой степени способствовал активизации эмирской Бухары против Советского Туркестана. После его отъезда эмир установил более тесные связи как с внутренними, так и с внешними врагами Советской власти.

В приказе от 12 августа 1920 г. войскам Туркестанского фронта М. В. Фрунзе отмечал: «Разведка показывает, что существует определенное намерение наших противников создать против нас союз Персии, Бухары и, если удастся, Афганистана, дабы затем пользоваться еще неликвидированным басмаческим

движением в Фергане, ударить по нас по всей южной границе».¹

Подготовка к созданию такого союза началась еще задолго до третьего похода Антанты. Для этой цели англичане, не скупясь на деньги, развернули широкую антисоветскую пропаганду через печатные органы, выходившие в Иране и Афганистане. В первую очередь была использована газета «Раат», издававшаяся в Иране на персидском языке и в значительном количестве поступающая в Бухару. Редактором ее был назначен английский ставленник Саид-Али-Риза, бывший сотрудник тегеранского посольства в царской России.

Запугивая народы Востока «красным призраком большевизма», газета «Раат» настойчиво пропагандировала необходимость «священного похода» против большевиков. В то же время она заверяла своих читателей, что только англичане являются истинными друзьями народов Востока, что «англичане единственный народ, способный стать лучшим другом другого народа», и что если Бухаре суждено стать свободной и независимой страной, то этого можно добиться только с помощью Англии, предлагавшей Бухаре, само собой разумеется, свое покровительство.²

В звериной ненависти к Советской власти другая, официальная газета «Иран» твердила: «Социалистическое учение и большевизм никак не могут быть совмещены со стремлениями Афганистана».³

В одном из своих докладов в Москву М. В. Фрунзе писал: «Со времени заключения англо-персидского договора 1919 г. (август месяц) Персия фактически находится во власти Англии и оккупирована англо-индийскими войсками».⁴ Таким образом, в 1920 г. англичане чувствовали себя в Иране полными хозяевами положения.

Влияние Англии на Бухару через Иран привело к дальнейшему сближению эмирской Бухары и иранской реакции. Не случайно в государственном военном аппарате Бухары многие посты занимали англофильские элементы из иранской колонии в Бухаре. В справочнике о вооруженных силах Бухарского ханства, изданном в Ташкенте в 1920 г., указывалось, что «главную роль в муссировании тревожных слухов (в Бухаре —

¹ Вестник НКВД, № 3—4, 1 мая 1921 г., стр. 32.
² ЦГАОР Уз. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 284, л. 75.

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, стр. 320.

² Вестник НКВД, № 3—4, май, 1921 г., стр. 32.

³ Вестники Д. № 1—2, март 1921 г., стр. 147.

⁴ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1998, стр. 143.

Б. И.) играла старобухарская персидская колония, придерживавшаяся английской ориентации».¹

Одновременно под воздействием англичан происходило дальнейшее сближение эмирской Бухары с Афганистаном, который, подобно Ирану находился во власти Англии, «при участии всемогущего на Востоке духовенства и не без влияния английского золота», — отмечал М. В. Фрунзе, — бухарское правительство скоро нашло общий язык с Афганистаном, а не с Россией».²

Одной из причин враждебного отношения руководящих кругов Афганистана к Советскому Туркестану было то, что племена джемшеды, хозарики, фирузикухи и др., не говоря уже об узбеках и таджиках, питали глубокую симпатию к Советской власти. Отмечая этот факт и характеризуя мероприятия афганского правительства по выселению с нашей границы джемшедов, М. В. Фрунзе подчеркивал: «Между тем в настоящий момент распоряжения афганского правительства о переселении дружественных джемшедов с нашей границы в район Кандагара и переселение на их место с восточной границы мамудзаев нельзя рассматривать иначе, как акт безусловно враждебный нам».³

Готовясь к вооруженному нападению на Советский Туркестан, афганские реакционеры в начале января 1920 г. повели переговоры с эмирской Бухарой о создании единого антисоветского фронта. В сводке советского командования за тот период сообщалось: «Относительно афганских войск, каковые выступили из Кабула, предварительно ведут переговоры с Бухарой. Если Бухара согласится поддержать афганские войска, то наступление будет обоюдное, если же не согласится, то часть войск останется близ Бухары, а остальные едут в Фергану».⁴

12 января 1920 г. в ответ на письмо эмира бухарского афганский эмир Аманулла-хан писал: «Вы, мой брат, желаете получить от меня двух мусульман — военных инструкторов... Во исполнение вашего желания, с величайшей радостью и охотой я назначил в ваше распоряжение Корнейя Фазли Ахмед-хана, способнейшего офицера дружественной вам афганской армии; он явится к вашему величеству в сопровождении шестидесяти человек аскеров-инструкторов, команды для обучения бухарской армии». Далее, сообщая о том, что в распоряжение бухар

ского эмира едут военные специалисты по выделке патронов — Устакурбан Али и Уста-Фот-Мухамед, с четырьмя помощниками, Аманулла продолжал: «Одновременно и вместе с ними в качестве подарка препровождаю вам 6 орудий: два орудия заряжаются с дула, два горных выючных и два скорострельных. С орудиями следует и необходимая прислуга, а также несколько крепостных и полевых пулеметов».¹

Прием афганских пушек был использован бухарским эмиром в целях антисоветской пропаганды. На площадь, где происходила передача этих пушек, полицейские согнали не только всех жителей Старой Бухары, но и окрестных населенных пунктов. В то же время «пушки, возвращенные Бухаре из Туркестана, провозились по глухим улицам, чтобы жители не могли их видеть».²

Летом 1920 г., по сообщению советских представителей в Афганистане, афганские реакционные круги заключили «договор с англичанами о совместной борьбе против Советской власти».³ По указанию англичан, которые, как говорил М. В. Фрунзе, «еще в мирное время настойчиво добивались переселения беспокойных племен Афганистана с индийской границы на русскую»⁴ афганским правительством было «арестовано около 70 человек ходоринцев, джемшедов, симпатизирующих Советской власти».⁵

Не ограничиваясь этим, афганские агенты, под видом всяких миссий, переходили советскую границу и настраивали отдельные отсталые племена против Советской власти. Неоднократно отмечалось, что, проезжая по течению р. Аму-Дарья, афганцы «будировали туркменское население, группируя вокруг себя влиятельных басов и пробуждая религиозный фанатизм».⁶

Со времени заключения англо-афганского договора реакционные круги Афганистана не только подстрекали Бухару на войну против Советского Туркестана, но и оказывали ей в этом эффективную помощь. Только по имеющимся данным, в Бухаре в 1920 г. «находилось 600 афганцев в форме и 8500 афганцев

¹ ЦГАОР УзССР, ф. Назират по иностранным делам БНСР, д. 1, л. 45—46.

² «Вооруженные силы Бухарского ханства», стр. 11 (при рукописн. фонде).

³ Архив ТуркВО, ф. Штаба войск Турк. фронта, п. 163, д. 4—а, л. 450.

⁴ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана, рукописный фонд, рукопись 1998.

⁵ Архив ТуркВО, ф. Штаба войск Турк. фронта, п. 163, д. 4а, л. 450 (при рукописн. фонде).

⁶ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 2, д. 284, л. 44.

¹ Вооруженные силы Бухарского ханства. Ташкент, 1920, стр. 12.

² ЦГАСА, фонд 4, оп. 1, д. 131, л. 31 (донесения М. В. Фрунзе).

³ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1998, стр. 140.

⁴ ЦГАСА, ф. 110, оп. 4, д. 136, л. 265.

мирного вида, в действительности же их было значительно больше».¹ Причем все они состояли на жаловании у эмира.

Помимо Ирана и Афганистана, англичане укрепили связи эмирской Бухары с другими очагами интервенции на Востоке. Одним из таких очагов была Кашгария, где антисоветскую деятельность энергично развернул небезызвестный Эссертон, английский консул в Кашгаре. Воспользовавшись отсутствием частей Красной Армии в районе Памира, он стал частым гостем алайских киргизов. Одновременно через своих агентов он рассылал в Туркестан контрреволюционные бюллетени на узбекском языке, заполненные гнусной клеветой на Советскую власть и большевистскую партию.

Более того. Как сообщала советская печать, «в Кульджу-местонахождение главного белогвардейского штаба — выезжал кашгарский вице-консул Фиту Морин, который обсуждает с белогвардейскими офицерами план интервенции; он обещает белогвардейские войска и отряды, обещает английскую помощь, и напоминает, что Англия до сих пор смотрит на них как на остатки старой армии — союзницы Англии».² Чтобы поднять боевой дух белогвардейцев в связи с готовившимся наступлением весной 1920 г., англичане сосредоточили в районе Кашгара значительное число англо-индийских войск.

При содействии англичан была установлена более тесная связь эмирской Бухары и с ферганскими басмачами. В советской прессе того периода сообщалось: «С несомненностью установлено, что басмаческое движение черпает в значительной мере свою силу и поддержку в помощи, оказываемой ему эмирской властью и духовенством».³

Укрепились также связи эмирской Бухары с подпольными контрреволюционными организациями, которые по заданию Англии руководили басмаческим движением в Туркестане. Одной из таких организаций было общество «Иттиход ва таракки» («Объединение и прогресс»), созданное в Ташкенте еще в 1917 г. младотурками и находившееся вначале под турецким влиянием. Некоторые члены этого общества, чтобы лучше замаскировать свое вражеское лицо, вступили в ряды Коммунистической партии.

Летом 1920 г. эмир направил в Ташкент некоего Карши-бека в задачу которого, помимо других вопросов, входило установление тесного контакта с местным националистическим движением.

¹ Вооруженные силы Бухарского ханства, стр. 11.
² Газета «Правда», 1923, 5 июня.
³ Газета «Известия ТуркЦИК», 1920, 26 августа.

нием, в частности, с обществом «Объединение и прогресс», принявшим к тому времени наименование «Национальное объединение». Эта контрреволюционная буржуазно-националистическая организация являлась агентурой английского империализма и щедро снабжалась английским золотом.

В. В. Куйбышев в речи на заседании общегородской конференции в Ташкенте 12 января 1920 г., характеризуя стремление английских империалистов к захвату Туркестана, говорил:

«Уже тысячи шпионов (имеется в виду английских. — Б. И.) работают в сопредельных с нами странах: Персии, Бухаре и Афганистане для того, чтобы обострить существующую там вражду к Советской власти и создать такие условия, когда вся эта масса сопредельных с нами стран будет ждать Англию».¹

Еще в 1919 г. в Бухаре развернул враждебную Советской власти агитацию некий Исмаил-бек-заде, о чем из Чарджуй сообщали: «Член турецко-индийской миссии Исмаил-бек-заде вызывал у нас основательные подозрения своими действиями, направленными на панисламистское движение в Бухаре, Хиве, Фергане, Афганистане, Закаспии; агитация проводилась во враждебном нам духе».² После его ареста и отправки в Ташкент, пантюркистскую и панисламистскую пропаганду продолжали вести другие агенты английских империалистов. Из них наиболее активную деятельность в Бухаре в течение второй половины 1919 г. и первой половины 1920 г. проводили известный пантюркист Казимбек, по национальности турок, а также Росул Сунот, индийский профессор, по национальности индус. О них в одном из донесений Бухарской Компартии за подписью П. Хусанова сообщалось в Ташкент: «В Бухару прибыли гости со стороны Афганистана, с прибытием которых по Бухаре распространилась версия, что эти гости — посланники английского правительства, командированные в Бухару».³

Выдавая себя за представителей «общественных» организаций, Казимбек и Росул Сунот даже выпускали живые прокламации о прекращении «братоубийства», и в то же время тайно вели антисоветскую деятельность. Возбуждая фанатические элементы агитацией о «священной войне», они старались втянуть эмирскую Бухару в единый фронт вооруженной борьбы против Советской власти.

¹ Партахов Института истории Компартии Узбекистана, ф. 60, к. 9 за 1920 г., д. 677. (Речь т. Куйбышева на заседании общегородской конференции).

² ЦГАСА, ф. 140, оп. 4, ф. 275, л. 23.

³ Там же, л. 21.

Характеризуя место Бухары в общем лагере врагов Советской власти, М. В. Фрунзе писал:

«Конечно, одиночное выступление Бухары для нас не было страшно, но сама наличность в сердце Туркестана такого архаического государства, как Бухарский эмират, совершенно нетерпима. Оно подчеркивало как бы нашу слабость в глазах всего десятиллионного населения Туркестана и давало возможность всем нашим врагам, неизменно находящимся при том в Бухаре, не только вести деятельную агитацию против нас среди наших мусульман, но и организовать стройную панисламистскую пропаганду по всей мусульманской Азии, создавая для поддержки движения главную силу — бухарскую армию».

В своей агитации контрреволюция умалывала роль и значение Советской власти в глазах народов Туркестана и возвеличивала деспотический азиатский порядок Бухарского эмирата и всего зарубежного Востока, влачившего жалкое существование под игом английских империалистов.

Если раньше, в 1918—1919 гг., эмирская Бухара вынуждена была в конце концов, в результате провала первых двух попыток Антанты, сменить политику агрессии на политику мнимого нейтралитета, то к периоду третьего похода Антанты, под давлением английских интервентов, она заняла более враждебную и наглую позицию по отношению к Стране Советов. Этому в немалой мере способствовало усиление влияния духовенства на политическую и общественную жизнь эмирата.

В отчете В. И. Ленину о военном положении Туркестана накануне падения эмирата М. В. Фрунзе писал: «На Востоке при слабых характеристике правителя в критические моменты власти фактически переходит в руки духовенства. Это имеет место в последнее время».¹

Реакционное духовенство Бухары, объявив «священную войну» советскому народу, сбросившему иго капитализма и империализма, приняло решительные меры к тому, чтобы укрепить свое влияние в государственном аппарате эмирата и усилить воздействие на широкие массы народа. Этой цели служили религиозные группы, которые начали складываться тотчас после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Одна из таких групп была создана известным вельможей Бухарского эмирата — кушбеги Усманходжа-парваначи, совместно с его советником — кази и воинствующим муллой Кутбудином Обединия в основном зажиточные слои городского населения

и сельского духовенства, она была чисто шовинистической организацией, провоцировавшей в ханстве резню и уничтожение революционеров и им сочувствующих и всячески пропагандировавшей ненависть к Советской России.

Более влиятельной, однако, была группа Кули-парваначи и Низомедина Ходжа-Ургенчи. До военного столкновения с Советским Туркестаном весной 1918 г. она была малочисленной. Свою силу она приобрела благодаря огромным субсидиям, получаемым от государства при помощи Кули-парваначи как главного казначея эмирата, затем от бывшего кушбеги Низомедина Ходжа-Ургенчи, а также от крупных богачей — Каримбека Саидбая и духовенства. «Она, — писали «Известия» ТуркЦИКа — осенью 1919 г., — являлась и партийным отделением интернационального капитала, хозяевами которого являлись англо-французские и американские капиталисты».¹

В основном группа Кули-парваначи и Низомедина Ходжа-Ургенчи состояла из наиболее ярых реакционеров, духовенства и феодально-клерикальной знати. В нее входили также зажиточные баи, владевшие огромными земельными участками, богатые купцы, представители чиновничье-бюрократического аппарата и хозяева наиболее крупных мечетей страны. Все они с ненавистью смотрели на Советскую Россию и своей главной задачей считали изолирование Бухары от развивающегося революционного движения. Они установили тесную связь с англо-французскими и американскими империалистами и были готовы пойти на любую авантюру, вплоть до участия в иностранной интервенции против Советской России. Являясь прямыми агентами заграничного капитала, они требовали очищения бухарской железной дороги от советских войск.

Характеризуя группу Низомедина Ходжа-Ургенчи, М. В. Фрунзе указывал: «Партия кушбеги, руководимая Низомедином Ходжа-Ургенчи, прославившаяся жестокостью, ...придерживалась английской ориентации и стояла за нападение на Туркестан. В конце концов эта партия взяла верх и предъявила нам ультиматум».²

Именно под влиянием этой, наиболее воинствующей и агрессивной группы, эмирская Бухара предъявила Советскому Туркестану в 1920 г. совершенно невыполнимые требования. «Бухара, — сообщал в Москву в сентябре 1920 г. М. В. Фрунзе, — предъявляет к России ряд невыполнимых требований, а именно: 1) вывести из пределов Бухары все наши войска; 2) пере-

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 131, л. 32.

¹ «Известия ТуркЦИКа», 1920, 11 ноября.

² «Известия ТуркЦИКа», 1920, 9 сентября.

дать охрану железной дороги бухарцам и 3) упразднить в русских поселках джигитов».¹

Следует отметить, что еще задолго до этого Бухара представляла Советскому Туркестану ультиматум о возвращении ей Самаркандской области. В ответ на это Турккомиссия приняла решение «в противовес домогательствам Бухары на Самаркандскую область декларировать самостоятельность тюркских народов... пезыблемость автономии в Туркестане для отдельных национальных частей».² Тем самым националисты, муллы, эмирские чиновники лишались возможности вести антисоветскую пропаганду, разжигать национальную вражду.³

Враждебное отношение к Советскому Туркестану группа Низамеддин-Ходжа-Ургенчи начала усиленно проявлять еще в конце 1919 г. после того, как Бухару посетил английский разведчик М. Ф. Бейли. Это выразилось в наглой провокационной вылазке, произведенной в Караул-Тюбинской и Кизыл-Кумской волостях Джизакского уезда Самаркандской области, куда нуратинский бек по указанию бухарской администрации направил специальных чиновников по сбору податей для бухарского эмира. О деятельности чиновников бека в информационной сводке Бухарской Компартии 25 мая 1920 г. сообщалось:

«В конце прошлого года нуратинский бек послал своего агитатора, по имени Карахаджа, по должности караул-беги или дживочи, который стал вести активную агитацию с утверждением, что в ближайшем времени Советское правительство будет отбирать у них (жителей. — Б. И.) весь скот и капитал, всех молодых (людей. — Б. И.) сгонит в Красную Армию; кроме того, в случае неперехода их (жителей. — Б. И.), в Бухаре никаких продуктов с бухарских базаров им отпущаться ввер не будет».³

Агитация и угрозы бекских чиновников вызвали волнения среди жителей Караул-Тюбе. Кое-кто из них стал перекочевывать на бухарскую территорию. Более того, как сообщалось упомянутой выше информационной сводке, — «состоятельные элементы Караул-Тюбе подарили беку скот и деньги», а богачи Кизыл-Кума начали «преподносить беку подарки, крупные суммы (денег — Б. И.) и скот, с целью попасть на должность караул-беги, дживочи по Кизыл-Кумской волости».⁴

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 131, л. 32.

² См. А. В. Макашов. Утверждение Советской власти в Центральной и Южном Таджикистане. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1957, стр. 56.

³ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1376. Из информационной сводки за 1/6—20.

⁴ Там же.

Летом 1920 г. из Джизака сообщали о том, что «бухарские беки, инаны, инпоны английского капитала ведут агитацию против Советской власти в волостях, прилегающих к Бухаре, угрожают грабежом. Причиной для этой ярой провокации послужил приказ Советской власти по мобилизации населения в Красную Армию».¹

Бухарское духовенство пыталось вести агитацию и в советских воинских частях, расположенных на Бухарско-Туркестанской границе, в частности в мусульманских полках. Для этого были использованы религиозные праздники. В районах Чардакуй, Каган и др. под видом религиозных праздников муллы приглашали красноармейцев мусульманских полков на «чашку чая и плов» и путем индивидуальной обработки старались склонить их на свою сторону.

В басмаческом движении, как сообщали «Известия ТуркЦНК» принимали участие русские белогвардейские офицеры, проживавшие в Бухаре и действовавшие по указке английского командования в Мешхеде.²

Участвуя в организации всевозможных банд, действовавших на территории Советского Туркестана, эмирская Бухара при всесторонней помощи английских агентов к лету 1920 г. значительно увеличила количество мастерских, производивших оружие, боеприпасы и снаряжение для бухарских войск. В 1920 г. военная мастерская в Старой Бухаре ежедневно выпускала до 500 пар обуви. В Аскар-Абаде завод ежедневно давал до 12 тысяч патронов. Одних только австро-германских военнопленных работало здесь свыше 200 человек. Бухарцы имели свои собственные ружья «Клыч», изготовленные афганскими мастерами.³

Путем подкупа, обмана и лицемерия эмир временами старался всячески «удовлетворить» требования рабочих, занятых в военных мастерских. Так, когда в июле 1920 г. кожевники мастера, работавшие на армию, будучи недовольны оплатой их труда, бросили работу, эмир, узнав об этом, пригласил к себе их представителей, выдал дополнительное вознаграждение и наградил их медалями.⁴

В результате мероприятий, принятых эмиром по указке английских империалистов, вооруженные силы эмирата к лету

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 11, д. 187, л. 269.

² «Известия ТуркЦНК», 1920, 26 августа.

³ См. «Вооруженные силы Бухарского ханства», стр. 7.

⁴ См. Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 2199 (фонд Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б) д. 9, л. 77).

1920 г. значительно возросли. Согласно официальным данным штаба Самаркандско-Бухарской группы советских войск, численный состав бухарской армии на 12 июня 1920 г. выражался в следующих цифрах:

1. Шефский полк, расположенный в Старой Махасе, в составе 860 человек, вооруженный трехлинейными винтовками;
2. Турецкий полк, расположенный там же, в составе 2600 человек, вооруженный наполовину трехлинейными, наполовину 12-зарядными английскими винтовками;
3. Терский конный полк (по форме одежды), расположенный в Старом Кагане, в составе 8000 человек, вооруженный берданами, русскими трехлинейными и английскими винтовками;
4. Кубанский (по форме одежды) конный полк, расположенный в Старом Кагане и на станции, в составе 360 человек, вооруженный берданами и трехлинейными винтовками;
5. Арабский конный полк, по 100 человек у каждого вора Старой Бухары и 200 человек в саду Кази-Калипа, имеющий смешанное вооружение;
6. Ширабудиинский полк в составе 500—600 человек, вооруженный берданами и шомпольными ружьями;
7. Джембулафурский пехотный батальон, расквартированный по ж.-д. станциям бухарских владений, вооруженный берданами;
8. Туркмены-феодалы, прибывшие месяц тому назад из Керки в количестве 300 человек, вооруженные разными винтовками.

Всего на вооружении бухарских войск состояло: пулеметов — 40, орудий местных — 24, орудий русских — 10.¹

Вместе с ополчением число бухарских войск в 1920 г. достигало 70 тысяч человек, включая афганцев и индийских сипаев. Почти все ополчение было набрано летом 1920 г.

По своему национальному составу бухарские войска были разнородными. Основная масса их состояла из коренных жителей: узбеков, таджиков, туркменов. Кроме того имелись афганцы, персы, индийцы, много бывших царских офицеров и др. Например, пулеметная команда численностью в 125 человек при 12 пулеметах, целиком была укомплектована афганскими солдатами и офицерами.

Главным пунктом сосредоточения бухарских войск являлась Старая Бухара, в том числе Старая Махаса (личная резиденция эмира). К концу июля 1920 г. в Старой Махасе находились

¹ См. Военный архив УзССР, журн. 81 Самаркандско-Бухарская группа войск.

«тюркский полк в составе 2000 штыков, туркменский отряд в 2000 штыков, афганский — 200, персидский — 40 и шефский — 400 штыков».¹

Не очень доверяя своему войску, особенно из состава коренного населения страны, эмир сформировал особый отряд для его личной охраны. В этот отряд были отобраны «по 5 человек из каждого кишлака — наиболее преданных эмиру».²

Условия жизни солдат в бухарской армии были весьма тяжелыми. Достаточно сказать, что за день солдат получал только три лепешки и порцию супа. Солдатское жалованье во время войны, по распоряжению эмира, составляло 50 руб. в месяц. Но солдату нужно было иметь в три раза больше денег, чтобы удовлетворить алчные аппетиты бухарских и афганских офицеров, занимавшихся взяточничеством и вымогательством. За малейшее нарушение дисциплины и даже за отказ дать офицерам деньги солдаты подвергались строгим наказаниям. Офицеры обращались с солдатами крайне жестоко: избивали палками иногда до 50 человек в день. По подозрению в неблагонадежности солдат массами арестовывали и нередко расстреливали.

Газета «Кутулыш» — орган Бухарской Компартии, характеризующая положение эмирских войск к лету 1920 г., писала:

«Численность бухарской армии в данное время в 5—6 раз больше того, что имелось в Бухаре три года назад. Производит набор такого огромного количества войск, эмир не обеспечивает их ни обмундированием, ни достаточным питанием, ни спокойным общежитием. Часть войск находится во временных и сырых казармах, как арестанты, теряя свое здоровье: часть из них работает в садах, домах и на полях, принадлежащих своему начальству. Так погибает их жизнь на тяжелой работе. Помимо этого, ежедневно захватывается (арестовывается) 2—3 солдата под предлогом принадлежности к джадидам... Подвергают их смертной казни, чтобы навести страх на остальных».³ Далее газета указывала, что за малейшее подозрение в принадлежности Бухарской Компартии и сочувствии Советской власти солдат «подвергали побоям, привязыванию к высоким столбам, где каждый получал по сто, по двести ударов палача. Некоторые сажались в тюрьмы, а некоторые передавались в руки палачей».⁴

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана, Рукописный фонд рукописей № 2199, стр. 1—2.

² Там же.

³ Газета «Кутулыш», 1920, 14 июля.

⁴ Там же.

Неудивительно, что в армии росло недовольство режимом эмирата, что при первом же удобном случае бухарские солдаты переходили на сторону Красной Армии.

Для лучшего контроля над войсками и гражданским населением к лету 1920 г. в Бухаре были сформированы специальные отряды из наиболее преданных эмиру людей, под названием «главбатыры». Поощряемые денежными подачками, наградами в виде медалей и повышения в чине, солдаты этих отрядов были опорой эмира в деле наведения «порядка» в стране. Эти головорезы особенно жестоко расправлялись с революционерами.

К лету 1920 г. «наиболее воинственным настроением среди бухарских войск отличались туркменские феодалы, прибывшие из Корки. Всего их было собрано до 20 тысяч человек, которые были расположены в садах и районах Старой Бухары».

Снабжение огромной армии шло целиком за счет дехкана. К лету 1920 г. военные налоги составляли 70% годового дохода дехканина.

Помимо обычных податей, эмирские чиновники нередко облагали дехкан дополнительными налогами. Так, например, летом 1920 г. в связи с очередной мобилизацией в армию, «все население Нуратинского бекства было обложено денежным налогом в размере тысячи рублей с хозяйства, никлаевскими знаками, независимо от подати».²

Эта тяжелая повинность вызвала среди населения Нуратинского бекства глубокое возмущение. Чтобы «успокоить» народ помимо полицейских, в бекство были направлены муллы.

В страхе перед растущим возмущением трудящихся, эмир прибегал к массовым казням, производя их на площадях в базарные дни, чтобы запугать народ. Так, по донесению командира одного советского пограничного полка, в селении Хастычи, где помещались двор и резиденция бека, в базарные дни часто происходили «казни туземцев, подозреваемых в большевистской пропаганде».³

С мая 1920 г. эмирская Бухара непрерывно пыталась навязать пограничным частям Советского Туркестана военные действия. Командир 7-го погранполка доносил 15 мая 1920 г. что кишлак Поздняк, севернее Пейшамбе (название пограничного поста. — Б. И.) — «ежедневно занимается сильным разбегом бухарцев, которые совершенно безнаказанно разъезжают по нашей территории, стреляют каждый раз во встре-

чающиеся наши разъезды и всячески препятствуют задерживанию контрабанды. Командир эскадрона (начальник разъезда), выехавший со взводом из Пейшамбе в Поздняк, не доезжая кишлака версты две, был встречен огнем бухарских солдат. Начальник разъезда в свою очередь открыл оружейный огонь, продолжавшийся почти до темноты, после чего отряд бухарцев сел на коней и скрылся за линию границы».¹

В другом донесении сообщалось: «29 мая (1920 г. — Б. И.) красноармейцы поста Маса, выехавшие в разведку к границе, около кишлака Сыр-Булак были обстреляны бухарцами, несмотря на то, что они находились на своей территории».²

Эти провокационные действия явились результатом подстрекательства английских агентов, которые всяческими способами старались вовлечь Бухару в борьбу против Советского Туркестана.

Тов. Куйбышев, характеризуя намерения Англии, еще в начале 1920 г. писал:

«Нападение Англии через Туркестан кажется немыслимым явлением, но оно является неизбежным с точки зрения учета происходящей борьбы. У нас имеется достаточно фактов, что это нападение... готовится. Производится постройка дороги, строятся казармы для новых войск, чувствуется, что жизнь кипит, что подготовка в деле этих активных действий производится».³

Под влиянием обещаний англичанами нового наступления на Советский Туркестан весной 1920 г. эмирская Бухара активизировала свою враждебную деятельность по отношению к Советской власти. Надеясь на скорое прибытие английских войск, летом 1920 г., как было показано выше, эмир namного увеличил численный состав бухарских войск. Между некоторыми частями, расположенными в Старой Бухаре, Старом Кагане и других городах, была установлена телефонная связь. В ряде мест были открыты окопы.

В донесении в Москву в мае 1920 г., характеризуя положение в странах Среднего Востока и касаясь Бухары, М. В. Фрунзе писал:

«Последнее время было несколько случаев вызывающего обращения бухарцев в отношении русских, и не ошибусь, если скажу, что мы накануне активных действий с Бухарой».⁴

¹ Военный архив УзССР, журнал № 1 Самаркандско-бухарской группы войск.

² Там же.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, ф. 60, папка № 9, д. 677.

⁴ М. В. Фрунзе. Соч., т. 1, 1939, стр. 131.

¹ Военный архив УзССР, журнал № 1 Самаркандско-бухарской группы войск.

² Там же.

³ Там же.

Далее, указывая на вероятные направления главного удара бухарских войск, М. В. Фрунзе продолжал:

«Наиболее вероятен комбинированный удар со стороны Хатырчи и Карши на Самарканд с одновременным захватом Чарджуйского моста».¹

В заключение, остановившись на роли ферганских басмачей и Северного Ирана, М. В. Фрунзе заявил:

«Несомненно также, что беспокойная Фергана будет вовлечена в борьбу, а, может быть, и Харасан, ныне оккупированный англичанами, даст вооруженное брожение по всей границе».²

Под нажимом английских империалистов эмир бухарский готовился отдать распоряжение бекам о разрушении железнодорожных линий, связывавших войска Советского Туркестана с Закаспием.

Наряду с этим, летом 1920 г. эмир издал приказ по войскам (фатв), в котором указывалось, что они должны быть готовы к отражению нападений противника, что бухарские солдаты не должны заниматься ничем другим, кроме подготовки к войне.

Далее, обращаясь к своим войскам, он подчеркивал: ваши лошади не должны быть расседланы и ваши винтовки должны быть наготове. Готовьтесь как следует к бою.

Этот приказ свидетельствовал о том, что эмир готовился не только к подавлению революционных сил внутри страны, но, при благоприятной обстановке, и к боевым наступательным действиям против советских войск.

О ходе подготовки своих войск эмирская Бухара, по данным штаба Туркфронта от 1 мая 1920 г. — «через каждые десять дней информировала англичан в Мешхеде».³

По науськиванию англичан агенты бухарского эмира убили летом 1920 г. представителя Хорезмской Народной Республики, образовавшейся в феврале 1920 г., следовавшего в Москву, а также русского летчика Шпака, совершившего вынужденную посадку в районе Касана.

Следует, однако, подчеркнуть крайнюю осторожность, проявляемую эмиром в вопросе о практическом осуществлении плана открытого военного нападения на Советский Туркестан. Открытие боевых операций как весной 1920 г., так и летом того же года, он ставил в прямую зависимость от того, когда войска его союзников, в частности Англии, начнут интервенцию. Вот почему, сосредотачивая войска на границах Совет-

¹ «Вооруженные силы Бухарского ханства», стр. 10.
² Там же.
³ Там же.

ского Туркестана, убивая советских подданных, всячески отказываясь от заключения реального мирного договора. Эмир в то же время не решался на самостоятельное выступление.

Как явствует из материалов ЦК БКП, с целью определения дальнейшей позиции эмирской Бухары по отношению к правительству РСФСР 3 июня 1920 г. в ставке эмира было созвано «совещание с присутствием кази-каляна (глава духовенства), раиса (блюститель нравственности), тупчи-баши (командующий войсками) и еще нескольких чиновников».¹ Совещание к какому-либо решению не пришло.

5 июня на совещании у эмира кушбеги Низамодин и кази-калян — караванбаши на вопрос, как поступать дальше, ответили, что «сейчас не время открыть военные действия, — у них (имеется в виду Советская власть — Б. И.) сил много».²

Воздерживаясь временно от объявления войны Советской власти, эмир со своими чиновниками решил отправить муллу Кутбедина и еще 4 чиновников в Кабул просить помощи у афганского правительства».³

Одновременно было решено отправить посольство в Персию из трех человек во главе с Абдул-Карим-беком Мирахуром, бывшим мервским консулом асхабадского правительства.

В это время в Бухару стали чаще прибывать мелкие группы афганцев, которые распространяли слухи о том, что «через Керки придут новые войска, между которыми есть английские офицеры».⁴

Наиболее воинствующими лицами, стоявшими за немедленное нападение на Советский Туркестан, являлись «эмир, кази-калян, раис и афганский консул»⁵ в Бухаре.

Для усиления вооруженных сил Бухары в районе Самаркандско-Бухарской группы войск эмирское правительство назначило 8 июня 1920 г. Абдулкадыр-бека Токсабо хатырчинским беком, выдав ему «дополнительно 500 винтовок разного калибра».⁶ Эти факты ясно показывают, что эмир под влиянием английских империалистов со всей решительностью готовился к войне, но из-за страха не только перед растущей мощью

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 11911.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 11911.

⁶ Там же.

Красной Армии Советского Туркестана, но и перед растущими внутренними революционными силами страны, он временно, в прибытия помощи союзников и получения сигнала о начале полой интервенции, воздерживался от открытого нападения.

Но летом 1920 г. обстановка коренным образом изменилась. Успешное наступление Красной Армии на Юго-Западном фронте сбросило со счетов панскую Польшу. Под ударами советских войск потерпела крах интервенция Антанты, в том числе Англия, под влиянием которой находилась эмирская Бухара.

Победы Красной Армии вызвали подъем революционного движения народов Европы и Азии. Характеризуя эти победы В. И. Ленин писал:

«Советская Россия летом 1920 г. выступила не только как сила, обороняющаяся от насилия, от натиска польских белогвардейцев, она выступила на деле как всемирная сила, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран земли».¹

В этой обстановке эмир бухарский, оставшись в одиночестве, попытался снова перейти от политики войны к политике «нейтралитета» и даже «дружбы» с Советской властью. Но эти его были сочтены. Веками угнетаемый деспотическим эмирством, алчным чиновничеством и реакционным духовенством бухарский народ под руководством бухарских коммунистов поднялся на решительную борьбу со своими поработителями.

Под большевистским руководством верных учеников Ленина М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева Бухарская Компартия провела огромную работу по сплочению трудовых масс, по подготовке восстания против эмира и свержения ненавистного режима. Был нанесен сокрушительный удар по англо-американским империалистам, превратившим Бухару в один из театров осуществления планов иностранной интервенции в Советскую Россию.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 354.

ГЛАВА IV

ПРИБЫТИЕ В ТУРКЕСТАН КОМИССИИ ВЦИК И СОВНАРКСМА РСФСР ПО ДЕЛАМ ТУРКЕСТАНА. БУХАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1920 ГОДА

В целях быстрой ликвидации левого фланга колчаковских войск, освобождения линии железной дороги от дубовских банд и оказания непосредственной помощи трудящимся Туркестана в их борьбе против контрреволюционных сил, возглавляемых английскими империалистами, в августе 1919 г. был создан Туркестанский фронт.

Туркфронт, возглавляемый верными учениками Ленина М. В. Фрунзе в качестве командующего и В. В. Куйбышевым — членом Реввоенсовета, в короткий период разгромил войска Дутова и 13 сентября 1919 г. соединился с войсками Туркестана.

В постановлении, определявшем задачи Турккомиссии, составленном В. И. Лениным, подчеркивалось, «что самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского Правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России».¹

Вслед за тем, 13 ноября 1919 г., В. И. Ленин обратился со знаменитым письмом «К товарищам коммунистам Туркестана», в котором говорилось:

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 814.

«Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу».¹

Это письмо В. И. Ленина сыграло исключительную роль в осуществлении национальной политики большевистской партии и Советской власти в Туркестане. Обсудив его на общей краевой партийной конференции, проходившей 20—27 января 1920 г. туркестанские большевики в принятом обращении к Ленину признали допущенные ими грубые ошибки и обещали решительно исправить их, работая совместно с Турккомиссией ВЦИКа и Совнаркома РСФСР.

Работа Комиссии ВЦИКа и Совнаркома РСФСР началась в первых числах ноября 1919 г. со времени приезда В. В. Куйбышева в Ташкент. М. В. Фрунзе прибыл туда в конце февраля 1920 г., но, находясь до этого в Самаре, принимал самое активное участие в подготовке всех мероприятий, намечаемых и проводимых Турккомиссией. В основу своей деятельности М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев положили указания В. И. Ленина об установлении правильных отношений с народами Туркестана, что могло быть достигнуто лишь на основе осуществления ленинской линии в национальном вопросе.

Большевики Туркестана в тяжелых условиях, оторванные на протяжении почти двух лет от Советской России, преодолели

огромную работу по сплочению трудящихся масс вокруг партии Ленина, по установлению и упрочению диктатуры пролетариата, по борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. Отмечая эти заслуги туркестанских большевиков и созданных ими вооруженных сил, М. В. Фрунзе в приказе войскам Советского Туркестана 22 февраля 1920 г. писал:

«В беспримерно тяжелых условиях, отрезанные отовсюду и лишённые братской помощи рабоче-крестьянской России, отбивая бешеные атаки врага извне и изнутри, вы были грозными и стойкими часовыми революции здесь, в Туркестане. Совместно с войсками центральной России вы ликвидировали Актюбинский фронт и восстановили связь с центром.

Вы разгромили контрреволюцию в Закаспии и разбили грабительские планы английских хищников, протягивающих свои лапы к Туркестану... Вы, без различия языка, религии и национальности, объединились в братский военный союз рабочих, крестьянской и дехканской бедноты и спасли положение. Вы заслужили величайшую признательность социалистического отечества и пролетариата всего мира».¹

Однако, наряду с безусловными заслугами, туркестанские большевики имели и ряд серьезных ошибок, в общих чертах уже отмеченных в первой главе настоящей работы.

Основная их ошибка заключалась в том, что некоторые руководящие партийные и советские работники нередко преуменьшали значение национальных особенностей коренного населения Туркестана и тем самым стали на неправильный, по существу великодержавно-шовинистический путь игнорирования интересов народов Туркестана. Отсюда происходили во время борьбы с «Кокандской автономией» и ферганским басмачеством ошибки, выразившиеся, во-первых, в установлении во время борьбы с «Кокандской автономией» и ферганским басмачеством союза с армянской буржуазно-националистической партией «Дашнакцутюн», использовавшей создававшуюся обстановку для выступлений против мусульман; во-вторых, в вооружении с той же целью (борьбы с басмачеством) русских крестьянских кулацких отрядов в Джала-Абадском районе, поднявших впоследствии восстание против Советской власти; в-третьих, в недостаточном противодействии семипалатинскому и сыр-дарьинскому русским кулакам, продолжавшим и после революции захватывать земли киргизских дехкан. В противовес этому среди части коммунистов местных национальностей возникло течение, носившее ярко выраженный буржуазно-националистический характер.

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, стр. 23.

Таким образом, ко времени приезда в Ташкент Комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана внутри большевистских партийных организаций Туркестана имели место уклоны как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону местного, буржуазного национализма. Они были вызваны теми же обстоятельствами, что и во всех остальных окраинах нашей страны, населенных ранее угнетаемыми царизмом колониальными и полуколониальными народами. Исчерпывающий и предельно ясный анализ этих обстоятельств и существа обоих уклонов даны в решениях X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе».

«Развитие коммунистических организаций на окраинах, — говорилось в резолюции съезда, — протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения культуры, быта, исторического прошлого данной национальности, вульгаризируя таким образом и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониаторства и великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты местного коренного населения, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от признаков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма (в принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (в Востоке)).¹

Великодержавные шовинисты открыто выступали против привлечения трудящихся мусульман к участию в управлении государственной властью в Туркестане, ввиду их якобы неподготовленности к этому делу, возражая также против призыва местного населения в ряды Красной Армии, и т. д. По отдель-

¹ КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. 1, стр. 562.

ным вопросам они пытались навязать партийной организации дискуссии, что особенно проявилось на IV Краевом съезде Компартии Туркестана (сентябрь 1919 г.) при обсуждении радиопрограммы ЦК РКП(б) от 12 июля 1919 г. на имя Туркестанского ЦИКа и Краевого комитета партии, в которой предлагалось, на основании принятой VIII съездом РКП(б) Программы, в интересах проведения политики Советской власти на Востоке, обеспечить «широкое, пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности — без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями».¹

Буржуазные националисты сгруппировались вокруг Мусбюро РКП(б), образованного на III съезде Компартии Туркестана как орган по работе среди трудящихся мусульман. Пытаясь превратить Мусбюро в орудие осуществления своих националистических замыслов, они старались захватить в свои руки органы власти в Советском Туркестане. Это стремление «во что бы то ни стало занимать все ответственные посты мусульманскими» было охарактеризовано В. В. Куйбышевым как «наихудший вид национализма».²

Оба эти уклона явились тормозом в ликвидации колониаторского засилья и феодально-патриархальных пережитков, имевших место в Туркестане. Между тем задача, партии по отношению к трудовым массам среднеазиатских народов состояла именно в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобрести к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских Советов, путем создания среди этих народов крепких коммунистических организаций, способных использовать опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и могущих вместе с тем учитывать в своей строительной работе все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой национальности, без механического пересаживания экономических мероприятий Центральной России, годных лишь для иной, более высокой, ступени хозяйственного развития.

Руководствуясь директивами Ленина, Турккомиссия в своем обращении «Ко всем организациям Коммунистической партии Туркестана», подписанном В. В. Куйбышевым, поставила перед коммунистами Туркестана совершенно конкретные две задачи.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, д. 301, лл. 183—189.

² Газета «Туркестанский коммунист», 1919, 16 июля.

Первая задача заключалась «в ликвидации отношений, создавшихся между европейским населением и коренными народами в результате империалистической политики самодержавия».¹ Указав на то, что русское население продолжает оставаться на положении привилегированного сословия и что «в некоторых областях (Семиречье, Сыр-Дарья и отчасти Фергана) сохранилась даже колониальная эксплуатация коренного населения», обращение требовало «решительными мерами уничтожить эти пережитки прошлого, прекратить засилье кулаков русского чиновничества и установить на деле равноправие национальностей и самоопределение коренных народов Туркестана».² При этом подчеркивалось, что «в условиях Советского Туркестана движение широких масс возможно лишь тогда, когда оно носит народно-освободительный характер».³

Второй задачей являлась «ликвидация патриархально-феодалного наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения». «Эта задача, — как указывало обращение, — не ставилась в Туркестане во весь свой рост, между тем совершенно очевидно, что только при ее решении возможно осуществить действительную Советскую власть и диктатуру пролетариата. Задача может быть решена только организованным усилием самих масс, привлеченных к управлению через Советы трудящихся».⁴

Успешное претворение в жизнь задач, поставленных Турккомиссией, требовало решительного укрепления местных партийных организаций путем очищения их от пробравшихся туда великодержавных шовинистов и буржуазных националистов. За это дело Комиссия взялась с самого начала развертывания своей деятельности в Туркестане.

Разоблачая колонизаторскую политику бывших царских чиновников, помещиков и других эксплуататорских классов, Комиссия проделала огромную работу по ликвидации их агентуры, проникшей в ряды партии. В информационной сводке Комиссии за период с 1 по 16 июня 1920 г. сообщалось: «Позиция ташкентских колонизаторов была разбита окончательно постановлением Комиссии ЦК по вопросу о Железнодорожном районе не подчинившемся партийной дисциплине. Наиболее видные застрельщики были высланы из Туркестана».⁵

¹ «Известия ТуркЦИК», 1920, 28 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1376.

⁵ Там же.

Одновременно были проведены серьезные мероприятия по ликвидации буржуазно-националистической агентуры, пробравшейся в партию. В той же сводке Турккомиссии отмечалось, что мусульманская интеллигенция, занимавшая ответственные посты в органах государственной власти, в подавляющем большинстве мешала приближению трудящихся масс Туркестана к Советской власти, так как состояла в «значительной своей массе из представителей туземного торгового капитала и баев и не была заинтересована в расслоении местного населения».¹

Ведя решительную борьбу против уклона в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма, Турккомиссия образовала 20 июля 1920 г. временный ЦК партии Туркестана. «Этот состав ЦК Компартии Туркестана, — указывала Комиссия в упомянутой выше информационной сводке, — дает возможность провести более нормально предсъездовскую кампанию, дает возможность приступить к чистке партии и, что самое главное, приблизить власть и партию к низам туземного населения».²

Для поднятия уровня экономического развития и улучшения материального благосостояния трудящихся Туркестана, по инициативе Турккомиссии, в Средней Азии начали создаваться новые промышленные предприятия за счет оборудования, переброшенного туда из центральных областей России. Летом 1920 г. прибыло из центра полное оборудование шелкопрядельной, шелкомотальной и шелкоткацкой фабрик, которые были размещены в Фергане и Маргелане. Осенью того же года таким же путем были переведены в Туркестан бумагопрядельная фабрика и кожевенный завод.

В результате деятельности Турккомиссии, как отмечал Совнарком Туркестана в отчете IX республиканскому съезду Советов, удалось добиться «устранения влияния на мусульманскую бедноту баев, мананов, улемы и представителей местного торгашества... Благодаря борьбе бедноты с баями и прочими науками, удалось привлечь их (трудящихся. — Б. И.) к советскому строительству».³

Наряду с укреплением большевистских рядов и упрочением Советской власти в Туркестане, Турккомиссия приняла энергичные меры по налаживанию нормальных взаимоотношений с эмирской Бухарой.

¹ Там же.

² Там же.

³ Сборник материалов к IX съезду Советов. Ташкент, 1920, стр. 130.

Следует отметить, что с первых же дней существования Советской власти в Туркестане туркестанские большевики стремились создать добрососедские отношения с эмирской Бухарой. Еще в апреле 1918 г. V съезд Советов Туркестана провозгласил самостоятельность Бухары. Вслед за тем, несмотря на тяжелое положение, в котором находился Советский Туркестан, вследствие оторванности от центра и окружения его внешними и внутренними врагами, Бухаре была оказана значительная материальная помощь.

Правительство Советского Туркестана в самый трудный для себя момент спасло Бухару от финансовой катастрофы, приняв решение об оказании ей финансовой поддержки, о чем председатель Совнаркома Туркестана специальным отношением осенью 1918 г. официально уведомил бухарского эмира. В этом отношении указывалось, что правительство Туркестана, «принимая во внимание заявление бухарского правительства о критическом финансовом положении в Бухаре и идя навстречу по урегулированию товарообмена и коммерческих сношений, нашло возможным выдать правительству... Бухары ссуду в сумме пятнадцать миллионов рублей, каковыми деньгами правительству Бухары предоставляется возможность удовлетворить потребности на постройку ж. д. и своих неотложных нужд в пределах ханства».¹

Вместе с тем сообщалось, что выпущенные правительством Туркестана «кредитные билеты имеют хождение наравне с кредитными билетами общегосударственного образца».² От эмира требовалось издание соответствующего указа об обязательном приеме их в пределах Бухарского ханства.

В тех же целях установления нормальных взаимоотношений с эмирской Бухарой правительство Советского Туркестана пошло навстречу должникам по ссудам, выданным отдельным бухарским подданным, и согласилось на взыскание следующих сумм лишь в размере 50%. Было обещано, что с установлением ж. д. связи с центром «будут приняты все меры к немедленной доставке (в Бухару. — В. И.) товаров бухарских подданных, находящихся в неприкосновенности в пределах России».³

Между тем эмирская Бухара, воспользовавшись добрососедской лояльной политикой Советского Туркестана, получив финансовую поддержку и укрепив свое внутреннее положение,

продолжала занимать враждебную позицию по отношению к Советской власти.

Участвуя в валютных операциях на индийских рынках, где принимались только старые (царские) кредитные билеты, бухарские купцы скупали их по высокой цене, снижая тем самым курс советских дензнаков, что приводило к серьезным осложнениям в финансовых взаимоотношениях между Бухарой и Туркестаном. Подчинив свою экономику интересам и потребностям английского империализма, Бухара отказалась при торговых операциях принимать кредитные билеты, выпущенные Советским Туркестаном. Это означало фактический отказ от торговли с ним.

По свидетельству ревизора Туркестанского народного банка, обследовавшего состояние бухарских базаров, хождение советских кредитных билетов в Бухаре было ничтожным. В докладной записке на имя Главного комиссара Туркестанского банка, 5 ноября 1918 г. он писал: «Положение вещей таково, временные кредитные билеты (советские) совершенно не принимаются в г. Старая Бухара (прием таковых запрещен особым фирманом)».⁴

Таким образом, если в начале 1918 г., после заключения Кызыл-Ташкентского мирного договора, бухарским эмиром хотя бы формально принимались в расчет новые кредитные билеты Советского Туркестана, то к концу 1918 и началу 1919 гг. он официально отказался от их признания, издав соответствующий фирман (указ). Враждебная позиция, занятая эмиратом, привела к прекращению его торговых связей с Советским Туркестаном.

В отчете представителя Советского Туркестана в Бухаре в конце декабря 1918 г. отмечалось: «Хлопок в Бухаре имеется в большом количестве, но он для нас в настоящее время является малодоступным, ввиду нахождения таких складов на бухарской территории, куда не допускаются русские жители для покупки его в кишлаке. К тому же — нежелание продавать по существующей нормированной цене».⁵

Чтобы наладить торговые отношения, правительство Советского Туркестана шло на всяческие уступки. Несмотря на переживаемый продовольственный кризис, оно предложило передать Бухаре из имеющихся в Туркестане запасов хлопкового масла и риса в обмен на хлопок, с условием возврата бухарским подданным хлопка и иных товаров, находившихся в преде-

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 48, л. 178.
² Там же.
³ Там же.

⁴ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 100, л. 77.

⁵ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1376.

лах Туркестана. В постановлении Совнаркома Туркестанской АССР по этому вопросу указывалось: «Означенный хлопок... может быть куплен у владельцев при добровольном соглашении той и другой стороны. Если поступит с места заявление или сомнение с той или с другой стороны о неправильном владении хлопком, то такие вопросы разрешаются в Российском резидентстве, в согласительной комиссии республики и Бухарского ханства».

Но бухарские правящие круги мало считались с нуждами и потребностями Туркестана. Воспользовавшись двумя пробками — ашхабадской и оренбургской, а также отсутствием в Туркестане мануфактуры, чая, сахара, керосина, обуви, галантерейных товаров, они полностью прекратили доставку туда необходимых продуктов, направляя их на рынки Афганистана и других стран, подчиненных английскому империализму, получая взамен не только промышленные изделия гражданского обихода, но и оружие. Полномочный представитель Советского Туркестана в Бухаре сообщил весной 1919 г. в Ташкент: «Следует сказать, что наряду с непрерывными караванами товаров из Афганистана, в Бухару тайно и явно провозилось разного рода оружие. Бухара, в силу отсутствия экономической зависимости от нас, политически само собой стала с нами очень мало считаться».¹

Больше того. Наводнение бухарского рынка дешевыми английскими товарами, которые продавались только за николаевские кредитные билеты достоинством в 500 и 100 рублей, приводило к обесценению советских денег, ибо, как отмечалось в упомянутом выше донесении полномочного представителя Советского Туркестана в Бухаре, «сотни агентов бухарского купечества и правительства рассыпались по всему Туркестану с целью приобрести деньги старого образца, платя за сторублевки по 275, 500 и даже 100 рублей дензнаками нового образца».

Стремясь возобновить торговые связи с Бухарой, туркестанское правительство 16 февраля 1919 г. сделало попытку созвать смешанную комиссию по вопросу о хлопке. Однако представители Бухары не только не приняли участия в заседании комиссии, но и не дали никакого ответа на поставленные им вопросы, отказавшись выполнять обязательства, принятые в Кызыл-Тепе.

Согласно п. 4 дополнительного соглашения, заключенного в Кызыл-Тепе 25 марта 1918 г., Бухара обязалась восстановить разрушенные железнодорожные линии в пределах ханства и все относящиеся к ним сооружения, для чего была образована центральная комиссия в Н. Бухаре. По указанию эмира, комиссия прекратила свою деятельность и ликвидировала все дела. Не ограничиваясь этим, бухарские власти запретили появление в Старой Бухаре представителей «экономического отдела при резиденстве, многократно ездивших в г. Старую Бухару для производства разного рода закупок».¹

Покровительствуя русской буржуазии и белогвардейцам, ведя агитацию против Советской власти, эмирские чиновники «издевались над нашими уполномоченными людьми, приезжавшими в Старую Бухару для тех или иных дел».² В то же время в районе расположения белогвардейских войск Закаспийского фронта непрерывно задерживались «бухарско-подданные в качестве перевозчиков русско-подданных беглецов в Мерв и Ашхабад с продуктами для наших врагов».³

Эмирская Бухара чинила препятствия в продвижении советских военных частей, направлявшихся в район Закаспия для борьбы с белогвардейцами и интервентами, разрушая железнодорожные линии, портя водопроводы, нарушая телеграфную и телефонную связь. Дехканам было в категорической форме запрещено появляться у станционных предместий для продажи советским бойцам продуктов. Туркестанское правительство обратилось к главе бухарской дипломатической миссии в Ташкенте Токсаба Мирбабу с предложением об отводе бухарских войск от железнодорожной полосы, о прекращении порчи железнодорожных путей. Однако эмирская Бухара под всякими предлогами пыталась доказать необходимость оставления своих войск на месте.

В телеграмме, отправленной 9 февраля 1919 года в Ташкент, бухарский кунбег подтвердил, что порча путей действительно производится «жителями». Нахождение же бухарских войск у линии железной дороги он объяснил необходимостью «защиты» и «сохраны» русского населения от враждебно настроенных бухарцев в связи с непрерывным движением Красной Армии на Закаспийский фронт.

Тщательно маскируя свою враждебность, эмирская Бухара использовала малейшие поводы для того, чтобы предъявить Со-

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17Ц, оп. 1, д. 877, лл. 7—52.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 238, лл. 1—2.

² Там же.

³ Там же.

ветскому Туркестану те или иные претензии. Так, например во время празднования 1 мая 1919 г. в Кагане представительством Советского Туркестана в Бухаре была получена от эмира нота с выражением протеста по поводу произведенных пушечных салютов в честь праздника, будто бы возбуждавших мирное окрестное население ханства.

В ответ на эту ноту представитель Советского Туркестана в Бухаре обобщил все имевшие место придижки со стороны правительства эмирата и указал, что «автономия дана Туркестанской республикой Бухарскому ханству не для предъявления нам непрерывных ультиматумов. Мы были уверены, что самостоятельность, данная Бухаре из наших рук, пойдет на пользу обоих народов и их правительств и на укрепление дружественных отношений».¹ Далее, напомнив, что «дружба между Бухарой и республикой может быть основана только на действительном доброжелательстве», советский представитель подчеркнул, что «рабоче-крестьянская власть всегда перед всем миром ставила открыто все вопросы и желает получить на них ясные определенные ответы».²

Однако бухарский эмир опять не считал нужным ответить на советскую ноту, что вынудило правительство Советского Туркестана неоднократно повторять свои обращения.

Эмир становился с каждым днем наглее, попытался даже попенять налаживанию нормальных отношений Советской республики с Афганистаном. Это выразилось в обстреле 20 июня 1919 г. у границ Бухары следовавшего по Аму-Дарье советского парохода, на котором находились, помимо членов советской комиссии по выяснению причин керкинских событий, также полномочный представитель РСФСР в Афганистане Бравин и некоторые члены чрезвычайного афганского посольства. В сообщении Туркминдела в Москву указывалось, что в «100 верстах от Керки они (советские и афганские дипломаты — Б. И.) дважды были обстреляны с берега скопием бухарских туркмен, численностью до 1500 человек. В результате горячего боя потеряны 2 убитыми и 23 ранеными, (они) должны были, вследствие пробоя в порты машин, вернуться в Чарджуй». Дипломатам пришлось изменить свой маршрут, направившись в Афганистан через Мерв и Кушку.

В связи со сложной обстановкой, которая создалась в Советской стране, в том числе в Туркестане, летом 1919 г. необходимо было совершенно точно выяснить позицию, занимаемую Бу

харой. С этой целью, по заданию правительства Советского Туркестана, полномочный представитель в Бухаре посетил 1 июля 1919 г. эмира, а через два дня, 3 июля, направил ему официальную ноту, в которой напоминал, что азиатские народы Индии, Афганистана и Персии действуют в контакте с Советской Россией. «Бухарское ханство, — указывалось в ноте, — по своему географическому положению занимает среднее место между Туркестанской республикой и Афганистаном; вследствие чего на случай возникновения каких-либо политических осложнений на Востоке, Бухарское правительство принуждено будет, в силу вышеизложенного, определенно и точно высказать свою позицию... Российская и Туркестанская республики ожидают от правительства Бухары точного и определенного выяснения отношения последнего к Советской России в борьбе ее против угнетателей малых народов — англичан».¹

В ответном заявлении, сделанном от имени эмира Кушбеги 7 июля 1919 г., указывалось, что между двумя правительствами якобы существует незыблемая дружба на основе заключенного Кызыл-Тепинского мирного договора, а также категорически отрицалась какая-либо враждебность эмирской Бухары по отношению к Советскому Туркестану. Кушбеги лицемерно уверял, что правительство Бухары всегда стремилось «укреплять узы дружбы с республикой и ее народом, несмотря на то, что с открытием Закаспийского фронта непрерывное передвижение по бухарской территории советских войск в боевой готовности вызывает среди населения ханства волнения, беспокойство».² Касаясь охраны железной дороги бухарскими войсками, он пытался доказать, будто бы на пути своего следования советские войска постоянно и регулярно обеспечивались продуктами питания со стороны бухарских властей. Наконец, он подчеркнул, что Бухара «занимает позицию нейтралитета, а потому не намерена выступать против кого-либо, если не будет затронуты ее интересы, а в случае вторжения в пределы ханства какой-либо нации с враждебными целями бухарское правительство не может оставаться посторонним зрителем своей судьбы и поэтому выступить против вторгающегося врага».³

Однако под видом нейтралитета эмирская Бухара продолжала вести враждебную политику по отношению к Советскому Туркестану. Эта тактика была продиктована эмиру его английскими советниками. Принцип «нейтралитета» был взят им из

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 238, лл. 1—2.
² Там же.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 238, л. 43.

² ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 238, л. 31.

³ Там же.

арсенала английского генерала Миллесона и афганских правых кругов, придерживавшихся английской ориентации.

После непродолжительного замешательства, вызванного разгромом Красной Армией Колчака и Деникина, поражением закавказских белогвардейцев, вынужденной эвакуацией англичан из Закаспия в Северный Иран, а также началом разложения басмачества в Фергане, эмирская Бухара снова активизировала свою антисоветскую деятельность. Этому способствовала развернувшаяся в конце 1919 г. подготовка Антанты к третьему походу против Советской России. В Бухару со стороны Афганистана, Турции и других стран Востока прибыло, помимо мусульманских миссионеров, огромное количество английских агентов, подстрекавших эмира к вооруженному выступлению против Советского Туркестана. Кроме того, как известно, в тот же период посетил Бухару полковник английской разведывательной службы Бейли. В результате эмир предъявлял правительству Советского Туркестана наглые требования уплаты долга в три миллиона рублей, сдачи к 1 января бухарской железной дороги, немедленного возврата подаренного эмиром здания, занятого управлением бухарской железной дороги.¹

В таких сложных условиях Турккомиссия ВЦИКа начала свою деятельность по налаживанию нормальных отношений с эмирской Бухарой. В речи, произнесенной в сентябре 1920 г. на заседании городской партийной конференции в Ташкенте, М. В. Фрунзе говорил: «После соединения с центром и с привлечением внимания, проанализировано внутреннее соотношение сил в ней и решено, что революционный элемент еще недостаточно окреп, и несмотря на то, что существование черносотенной деспотической Бухары было язвой на советском теле, приходилось жить мирно, несмотря на то, что со стороны Бухары часты были попытки сорвать мир и начать войну». 28 ноября 1919 г. В. В. Куйбышев посетил Новую Бухару (Каган). Выступив на митинге, созванном в здании цирка, он призвал трудящихся города к активной помощи Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, а также потребовал от руководителей местных органов Советской власти создания нормальных добрососедских отношений с эмирской Бухарой.

20 марта 1920 г. в Новую Бухару прибыл М. В. Фрунзе. Во встрече его, наряду с представителями местных органов Советской власти, приняли участие высшие сановники эмира бухарского.

¹ См. ЦГАОР УзССР. ф. 17, оп. 1, д. 48, лл. 1—2.

² «Известия ТуркЦИК», 1920, 9 сентября.

ского. Поблагодарив сановников эмира за оказанную честь, М. В. Фрунзе выразил надежду и просил передать это вооруженным силам Бухары, что в будущем, в случае необходимости, «бухарские войска будут сражаться рука об руку с советскими войсками против общих врагов Востока».¹

Не ограничиваясь этим, М. В. Фрунзе 30 марта 1920 г. нанес визит эмиру в Старой Бухаре. В личной беседе с ним он поставил вопрос об установлении нормальных отношений между Советской страной и Бухарой.

С целью установления более нормальных отношений между правительством РСФСР и правительством Бухары было принято решение об обмене дипломатическими миссиями. Все вопросы как экономические, так и политические должны были разрешаться между обоими правительствами на началах равноправия.

Чтобы еще раз доказать истинные намерения Советской власти по отношению к Бухаре, Турккомиссия направила в Бухару специального представителя Баранова с задачей добиться полной договоренности с правительством эмирата.

По словам самого эмира, в беседе с ним Баранов заявил: «Вот уже 55 лет, как русское правительство поддерживает отношения дружбы и взаимного уважения с бухарским правительством... В связи с этим мы хотели бы продолжать и на будущее время это состояние дружбы и уважения между нашими странами».² Как свидетельствует далее эмир, по окончании переговоров «договор был подписан и полномочный представитель уехал».³ В соответствии с договором, эмир обязался наладить торговые взаимоотношения с РСФСР при одновременном обмене дипломатическими миссиями. Эмирские войска, расположенные вдоль железной дороги, должны были быть заменены советскими.

Всячески стремясь установить нормальные взаимоотношения с эмиратом, правительство РСФСР разрешило всем бухарским подданным вместе с их товарами, находящимся как в пределах Туркестана, так и России, возвратиться в Бухару. Одновременно Бухаре были возвращены 6 пушек, увезенных в Туркестан во время мартовских событий 1918 г. в качестве военных трофеев.

В официальном письме на имя эмира по поводу возвращения пушек Турккомиссия писала: «...Делегации нашего высочества, прибывшей в Ташкент по приглашению нашего полномочного

¹ «Известия ТуркЦИК», № 67, 1920, 26 марта.

² Меморандум эмира бухарского на имя Лиги наций, стр. 13.

³ Там же.

представителя в Бухаре, вручено 6 орудий во имя восстановления права.... С чувством глубокой радости мы предпринимали решительные шаги, чтобы положить резкую грань между прошлым и настоящим».¹ Далее, подчеркнув, что политика Советской власти основана на мире во взаимоотношениях со всеми государствами, даже с врагами ее, каковым является империалистическая Англия, Турккомиссия заявила: «Основным положением всей нашей внешней политики является самоопределение народов и их независимость от каких-либо других более сильных государств».² В заключение, отметив, что такая политика проводится Советской властью по отношению к народам Финляндии, Эстонии, Латвии, Башкирии, Киргизстана и других государств, что, осуществляя политику мира и дружбы, Советская страна опирается на мощь и силу Красной Армии, Турккомиссия выразила «глубочайшую уверенность, что актом возврата орудий будет положено начало ясным и дружественным отношениям между русским и бухарским народами, долженствующим привести к взаимной пользе».³

Но эмир со своей кликой, как ярый враг Советской власти, по-своему определил значение столь лояльной политики представителей ВЦИКа и Совнаркома РСФСР. Больше того, эмир выразил возмущение — почему пушки возвращены без снарядов, хотя таковых в момент захвата орудий весной 1918 г. не было.

Давав формальное согласие на возобновление торговли с Советским Туркестаном, эмирская Бухара фактически прекратила ее. Причем, как явствует из материалов, поступивших в декабрь 1919 г. из Бухары, бухарское правительство выполняло свои обязательства по доставке пшеницы в Турцию. Бухарские чиновники всячески препятствовали частным покупкам советскими органами хлебных злаков у дехкан; на мусульманский базар в Н. Бухаре кипичным и чистым запрещалось привозить яйца, фрукты; продукты потребления усиленно стягивались в Старую Бухару.

Эмирская Бухара допустила еще ряд враждебных выпадов по отношению к Советской власти. Тем не менее Турккомиссия снова предложила полномочному представителю в Бухаре разрешить все вопросы с эмирской властью путем. С этой целью полномочный представитель на территории Советского Туркестана посылал политическое положение

освобождения от белогвардейцев Оренбургской железнодорожной линии и установления прочной связи с центром. Эмиру весьма недвусмысленно дано было понять, что «двойственная политика по отношению к Советскому Туркестану в дальнейшем терпима быть не может, иначе нам придется смотреть на дружественную Бухару как на государство, ведущее вредную для нас политику, как например, Финляндия, являющаяся, подобно Бухаре, местом белогвардейских штабов и воротами, через которые враждебные нам силы наносят удар Советской власти в спину», а потому с установлением в Туркестане прочного советского порядка, благодаря приходу российских войск, «Бухаре на деле необходимо показать свою дружбу к нам и разрешить немедленно до сих пор не разрешенные вопросы».¹

Эмир дал «согласие» на установление дружественных отношений. Советский полномочный представитель в Бухаре сообщил: «Я получил от эмира категорическое заверение, что в дальнейшем политика Бухары к нам будет именно такой, какая нам желательна и необходима для прочной дружбы между обоими народами».² Одновременно на имя советского полпреда поступило специальное послание бухарского кушбеги, в котором говорилось, что будто бы несколько дней назад до него дошли слухи, что в Кагане дехкане перестали подвозить продукты на базары и что он будто бы сделал предписание бухарскому рансу о принятии мер «касательно происшествий на границе Хатырчи, — лживо заявлял кушбег, — мною сделано строгое предупреждение, согласно соизволения его высочества, о немедленном прекращении недружелюбных действий и в будущем».³

Иностранные исследователи в ряде своих работ вынуждены признать игнорирование эмиром Бухары попыток Советского Туркестана наладить экономические связи с эмиратом.

С. Беккер в своей работе «Русский протекторат в Средней Азии» писал: «Хотя советский Туркестан и ханство (Бухарское. — Б. И.) 19 декабря 1918 г. согласились установить торговые связи, соглашение оставалось мертвой буквой — отчасти из-за враждебности, существовавшей между двумя режимами, и от отказа Бухары принять советскую бумажную валюту».⁴

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 284, л. 50.

² Там же.

³ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 284, л. 52. Следует отметить, что в целях предотвращения инцидентов на советско-бухарской границе, особенно в районе Джизаака, по указанию Турккомиссии, Совнарком Туркестана передал Бухаре территорию Курган-Тюбинской волости, Джизакского уезда.

⁴ S. Becker. Russias protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva, 1865—1927. Combr. mass, 1968, p. 282.

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 284, л. 48.

² Там же.

³ Там же.

Но дальнейшие события показали, что и на этот раз все обещания и заверения эмира оказались лживыми. Инсценируя полную лояльность, давая на словах широкообещательные обещания о разрешении бухарским подданным, проживающим в Кагане, продавать необходимые продукты советским гражданам, эмир в то же время через своих агентов запретил им вести всякую торговлю с русскими. Он чинил всевозможные препятствия свободному передвижению по бухарской территории советских гражданам и военнослужащим. В начале 1920 г. на заседании Новобухарского исполнительного комитета было констатировано, что советские мирные граждане и военнослужащие «не могут явиться на территорию ханства, тогда как бухарские подданные расхаживают в г. Н. Бухара вооруженными».¹

Эмир долгое время игнорировал предложение об обмене дипломатическими миссиями, внесенное Турккомиссией и общедно принятое (представителями комиссии и эмиром) осенью 1919 г. К этому предложению он вернулся только летом 1920 г., когда стал очевидным полный провал всех планов империалистов по уничтожению Советской власти. В июле 1920 г. эмир направил посольство в Москву.

По пути в Москву бухарское посольство остановилось в Ташкенте, где ему был устроен соответствующий торжественный прием, на котором выступил В. В. Куйбышев. Выразив от имени Турккомиссии удовлетворение по поводу того, что «бухарское правительство после долгих колебаний решилось, наконец, направить в Москву посольство» В. В. Куйбышев заявил:

«Октябрьская революция, провозгласившая право всех народов на самоопределение, признала самостоятельность и государственность бывших ранее вассальными по отношению к России. Однако Бухара лишь теперь посылает свое представительство — это знак того, что бухарское правительство усвоило провозглашенные наши принципы и осознало, наконец, свою самостоятельность. Оно чувствует, что создавшееся на Востоке положение ведет к победе принципов, провозглашенных русской революцией. Правительства восточных государств, желающие быть самостоятельными, должны быть в дружбе с Советской Россией. Всякие попытки ориентироваться на империалистические государства грозят гибелью их независимости».²

Впоследствии, оправдывая посылку посольства в Москву уходом англичан из Закаспия, эмир, изгнанный из Бухары востановившим революционным народом и обивавший пороги в лакейской короля Великобритании, в известном меморандуме на

имя Лиги наций писал: «...Я послал несколько заслуживающих доверия людей в качестве своих представителей к Ленину с намерением ратифицировать договор».¹

В этом меморандуме эмир откровенно признал, что посылка посольства в Москву была вынужденным мероприятием, принятым в связи с чрезвычайными обстоятельствами, вызванными блестящими победами, одержанными Красной Армией над силами иностранной интервенции. Поражение англичан в вооруженном походе против Советской России привело эмира к полному смятению. Заклячая договор с РСФСР, эмир, отнюдь не переставая быть заклятым врагом советского народа, думал тем самым укрепить свое пошатнувшееся положение, чтобы удержаться у власти и при благоприятной обстановке возобновить свою враждебную антисоветскую деятельность.

Об этом, помимо других фактов, свидетельствует то, что направляя посольство в Москву, эмир в тот же период снаряжает делегацию — «одну в Мешхед, во главе с мирзой Сафабей, другую — в Лондон, во главе с Кари Мирзабом... по вопросам о военной помощи бухарскому эмиру в случае каких-нибудь непредвиденных осложнений».² Под непредвиденными осложнениями правящие круги эмирата имели в виду войну с Советской властью.

Однако господству эмира приближался конец. Плоды огромной работы, проведенной М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым в деле осуществления ленинской национальной политики в Туркестане, оказали исключительное революционизирующее влияние на народы Бухары. Победа Советской власти в Туркестане, успешная борьба против колониаторского засилья и патриархально-феодалных пережитков, привлечение к участию в государственном управлении широких слоев трудящихся и другие мероприятия, проводимые Турккомиссией, служили ярким примером для всех угнетенных народов Востока, в том числе эмирской Бухары.

Освободительная политика Советской власти завоевала любовь и уважение угнетенных народов Востока. И. В. Сталин в статье «Наши задачи на Востоке», показав особенности развития окраинных районов и пути привлечения широких трудовых масс к Советской власти, писал о том, что торжество пролетарской революции в России и освободительная политика Советской власти по отношению к угнетенным народам очистили ат-

¹ Меморандум эмира Алим-хана, стр. 11.

² Газета «Набат революции» — орган ЦОарм 1. Обкома партии и Облревкома Закаспийской области, 1920, 28 июня (письма трудящихся Бухары на имя ЦК РКП).

¹ ЦГАОР УЗССР, ф. 17, оп. 1, д. 145, л. 93.

² «Известия ТуркЦК», 1920, 6 июня.

мосферу национальной вражды, завоевали русскому пролетариату доверие и уважение народов Востока. Народы Востока их сознательные представители, начинали видеть в России оплот и знамя своего освобождения от цепей империализма.¹

Рискуя жизнью, в апреле 1919 года через бурные воды порогов граничной реки Пяндж в Термез перебрались кабульские посланцы. Они привезли с собой письмо, в котором тогдашнее руководство Афганистана обращалось со словами глубокой признательности к В. И. Ленину за то, что он провозгласил принцип равноправия народов всех стран.

«Было трудное время, — вспоминает бывший посол Афганистана в Советском Союзе Султан Ахмед. — Делегации пришлось пробираться через английские кордоны, которые пытались ее задержать. И все-таки мы добрались до Москвы, где нас сразу же принял Ленин. Он подробно расспрашивал нас о положении в Афганистане, о настроении людей. Внимательно выслушав нас, Ленин поделился последними новостями о положении на фронтах гражданской войны. Прощаясь, он просил передать в Кабул, что Советское правительство относится к Афганистану как к дружественному государству, которое всегда может рассчитывать на помощь и понимание Советского народа».²

Политика добрососедства, установления дружественных отношений, уважения национального суверенитета проводилась по отношению ко всем странам Востока, включая и Бухарский эмират. Народы Бухары все более проникались чувством доверия и уважения к Советской власти, видя в ней оплот и знамя своего освобождения. В это же время Бухарская коммунистическая партия мобилизовала трудящиеся массы Бухары на свержение господства феодалов и духовенства.

Бухарская коммунистическая партия была оформлена на своем первом съезде, состоявшемся в конце ноября 1918 г. в Ташкенте. Основателями ее были Азимджан Якубов (умер в 1929 г. в Ташкенте от тифа), Мулло-Гиас Абдусаматов (получив тяжелое ранение на Оренбургском фронте, умер в 1922 г.), Наджаб Хусайнов и другие товарищи, получившие классовую и партийную закалку в совместной борьбе с русским пролетариатом против царизма и капитализма в России.

Первый съезд избрал Центральный Комитет партии и принял решение о создании местных партийных организаций. В начале они существовали легально — на территории Советского

туркестана в городах Самарканд, Катта-Курган, Мерв и др., а к началу декабря 1918 г. возникли подпольные парторганизации непосредственно на территории эмирата: в Чарджуе, Кугане, Старой Бухаре, Шахрисабзе.

Бухарская коммунистическая партия входила в Коминтерн. Ее руководители в своих отчетах и докладах всегда подчеркивали, что «бухарские коммунисты стоят строго на основе Программы Российской коммунистической партии, всецело ее (Программу — В. И.) разделяют и поддерживают».¹ На деле же бухарские коммунисты как в организационных, так и в тактических вопросах не всегда стояли на принципиальных большевистских позициях. Причиной этого были, с одной стороны, молодость самой партии и отсутствие революционных традиций, а с другой — засоренность ее рядов элементами, не освободившимися еще от религиозно-феодалных предрассудков. Отсюда происходил ряд ошибок, допущенных Бухарской компартией, в частности признание ею индивидуального террора, выдвижение лозунга всеобщего равенства и справедливости вместо лозунга классовой борьбы и др.

Однако, несмотря на крупные ошибки, имевшие место в работе Бухарской коммунистической партии, само появление ее в условиях деспотического, черносотенного режима эмирата было чрезвычайно важным фактором в деле мобилизации и сплочения трудящихся масс на борьбу за свое освобождение. Пользуясь симпатией и сочувствием дехканской бедноты и солдат эмирского войска, принимая в свои ряды лучших представителей народа, опираясь на повседневную помощь со стороны большевиков Туркестана, особенно партийных организаций русских поселенцев, расположенных на территории Бухары, Бухарская коммунистическая партия развернула широкую агитационно-пропагандистскую и организационную работу внутри Бухары. В результате этой работы в отдельных бекствах участились случаи открытого выражения недовольства дехкан политической господствующих классов и существующим государственным строем.

В декабре 1918 г. «жители Карши открыто восстали против своего бека. Ему и его чиновникам пришлось спастись от разъяренной массы. В Гиждуване бек был избит до смерти».² Весной 1919 г. в Карши снова повторилось восстание дехкан, недовольных политикой правительства и действиями бека. На

¹ См. И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 237.

² Журн. «За рубежом», № 13, 27 марта — 2 апреля 1970, стр. 17.

¹ ЦПА ИМЛ, д. № 366, без описи, л. 6.

² Вестник НКВД № 5—6 от 1 июля 1921 г., стр. 77.

этот раз против восставших были посланы «войска, которые стреляли из пушек и утомили их».¹

В апреле 1919 г. дехкане Зияудинского бекства отказались от уплаты дополнительных податей бухарским чиновникам и потребовали возвращения своих сыновей из рядов эмирского войска. В ответ на распоряжение бека о беспрекословном выполнении требований эмирских чиновников трудящиеся бекства восстали. Только через два дня восстание было подавлено специальными войсками, присланными из Старой Бухары.

В работе среди солдат подпольные организации Бухарской коммунистической партии умело использовали факты из быта эмирского войска, где процветала жестокая палочная дисциплина. Подпольщик-коммунист Абдулла-бек в донесении на имя Центрального Комитета партии в конце декабря 1918 г. сообщал: «Войсковые части эмира взяты под строгий надзор шпионов... За малейшее подозрение солдаты становятся жертвами бухарских палачей... Недавно два солдата, собиравшиеся ночью 27 декабря перейти на нашу сторону (Красной Армии.— Б. И.), были пойманы и зарезаны, как овцы».²

На этих примерах, взятых из повседневной жизни бухарской армии, партийные организации мобилизовали солдат и спланировали их, готовя к вооруженной борьбе с существующим строем.

Попытки эмира и его чиновников подавить недовольство среди солдат путем террора и казней не давали каких-либо существенных результатов. Наоборот, эти мероприятия способствовали росту ненависти масс к господствующему классу, увеличению количества перебежчиков на сторону Красной Армии.

К весне 1919 г. число перебежчиков из эмирского войска насчитывалось сотнями. Каганское отделение БКП организовало отряд в 30 человек из афганцев, ранее служивших в эмирском войске, которые произвели налет на эмирскую почту, шедшую с Каршинского направления. По инициативе бухарских коммунистов, в одном только Чарджуйском бекстве было убито свыше 30 эмирских чиновников. В ряде мест в старых городах Бухары были организованы партийные ячейки. Все партийные меазское отделения, создавшие партийные дружины, непрерывно следившие за афганской границей, политически препятствуя поддержанию связей Бухары с Афганистаном.³

¹ ЦГАОР УССР, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 68.

² Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 868.

³ См. сборник «К десятилетию Бухарской и Хорезмской революций». Ташкент, 1930, стр. 40.

В течение 1919 г., в период между первым и вторым съездами, Бухарская компартия провела огромную работу по укреплению своих рядов путем очищения их от пробравшихся младобухарцев из группы Усман-Ходжи и Атта-Ходжи, ранее входивших в созданную ими весной 1918 г. «лево»-эсеровскую партию. Признав программу Компартии и обязавшиеся подчиниться партийной дисциплине, эти замаскировавшиеся элементы своей разлагающей деятельностью пытались разрушить Коммунистическую партию, подорвать ее единство и монолитность.

В письме из Ташкента, направленном летом 1919 г. в Каган одному из руководителей БКП Хусанову, сообщалось: «Здесь, в Ташкенте, антибольшевистские группы во главе с Агта-Ходжа и Усман-Ходжа ведут реакционную работу против нас, с целью развалить нашу организацию и сорвать работу».¹

Распоясавшиеся враги дошли до того, что открыто обвиняли БКП в проведении якобы антинародной политики. При этом они заявляли: «Мы не позволим вам сделать бухарский народ безбожным».²

Создавшаяся обстановка настойчиво требовала от Компартии принятия решительных мер против враждебной деятельности группы Усман-Ходжи и Атта-Ходжи. Не очистив своих рядов от этой скверны, партия не могла двигаться вперед по пути успешной мобилизации трудящихся масс на борьбу против эмирата.

Состоявшийся в Ташкенте в начале сентября 1919 г. II съезд Бухарской компартии единогласно утвердил решение Центрального комитета об исключении младобухарцев, возглавляемых Усманом-Ходжей, из рядов БКП. Заслушав отчетный доклад о деятельности Центрального Комитета, съезд наметил конкретные мероприятия по усилению агитационной работы среди трудящихся масс эмирата.

Исключая из своих рядов руководителей младобухарской группы Усмана-Ходжи, БКП в то же время чутко и внимательно относилась к рядовым участникам этой группы, попавшим в нее в силу своей политической неподготовленности. Лучшие из них, осознавшие ошибочность своей позиции, были оставлены в партии и вовлечены в практическую партийную работу.

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 868.

² Сборник «К десятилетию Бухарской и Хорезмской революций». стр. 41.

К таким группам можно было отнести определенные категории лиц — около 78 человек, из числа бывших членов Самаркандского отделения «лево»-эсеровской партии, порвавших со своей партией еще в конце 1918 г.

В своем заявлении в Центральный Комитет БКП они писали: «Мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены партии левых социалистов-революционеров младобухарцев, не разделяя их программу, выходим из нее и принимаем программу коммунистов...».¹ По своей профессии эти категории лиц принадлежали к рабочим: плотникам, кирпичникам, сапожникам, фаянщикам, рассыльным, наборщикам, официантам и др., которые на своем горьком опыте убедились во враждебной политике руководителей партии младобухарцев.

Большое значение в развертывании партийной работы в Бухаре после II съезда БКП имела помощь большевиков Туркестана, выделивших в распоряжение Центрального Комитета БКП 200 тысяч рублей. Н. Хусайнов в своих воспоминаниях писал: «Эти средства явились для нас великой поддержкой, так как наши работники, работавшие на местах, не получали зарплаты».²

Развертывая значительную работу среди трудящихся и в эмирском войске, Бухарская компартия неустанно заботилась об укреплении и расширении своих рядов. В результате, к осени 1919 г. количество членов партии достигло 5 тысяч. Они объединялись в 43 первичных организациях. Хотя состав партии был еще сильно засорен чуждыми и враждебными элементами, факт неуклонного роста ее свидетельствовал об усилении ее влияния в народных массах эмирата. Пополнение партии шло за счет приема пролетарских и полупролетарских элементов города и деревни.

Подпольная жизнь в условиях деспотического режима эмирата выковала таких стойких и способных партийных организаторов, как Абдулла-бек, работавший в Старой Бухаре среди эмирских войск и убитый палачами незадолго до революции, Абдусаматов, Газимжан Абдурашид Мирмукамилов, Наджиб Хусайнов и десятки других. Все они бесстрашно боролись за сплочение и подготовку трудящихся к свержению ненавистного ига эмира.

В выступлении на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, происходившем в Москве,

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 1191.

² Там же, № 868.

И. В. Сталин отметил значение и роль национальных партийных организаций в пробуждении отсталых масс трудящихся Востока и в дальнейшем росте революционного движения:

«Если ныне дорога на Восток открыта, то опять революция обязана этим величайшему труду наших товарищей делегатов, совершивших эту работу за последнее время.

Только сплоченностью мусульманских коммунистических организаций народов Востока, прежде всего татар, башкыр, киргизов, народов Туркестана, — только сплоченностью их можно объяснить ту быстроту развития событий, которую мы наблюдаем на Востоке».¹

На этом съезде, наряду с делегатами Коммунистической партии Туркестана, присутствовали также бухарские и хивинские представители.

К осени 1919 г., в результате усилий БКП, значительно возросло количество боевых дружин, насчитывавших в Чарджике 250 человек, в Кагане — 300, в Керках — 150 и в Термезе — 70 человек. Сражаясь плечом к плечу с войсками Красной Армии на Закаспийском фронте против англичан и белогвардейцев, эти дружины являлись вместе с тем резервом для подготовки вооруженных сил, на которые опиралась БКП при свержении эмирата.

Благодаря умелой работе чарджуйской партийной организации, осенью 1919 г. произошло объединение туркменских отрядов, которые устраивали нападения на бухарских чиновников, а нередко и на бухарские войска.

Наряду с боевыми дружинами, БКП развернула работу по организации и вооружению бухарского красного ополчения. Огромную роль в этом деле сыграла помощь, оказанная туркестанскими большевиками. В ноябре 1919 г. правительство Советского Туркестана выделило в распоряжение Центрального Комитета Бухарской компартии свыше 700 винтовок с боеприпасами. На базе созданного БКП ополчения были затем сформированы первый Бухарский полк и кавалерийский отряд.

С осени 1919 г., со времени прибытия в Ташкент Турккомиссии, подпольная революционная работа бухарских коммунистов приняла более широкий размах и более глубокий характер. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев уделили большое внимание делу большевизации Бухарской компартии. Отмечая выдающуюся роль этих посланцев Ленина, один из руководителей БКП, Н. Хусайнов в своих воспоминаниях о деятельности бу-

¹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 290.

харских коммунистов в период подполья писал: «С первых же дней пребывания в Туркестане, Турккомиссия (товарищи Фрунзе и Куйбышев) стала руководить нами непосредственно».

В своей деятельности М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев руководствовались указаниями В. И. Ленина на VIII съезде партии о необходимости учитывать в партийной работе национальные и социальные особенности народов Туркестана. «Можем ли мы, — говорил Ленин, — подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров?» Мы этого сделать не можем, потому, что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно».²

Исходя из ленинских указаний, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев поставили перед бухарскими коммунистами конкретные задачи в области агитационно-пропагандистской и организационной работы среди трудящихся эмирата. Эти задачи нашли отражение в тезисах о роли и значении агитационной работы выпущенных ЦК Компартии Туркестана весной 1920 г. «Агитация, — писалось в тезисах, — должна проводиться в той плоскости, чтобы не затрагивать религиозного уклада мусульманских трудящихся масс Туркестана. Но в то же время она должна вырывать их из-под влияния контрреволюционной «Улемы», духовенства и прочих прохвостов, пожелавших сыграть на том, что Бухара якобы является духовным центром для Туркестана. Нужно зажечь энтузиазм трудящихся масс, самым решительным образом отмежевываясь от всяких националистических тенденций».³

Вскрывая реакционную сущность духовенства, беспощадно разоблачая предательскую политику эмира, изолируя трудящиеся массы от гнетущего влияния младобухарцев, Бухарская коммунистическая партия взяла твердый курс на подготовку вооруженного восстания против деспотически-черносотенного режима эмирата. Уже к началу декабря 1919 г. в распоряжении Центрального комитета БКП находилась революционная армия, состоявшая из двух тысяч наиболее передовых представителей бухарского народа. В Ашхабаде были созданы краткосрочные военные курсы, на которых обучалось свыше 75 коммунистов-добровольцев, будущих командиров Бухарской Красной Армии. В ряде мест — Кагане, Чарджуе, Керки и других населенных пунктах Бухары — к этому времени возникли комитеты

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 868.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158—159.

³ Партия Института истории партии при ЦК КП Уз., ф. 60, папка 21, д. 147.

ты революционной молодежи. В значительном количестве начали выпускаться листовки, брошюры, плакаты, печатавшиеся в начале в Ташкенте (Старый город), а затем, с осени 1919 г., в Кагане, Чарджуе и других городах.

В целях выработки развернутой программы дальнейших мероприятий по подготовке трудящихся к свержению эмирата, Центральный Комитет БКП созвал в феврале 1920 г. третий съезд партии. Съезд происходил в Ташкенте. На нем присутствовало значительно больше делегатов, чем на предыдущих съездах. Это свидетельствовало о неуклонном росте партийных рядов.

Заслушав отчетный доклад Центрального Комитета и обсудив вопрос о ходе боевой подготовки на военных курсах в Ашхабаде, съезд принял специальное решение об улучшении материальной обеспеченности курсантов и предъявлении к ним более высоких требований в учебе. Что касается организации партийных дружин, съезд признал проделанную Центральным Комитетом работу удовлетворительной и поручил «продолжать (ее) в том же духе».¹ Давая установку на беспощадную борьбу против младобухарцев, съезд в то же время подчеркнул необходимость мобилизации всех революционных сил страны на свержение эмирата.

После III съезда в Бухарской компартии была проделана серьезная работа по организационному укреплению партийных рядов, наведению в них большевистского порядка и усилению контроля над деятельностью каждого коммуниста в отдельности. Этому способствовали мероприятия, намеченные Центральным Комитетом в циркулярном письме 16 июля 1920 г. «Ко всем отделениям и товариществам на местах». Они сводились к следующему:

«1. Все работники партии без исключения переходят в распоряжение ЦК и назначаются на соответствующие места по усмотрению последнего.

2. Все постановления и распоряжения партийной организации должны срочно и полностью проводиться в жизнь.

3. Все члены партии обязаны стремиться к тому, чтобы продвигать вперед работу партийной организации и усилить партийные ряды, изживая при этом нейтральность».²

Далее, подчеркнув, что при подготовке революционных сил против режима эмирата необходимо «очистить партийную организацию от неблагонадежных элементов, нарушающих ре-

¹ Сборник «К десятилетию Бухарской и Хорезмской революций», стр. 43.

² Газета «Кутулмыш», 1920, 16 июля.

ления ЦК и своей неуместной деятельностью приносящий вред партии», ЦК БКП предупреждал: «Лица, не подчиняющиеся общим положениям и постановлениям партии, будут привлечены к партийному суду и подвергнуты наказаниям. Приговор партийного суда может быть до расстрела».¹

Циркулярное письмо ЦК БКП сыграло важную роль в очищении рядов партии от враждебных и чуждых элементов.

Большое значение для усиления революционного движения в Бухаре имел выход в свет в июле 1920 г. органа ЦК БКП — газеты «Кутулыш» («Освобождение») на узбекском языке. Газета издавалась в Ташкенте тиражом в 3 тысячи экземпляров и успешно распространялась среди населения Бухары. На ее страницах велась большая агитационно-пропагандистская работа по разоблачению контрреволюционной политики эмирата.

Указывая на популярность газеты, которой она пользовалась среди трудящихся масс эмирата, группа членов партии в письме в редакцию сообщала: «Сколько безвинных людей, обвиненных в чтении и распространении газеты, были истерзаны бухарским тираническим правительством... Чем больше загромождается чтение газеты, тем больше народ проявляет к ней интерес. Так что наша газета имеет наибольшие перспективы для своего развития».²

Летом 1920 г. во многих районах Бухары поднялась с силой волна народных восстаний. Характеризуя общее положение страны, та же группа коммунистов из Бухары сообщала: «Подъем и восстания населения, имеющие место сегодня на территории Бухары, повсеместные случаи убийства эмирских чиновников — все это является доказательством, во-первых, того, что трудящиеся массы больше не могут выдерживать творимых эмиром и его чиновниками насилий над ними».³

В хроникальном сообщении о положении в Бухаре газета «Кутулыш» 10 июля 1920 г. писала:

«Бухара. Все население, проживающее в окрестностях Бухары, переживает страх от зверской расправы эмирских чиновников.

Карни. Происходит ожесточенная борьба между населением Каршинского бекства и чиновниками эмира по случаю сбора хлеба. Эмиром сделано распоряжение о закупке всего хлеба на бумажные деньги, выпущенные им самим. Бедняки не подчиняются этому распоряжению».⁴

¹ Газета «Кутулыш», 1920, 16 июля.

² Там же, 1920, 10 июля.

³ Там же.

⁴ Там же.

Далее, сообщая о том, что эмир распорядился арестовать 67 солдат из тюркского отряда, входившего в состав бухарского войска, подозреваемых в принадлежности к Бухарской Компартии, газета указывала: «Это распоряжение вызвало возмущение среди бойцов тюркского отряда, которые вышли из повиновения и не дали арестовать своих товарищей».¹

Настроение солдат эмирского войска было ярко выражено в речи командира отделения Карима Ахунда, произнесенной им в июне 1920 г. перед казнью, к которой он был приговорен за революционную работу среди солдат и принадлежность к БКП. Закованный в кандалы, привезенный палачами на площадь «Регистан» для исполнения приговора, Карим Ахунд обратился к собравшейся толпе со следующими словами:

«Я ухожу с сожалением. Хотя это так, но моя кровь не пропадет. Она взволнует кровь оставшихся моих товарищей. Она будет способствовать быстрейшему совершению предстоящего восстания. До каких пор будет существовать правительство тирана-эмира! До каких пор бедный народ будет страдать под игом этого беспощадного эмира!»

Затем, обращаясь к собравшимся массам, он сказал:

«...Я уверен в том, что вы, товарищи, объединитесь, чтобы свергнуть и уничтожить власть тиранов. Недалек тот день, когда наступит счастье и свобода для бедняков. Недалек тот день, когда сыновья зверски убитых отцов и бедные родители беспощадно замученных безгрешных сынов будут праздновать спасение страны, как великий праздник освобождения от тиранов. Я лишен возможности видеть этот радостный и счастливый великий праздник. В эти дни вспомните о нас, глядя на детей, оставшихся сиротами, отцы которых безвинно убиты, и на бедных родителей, сыновья которых пали жертвами тиранов».²

Перебежавший после этого на сторону Красной Армии пулеметчик эмирского войска Мухамеджан рассказал, что казнь Карима Ахунда и его предсмертная речь усилили революционное движение среди всех солдат. Желание быстрее расправиться с эмиром и его чиновниками стало всеобщим.

Нарастание революционного кризиса в Бухаре было самым тесным образом связано с существованием Туркестанской республики. «Соседство Советского Туркестана, — писал В. В. Куйбышев, — непрерывно колеблет авторитет и трон эмира, нарастающая революционные силы внутри Бухары».³

¹ Там же.

² Газета «Кутулыш», 1920, 14 июня.

³ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Изд. «Фан», Уз. СССР, Ташкент, 1967, стр. 692.

Еще в начале 1920 г., в связи с нарастанием революционной ситуации в Бухаре, по указанию Фрунзе и Куйбышева, были отозваны с других участков Туркестанского фронта бухарские подразделения, действовавшие в рядах Красной Армии. Переход их в распоряжение ЦК БКП во многом способствовал дальнейшему усилению боевых сил предстоящего вооруженного восстания. С целью более успешной подготовки восстания ЦК БКП летом 1920 г. отозвал членов Бухарской компартии, находившихся в Хиве и сыгравших немаловажную роль в свершении Хивинской народной революции весной 1920 г.¹

Нарастание революционной ситуации в стране и успешная деятельность БКП по подготовке трудящихся масс к восстанию вызвали новую волну репрессий со стороны правительства эмира. Опираясь на реакционное духовенство и феодалов, подстрекаемый иностранными империалистами во главе с Англией, эмир усилил борьбу с революционными элементами среди народов Бухары. В этом отношении прямую услугу эмиру оказали реакционные представители младобухарцев, которые ссылаясь на социально-экономическую отсталость Бухары, отрицали возможность установления в Бухаре Советской власти и требовали ликвидации Бухарской коммунистической партии. В феврале 1920 г. руководители младобухарской партии создали так называемое «бюро бухарских революционеров», которое было призвано практически осуществить контрреволюционные замыслы младобухарцев. Выступая против Коммунистической партии, некоторые младобухарцы заявляли, что «организовать теперь же в Бухаре Коммунистическую партию и под ее знаменем революцию, а также осуществлять программу большевиков не представляется возможным». Позднее это бюро предлагало «ликвидировать партию бухарских коммунистов и вместо нее организовать партию революционеров, объединяющую всех бухарских революционеров».²

В связи с создавшейся обстановкой, ЦК Бухарской компартии вынужден был принять решительные меры против провокационной деятельности ряда младобухарцев. В специальном постановлении ЦК указал, что младобухарцы, объединяя буржуазные и националистические элементы, проводят систематическую травлю партии бухарских коммунистов, служат серьезным тормозом в деле

освобождения Бухары от ига хана и установлении в ней советского строя». В заключение ЦК заявил, что «оставляет за собой свободу действий по отношению к младобухарцам».³

В дальнейшем, потерпев провал в своих контрреволюционных замыслах, руководители младобухарцев стали на путь обмана и коварства. В начале августа 1920 г. они предложили Центральному Комитету БКП «пойти на компромисс и разрешить им до переворота называться, в отличие от Коммунистической партии, младобухарской».³ Зато после победы революции они обещали вступить в Коммунистическую партию, полностью принять ее программу, подчиняться большевистской партийной дисциплине.

При помощи этого маневра руководители младобухарцев пытались затруднить окончательное их разоблачение и в то же время получить возможность вести и в дальнейшем контрреволюционную работу.

Руководители младобухарцев подкрепили свои обещания официальным заявлением, представленным ими в письменном виде Центральному Комитету БКП. Однако, уверяя в своей искренности и верности бухарскому трудовому народу, они не прекращали своей предательской деятельности. Пробираясь в ряды бухарских коммунистов, чтобы завоевать доверие народа, они не хотели социалистических преобразований, надеясь на то, что в результате революции будет установлен буржуазно-демократический строй.

Этим объясняется то, что многие бывшие руководители младобухарцев, пробравшиеся обманным путем в Компартию и находясь на руководящих постах в республиках Средней Азии, всесторонне стремились тормозить дело строительства социализма. Весьма характерным является их отношение к басмачам. Их политика затягивания гражданской войны в Средней Азии.

При характеристике роли младобухарской партии следует отметить реакционные лидеры этой партии, которые с самого начала были противниками Советской власти, от рядовых членов партии, пытавшихся на первых порах националистическую и потому подавленных влиянием реакционеров. Многие из них, убедившись в опасности и вредности пути, на который их толкнули лидеры, отвернулись от них и рука об руку с коммунистами пошли на свержение эмира.

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 868.
² Там же.

³ Вестник НКВД, № 5-6, от 1 июля 1921 г., стр. 75.

² Там же.

³ Партия Института истории партии при ЦК КП Уз. ф. 57, д. 39, лл. 92-93.

Мобилизация Коммунистической партией внутренних революционных сил, помощь великого русского народа во главе с партией Ленина, непосредственное руководство пламенных большевиков М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева — решили исход революции в Бухаре, помогли трудящимся Бухары сбросить навсегда господство эксплуататоров.

Бухарская революция 1920 года и крах планов английских интервентов и российских белогвардейцев.

Враждебная политика эмира по отношению к Советской власти, его ориентация на английских интервентов и российских белогвардейцев привели к резкому ухудшению положения трудящихся эмирата.

Несмотря на свою зависимость от русского рынка, эмирская Бухара тотчас после победы Великой Октябрьской социалистической революции фактически порвала всякие хозяйственные связи с Россией. Экономика страны была подчинена хищническим интересам иностранных захватчиков, в первую очередь империалистов Англии, которые, при помощи афганских и индийских купцов, выколачивали из Бухары огромные богатства.

Только в конце апреля 1920 г. в адрес английского правительства из Бухары «был отправлен груз в 400 кип каракуля, фактивно принадлежавшего некому афганскому купцу Рафику».¹ Одновременно в Англию «было отправлено значительное количество золота и других ценностей».²

Взамен вывозимых богатств империалистическая Англия до вольно щедро снабжала Бухару оружием для эмирской войска и чрезвычайно скупо — изделиями промышленного производства для нужд населения. Афгано-индийский рынок не способен был удовлетворить потребности Бухары в товарах первой необходимости. По свидетельству керкинского купца и сборщиков зякета, в течение всей второй половины 1919 г. из Афганистана поступило сюда всего только сухих фруктов — до 40 тыс. пудов, англо-индийского чая — 100 пудов, сахара-песку — 10 тыс. пудов, обуви — 2000 пар, спичек — 50 тыс. коробок, различной мануфактуры — 80 тыс. аршин.³

Наряду с хищническим разорением страны английскими империалистами, шло обогащение кучки бухарских феодалов и верхушечных слоев реакционного духовенства во главе с

эмиром Алим-ханом. По свидетельству чиновника Введенского, накануне революции, помимо капитала, отправленного за границу, эмир имел в своем личном фонде свыше 100 миллионов рублей золотом. Более того, в эмирских подвалах после бегства его из Старой Бухары были обнаружены «сотнями и тысячами одеяла, халаты, бесчисленное количество белья... и десятки тысяч, если не сотни тысяч, пудов сахара, крупы, чая и муки».¹

Возрастающие расходы на военные нужды вызвали усиление налогового бремени, ложившегося на трудящихся. В результате вконец разоренное население Бухары вынуждено было продавать не только последнюю утварь, но нередко и детей для того, чтобы расплатиться с долгами эмирскому правительству. Делегация одного из кишлаков в обращении к местной Коммунистической организации весной 1920 г. заявила: «Мы хотим больше продавать своих детей; мы знаем, что на свете есть другие порядки, и хотим, чтобы они были и у нас».²

Эмир с беспощадной свирепостью расправлялся с малейшим проявлением со стороны трудящихся недовольства их бесправным положением. Еще в 1917 г. в одной только Старой Бухаре после апрельской манифестации по приказу эмира было казнено свыше 3000 человек, заподозренных в участии в революционном движении. За десять дней — со 2 по 12 июля 1919 г. — в той же Старой Бухаре было арестовано несколько тысяч человек, из которых 63 человека были казнены публично на площади «Регистан».³ С исключительной беспощадностью были подавлены вспыхнувшие в начале 1920 г. восстания в Шахрисабзе, Нур-Ате, Карши, Зияндине и других районах страны.⁴

Однако ни полицейский террор, ни массовые убийства не могли приостановить растущего революционного движения в эмирской Бухаре. Сопротивление трудящихся, особенно на почве взимания налогов, с каждым днем принимало все более угрожающий характер. Это видно из письма граждан Старой Бухары, направленного в июле 1920 г. в Центральный Комитет Бухарской коммунистической партии. В письме говорилось:

«Мы, бухарские граждане, собравшиеся на нелегальном собрании с крайним трудом и опасностью, протестуем против того, что эмир протесывает со своими беззащитными гражданами при собирании налогов. Эмир заставляет бедняков про-

¹ «Вооруженные силы Бухарского ханства», стр. 10.
² Газета «Кутулмыш», 1920, 2 июля.
³ Н. А. Ремес, Внешняя торговля Бухары до мировой войны, стр. 70.

¹ Вестник НКВД, № 3—4, май 1921 г.

² Известия ТуркЦИК, 1920 г., № 161.

³ Хартархив Института истории партии ЦК КП Узб., ф. 14, л. 900.

⁴ Там же.

давать своих жен и детей, чтобы расплатиться со сборщиками податей и пошлин».¹

Далее, отметив двойственную политику эмира бухарского, с одной стороны, поддерживавшего тесную связь с англичанами, а с другой, — посылавшего делегацию по примирению с Советской Россией, бухарские граждане заявляли:

«Мы возмущены такой двойственной игрой эмира. Поставляем: сообщить верховным органам Советской России, Компартии и всему миру, что делегация эмира не имеет ничего общего с бухарским народом и не может никогда говорить от его имени».²

Письмо кончилось выражением уверенности, что Советская Россия возвысит свой голос в защиту трудящихся Бухары.

Опираясь на непосредственную помощь и поддержку со стороны Центрального Комитета РКП(б) и лично В. И. Ленина, руководствуясь повседневными указаниями М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, Бухарская компартия, учитывая опыт русского пролетариата и Советского Туркестана, призвала трудящихся Бухары к решительной борьбе против режима эмирата. В результате летом 1920 г. революционное движение в стране поднялось на новую, более высокую ступень. Усилилось разложение эмирского войска, что нашло отражение в массовом переходе солдат на сторону Красной Армии.

Представитель ЦК БКП в Кагане сообщал в июле 1920 г.: «Изыскивая способы снабжения продовольствием прибывающих из Старой Бухары беглых солдат бухарской армии в количестве 10—15 человек ежедневно... за период с 1-го по 15-го июля было израсходовано 200.395 рублей».³ В другом документе от 31 июля того же года указывалось, что заведующим хозяйством Центрального Комитета Бухарской компартии «для довольствия прибывающих ежедневно в числе 15—20 человек беглых солдат и эмигрантов из Бухары с 16 по 31 июля израсходовано 386.539 рублей».⁴

Разложение эмирских войск наблюдалось не только в самой Бухаре, но также и во многих бекствах. К 24 августа 1920 г. в одном только Чарджуйском бекстве из двадцатитысячной армии, находившейся в крепости, осталось не более двух тысяч человек, остальные бежали частью на сторону Красной Армии, а частью — в пески.

¹ Газета «Набат революции», 1920, 28 июля.

² Там же.

³ Архив Института истории партии при ЦК КП Уз., ф. 14, л. 904.

⁴ Там же.

Ко времени начала Бухарской революции руководители местных партийных организаций в своих донесениях ЦК Компартии писали: «Трудящиеся Бухары чрезвычайно недовольны эмиром и его правительством. Народ ждет своего избавления от эмира с нашей помощью. Мысли о восстании растут с каждым днем. Нужно руководить народом, время дорого, нужно использовать его».¹

Чарджуйская партийная организация, поставив перед ЦК БКП вопрос о назревшем восстании, указывала: «Мы сегодня же готовы к революции. За нами все трудящиеся — как туркмены, так и узбеки, проживающие на территории Чарджуя. Если вы там в центре не будете заботиться о революции, то мы совершим революцию без вашего руководства».²

О готовности масс к восстанию свидетельствовали многочисленные заявления трудящихся, поступавшие в ЦК БКП.

Так, трудящиеся Чарджуя и Керки писали: «Мы теперь готовы к революции. Надо совершить революцию в Чарджуе и Керки и освободить эти области от гнета эмира и его тиранов — беков... после взятия Керки и Чарджуя будет очень легко бороться с (эмирской) Бухарой».³

Передко поступали заявления ультимативного характера, как например: «Если ЦК не возьмет на себя руководство борьбой, то мы сами двинемся на борьбу, мы достаточно вооружены».⁴

Эти заявления не оставляли сомнения в готовности трудовых масс к восстанию против эмира и его черносотенно-деспотического режима.

Даже иностранные исследователи, в целом враждебно относящиеся к победе Бухарской революции, вынуждены признавать наличие революционного кризиса в Бухаре во второй половине 1920 г.

«В самой Бухаре, — пишет А. Парк, — распространилась атмосфера, благоприятствующая восстанию. Недовольство, возникшее отчасти из-за политики репрессий, проводимой эмиром, отчасти из-за растущего налогового гнета, обусловленного необходимостью вооружать и снабжать армию, — стало всеобщим».⁵

¹ Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 863.

² Там же.

³ Там же, рукопись № 868.

⁴ Сборник «К десятилетию Бухарской и Хорезмской революций», стр. 44.

⁵ А. Park. Bolsevizm in Turkestan, стр. 47.

В июле-августе 1920 г., наряду с революционным подъемом трудящихся внутри Бухары, значительно увеличилось количество боевых отрядов красных добровольцев, созданных Бухарской Компартией. К этому времени в распоряжении Центрального комитета БКП находились: 1) Восточный полк, расположенный в Самарканде, в составе 2020 человек; 2) Чарджуйский отряд в 650 человек, в том числе 165 бойцов коммунистической дружины.

Рост вооруженных сил для предстоящего восстания неуклонно продолжался, о чем свидетельствуют следующие факты. «Двести персов из Зир-Булака подали в ЦК заявление с просьбой дать им оружие для борьбы с эмиром. Многие персы вступили также в революционные отряды в Кагане. В Керки образовался новый отряд в 150 человек, в Термезе — 100 человек, Катта-Курганский отряд увеличился до 200 человек».¹

Таким образом, к началу революции вооруженные силы восстания исчислялись приблизительно в 5 тысяч человек, находившихся в организованных и сплоченных отрядах как внутри самой Бухары, так и в районах Советского Туркестана, граничивших с эмиратом.

При этом, если раньше происходившие в отдельных районах Бухары восстания, вследствие их слабой организованности и недостаточного руководства ими, сравнительно быстро подавлялись эмирскими войсками, то в августе 1920 г. положение резко изменилось. Об этом свидетельствует победоносное восстание против эмира, начатое чарджуйскими рабочими, دهканами и городской беднотой 23 августа 1920 г. и явившееся сигналом к всеобщему восстанию по всей стране.

Восстанию в Чарджуе предшествовал IV съезд (курултай) Бухарской компартии, состоявшийся в Чарджуе с 16 по 18 августа 1920 г. На съезде были представлены организации Новой Бухары (Кагана), Чарджуя, Самарканда, Денау, Термеза и других районов. Присутствовало всего 86 делегатов с решающим и 24 с совещательным голосом. Представителей подпольных революционных организаций было всего 11 человек.² Съезд принял решение о создании блока между БКП и младобухарцами, при условии признания последними Программы БКП.

В резолюции съезда указывалось, что после революции должна быть организована Советская республика, руководимая трудящимися Бухарской и Хорезмской революциями.³

¹ Сборник «К десятилетию Бухарской и Хорезмской революций», стр. 44.

² Газ. «Коммунист Таджикистана», 1937, 7 ноября.

мая Коммунистической партией, и что все буржуазные партии должны быть распущены.¹ После тщательного обсуждения съезд принял обращение ко всем трудящимся Бухарского эмирата о необходимости начать восстание против эмирской деспотии.

Вспыхнувшее в районе Чарджуя, в Сакар-Базаре, 23 августа 1920 г. восстание закончилось свержением эмирской власти и переходом ее в руки трудящихся. Свыше 36 эмирских чиновников было убито.

Для подавления восстания чарджуйским беком было послано в Сакар-Базар 500 паукеров, но, получив надлежащий отпор со стороны вооруженного народа, руководимого коммунистами, бекские наймиты в панике удрали. 29 августа утром повстанческие революционные отряды вступили без боя в Старый Чарджуй. Бек, чувствуя свою беспомощность, сбежал вместе с жалкими остатками своих войск. В тот же день в Чарджуе был избран Революционный Комитет из представителей революционных элементов страны. От имени бухарского народа он принял следующее обращение к трудящимся:

«Братья! Наступил час расплаты многострадального бухарского народа, так долго угнетавшегося правительством эмира, беками и их приспешниками. Довольно кровавых расправ, довольно ненасытных поборов и жестоких издевательств! Трудящиеся Бухары лучше справятся со своим делом, чем старое проклятое правительство эмира, отнимавшее у них землю, сосавшее их кровь, разорявшее их солдатчиной».²

Свергнув старую власть в Чарджуйском бекстве, восставший народ завоевал народную Советскую власть. Революционный Комитет объявил, что бухарский народ взялся за оружие, чтобы победить всех своих врагов и установить справедливый строй жизни. Провозгласив отмену эмирских налогов и телесных наказаний, Ревком в своем обращении призвал народ уничтожить «всех сторонников старого строя», создавать «отряды Бухарской Красной Армии».³

Восстание в Чарджуе отличалось организованностью и сплоченностью. Благодаря умелой работе партийных организаций Чарджуя, туркменское население Керки быстро присоединилось к восставшим. Его примеру последовали трудящиеся других районов эмирата. Восстание охватило Хатырчи, Китаб, Шахриябз.

¹ См. А. Н. Ишанов. Бухарская Народная Советская Республика. Изд. «Узбекистан», Ташкент, 1969, стр. 184.

² «Правда Востока», 1935, 6 сентября.

³ Там же.

На помощь трудящимся эмирата, по их просьбе, переданной через специальных представителей Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, пришли войска Красной Армии, руководимые М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым. Это явилось важным фактором в победе народов Бухары над эмиром и его английскими союзниками.

Подготовка и организация своевременной помощи восставшим трудовым массам Бухары была проведена Реввоенсоветом Туркестанского фронта заблаговременно. Еще 12 августа 1919 г. М. В. Фрунзе в своем приказе войскам Туркфронта, определив задачи предстоящей боевой операции, наметил необходимые мероприятия по ее успешному осуществлению. Были созданы четыре группы войск: Чарджуйская, Каганская, Катта-Курганская и Самаркандская. Эти четыре группы, сведенные в одну общую Самаркандо-Бухарскую группу, включая красно-бухарские части, насчитывали в своем составе 6—7 тысяч пехоты, около 2,5 тысяч сабель при 5 тяжелых и 35 легких орудиях, 5 бронев автомобилях и 11 самолетах.

Хотя эмирские войска, как было упомянуто выше, превосходили в количественном отношении боевые силы Красной Армии на этом участке в четыре-пять раз, однако по своему качеству они несравненно им уступали. Боеспособность частей Красной Армии определялась не только высокой сознательностью бойцов, но и огромной поддержкой, оказываемой им со стороны широких трудящихся масс Бухары, поднявшихся на последний, решительный штурм черносотенно-деспотического режима эмирата. В этом заключались причины быстрой победы над врагом.

28 августа 1920 г., в начале революционного восстания в Бухаре, М. В. Фрунзе отдал приказ частям Красной Армии о переходе в наступление. В приказе говорилось:

«В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительных схваток подавленных и пораженных трудящихся масс Бухары с кровавым правительством эмира и беков. Полки нарождающейся Бухарской Красной Армии движутся на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле нас. Приказываю всей нашей вооруженной помощи прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

— Командиры, комиссары! На нас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга»¹.

Этот приказ М. В. Фрунзе явился для красноармейских частей боевым призывом к оказанию помощи восставшему народу Бухары в деле освобождения от тирании и рабства.

Начатая в ночь на 29 августа 1920 г. операция решила исход борьбы. Трудящиеся Бухары совместно с Красной Армией, куда входили восточные полки, сформированные из мусульманского населения Туркестана, начали освобождать один город за другим.

Беки и чиновники, бросая свои гаремы, оставляя награбленные ценности, в панике и страхе бежали. В освобожденных городах создавались Ревкомы.

Подытожив первые результаты успешных боев частей Красной Армии совместно с восставшими народами Бухары против эмирского войска и поставив очередную задачу полного разгрома врага, М. В. Фрунзе в приказе по Туркестанскому фронту писал:

«Наступление наших и красноармейских бухарских частей по всем направлениям развивается успешно: после станции Чарджуй наши заняли Хатырчи, Карши. Мы тесним противника под Зияидином. Наша конница гонит противника под Китабом. Сбрав главную массу в районе Ст. Бухары, противник упорно обороняет последний свой оплот. Приказываю овладеть Ст. Бухарой, отбросив противника к северо-востоку. Затем совместным наступлением Чарджуйской, Каганской и Катта-Курганской групп уничтожить остатки противника, сбив его в районе Бабкент, Гиждуван, Ваганзы, Богоутдин»¹.

Приказ Фрунзе был горячо воспринят не только бойцами Красной Армии, но и всеми трудящимися Советского Туркестана, в первую очередь рабочим классом. На помощь устремленным народам Бухары пришли тысячи металлистов, печатников, ткачей, железнодорожников, которые вливались в ряды молодой бухарской революционной армии, укрепляя ее боевые и моральные качества.

Об огромном воодушевлении, охватившем пролетарские слои крупных городов Советского Туркестана, свидетельствует резолюция, принятая в эти дни по докладу М. В. Фрунзе на собрании представителей фабрично-заводских комитетов г. Самарканда. В резолюции было сказано:

«На пути к достижению царства социализма... клянемся нашей пролетарской честью, что наша братская помощь трудящимся Бухары и всему трудящемуся народу Востока не бу-

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 325—326.

¹ «Красный архив», том III (сто), 1940 г. (Фрунзе на Туркестанском фронте).

дет ослаблена, пока в наших грудях бьются сердца и в наших жилах течет кровь честных пролетариев».¹

30 августа 1920 г., выступая на одном из митингов в Ташкенте, М. В. Фрунзе так охарактеризовал положение, создавшееся к тому времени в Бухаре: «События разворачиваются так, что мы можем сказать: мы стоим накануне ликвидации самодержавного гнезда, построенного на насилии и угнетении широких масс. Нет сомнения, что революционные организации Бухары победят и что деспотический эмир доживает свои последние часы. С минуты на минуту я жду известий о занятии Бухары, Китаба, Шахрисябза. С Советской Бухарой у нас создадутся дружественные отношения, и с точки зрения трудящихся обеих стран, можно только приветствовать тот факт, что под ударами революции разлетается деспотический трон эмира».²

Эмир сосредоточил в Старой Бухаре значительное количество войск в 8 тысяч штыков, 7500 сабель при 23 орудиях и 12 пулеметах. Армия была снаряжена английскими винтовками. Со всех бекств туда было переброшено 27 тысяч ополченцев и 32 орудия. Средневековый город с одиннадцатью воротами, с полукруглым выступом у каждого ворот, с толстыми стенами, доходившими до 8 метров толщины, с лабиринтом мелких кривых улиц, мог выдержать длительную осаду. Но М. В. Фрунзе, несмотря на перевес сил противника, приказал взять Старую Бухару штурмом. Эта ответственная задача была возложена на левую колонну Каганской группы советских войск.

Бои за овладение городом продолжались в течение 30—31 августа и 1 сентября 1920 г. В ходе боев эмир прибегал к самым коварным методам, не останавливаясь перед подлой и гнусной провокацией.

Так, 30 августа в районе кладбища неожиданно появилась группа мулл и муллобачей. С белыми флагами в руках они направились в расположение советских частей, на участок, занимаемый одним из полков молодой Бухарской Красной Армии. Плохо обученные и не искушенные бойцы-мусульмане легко поддались на хитрую уловку врага, приостановили огонь по приближающимся муллам, за которыми следовали афганские войска. Воспользовавшись этим, афганцы открыли ураганный огонь по красноармейским цепям, нанеся им значительный урон. Положение было восстановлено после

¹ «Известия» Обкома, Облревкома и Политотдела Самаркандской области, 1 сентября 1920 г.

² «Правда Востока», 1935, 8 сентября.

прибытия кавполка, заставившего противника отступить с огромными для него потерями.

В течение 30 августа войска эмира всячески пытались приостановить наступление наших частей, но эти попытки кончились полной неудачей. Метким огнем советских артиллеристов во многих местах были пробиты и разрушены стены старого города. В стену в районе Каршинских ворот было заложено 800 кг взрывчатых веществ. 31 августа красноармейские части ворвались в город. После ожесточенных уличных боев, продолжавшихся 31 августа и частично 1 сентября, противник вынужден был отступить. 2 сентября над Старой Бухарой взвилось победное знамя Красной Армии и восстановленного народа Бухары.

31 августа 1920 г. эмир бежал из своего дворца в Сатара-Махасе по направлению к Гичдувану, откуда, пересекши железную дорогу, взял курс на Восточную Бухару. Его сопровождали афганский посланник, командир афганской бригады Абдул Шукур-хан; бывший афганский представитель в Ташкенте Мухамед Аслон Миршкор и свыше 1000 солдат. Остальная часть эмирского войска уже на второй — третий день после поражения постепенно стала группами рассеиваться по кишлакам и занялась грабежом населения. Об этом Садриддин Айни в статье, помещенной в журнале «Шулап Инкилоб» («Луч революции»), писал:

«С первых дней революции бухарские солдаты начали постепенно покидать свои полки и занялись грабежом местных жителей. Особенно открытый характер грабежи приняли в среду (третий день войны) в Бухаре, когда некоторые жители Бухары и окрестных сел (под влиянием агитации духовенства и других реакционных элементов.— Б. И.), бросив свое имущество, бежали в степь. Бухарские солдаты ловко использовали это обстоятельство: все, что попадалось им под руку, они разоряли, уничтожали, а частью забирали с собой.

Очевидец рассказывает, что в четверг одна группа солдат пришла к нему в дом и потребовала халат, чалму и денег. После них пришла другая группа солдат, почистившая все, что уцелело от предыдущего налета. Однако вслед за ними явилась третья группа солдат, которая, не застав ничего, подняла беспорядочную стрельбу. Хозяину пришлось бросить свой дом и через стену соседнего двора удрасть, чтобы спасти свою жизнь»¹.

Основная масса населения Бухары с первых дней вступления Красной Армии приветствовала ее как армию-освободительную.

¹ Журн. «Шулап Инкилоб», 1920, № 65, стр. 5.

тельницу. Даже те, кто вначале занимал выжидательную позицию, после зверств, проявленных эмиром и его войском, стали сочувственно относиться к Красной Армии.

Преследуя противника в районе Гиджуван, Красная Армия захватила в плен часть эмирских войск и некоторых сановников, в том числе: Али-Кази, Бурхан-Эдина, Раис-муллу Изамедина и др. В старом городе был пленен первый заместитель эмира кушбеги Усман-бек с прислугой.

Армия эмира, в панике обратившись в бегство, бросила по пути отступления все свое снаряжение и вооружение. Красной Армии и восставшим достались огромные военные трофеи: вся материальная часть артиллерии противника, склады оружия и пять слонов. Кроме того, были захвачены все ценности, которые эмир не успел увезти.

Таким образом, восставший бухарский народ с помощью Красной Армии под руководством Бухарской компартии в короткий срок с 29 августа до 2 сентября 1920 г., одержал блестящую победу, разгромив контрреволюционное гнездо бухарского эмира. Этих результатов они добились благодаря тому, что были вооружены самой передовой, ленинской теорией военного искусства, гениальным учением Ленина о стратегии и тактике в революции.

М. В. Фрунзе в телеграмме на имя В. И. Ленина 2 сентября 1920 г. писал:

«Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над «Регистаном» победно развивается красное знамя мировой революции.

Эмир с остатками приверженцев бежал; меры к его задержанию приняты.

Вся центральная и северная Бухара установила революционный режим. Войска российской и бухарской Красной Армии приветствуют с радостной вестью рабочих и крестьян Туркестана и всей России!

Весть о падении Бухарского эмирата явилась праздником для всех народов Туркестана и России. На протяжении ряда лет советский народ испытывал боли и негодование по поводу зверств и издевательств, которым подвергалось население длившимся массам Бухарского эмирата.

Разгром эмирской Бухары, игравшей роль признанного центра черносотенного мусульманского духовенства, — писала

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 330.

4 сентября «Правда», — производит глубочайшее положительное впечатление на трудовые низы.¹

В приветствии бухарскому народу в связи со свержением эмирского режима правительство Советского Туркестана, выражая чувства всех советских людей, заявило:

«И вот телеграф приносит радостную весть: трудовые массы Бухары восстали, бухарская беднота организовала Красную Армию и штурмом взяла цитадель эмирского произвола — Старую Бухару.

Под залп орудий и винтовок родилось новое революционное правительство — Бухарский Революционный Комитет».²

Бухарские революционные части совместно с Красной Армией, продолжая преследовать эмира, в течение короткого времени, в тяжелых боях, освободили почти всю западную часть бывшего эмирата и приступили к освобождению Восточной Бухары.

14 сентября 1920 г. на первом Всебухарском курултае была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика с учреждением законодательного и исполнительного органов в лице Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров.

Создание Бухарской Народной Республики было осуществлено при активной и всесторонней помощи со стороны русского пролетариата, руководимого партией Ленина.

В телеграмме, посланной Турккомиссией ВЦИК и СНК РСФСР на имя Бухарского Ревкома тотчас после победы революции, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев твердо и уверенно заявили, что произвол эмира и беков уничтожен навсегда, что никому не удастся вырвать из рук бухарского дехканства землю, которую ему дала революция. Никому не удастся восстановить угнетение и позорный режим бесправия. Братский союз Советской Федеративной России и Советской Бухары скреплен кровью в общей борьбе. Он станет нерушимым и в дальнейшем».³

14 сентября 1920 г., вслед за образованием правительства, декретом Революционного Комитета БНСР было провозглашено: «Все земли, воды, леса и природные богатства в пределах БНСР, в чем бы пользовании они ни находились, считаются единым народным достоянием; все земли — вакуфные, бывших эмирских чиновников, сановников, а также байские —

¹ Цит. по кн.: А. И. Никитин. Указ. работа, стр. 194.

² ЦГАОР УССР, ф. 17, оп. 1, д. 145, л. 112.

³ «Правда Востока», 1935, 6 сентября.

распределяются между трудящимися: в первую очередь между чойрикерами и сельскохозяйственными мардикорами, во вторую — между безземельными и малоземельными дехканами по трудовой норме, а на остальных частях земельного фонда организируются советские хозяйства, артели и товарищества»¹.

Весь сельскохозяйственный инвентарь, принадлежавший эксплуататорам, также подлежал распределению между трудящимися, в соответствии с их потребностями. Участки, не превышавшие трудовых норм, закреплялись за их хозяевами.

Этот исторический акт явился величайшим событием в жизни трудящихся эмирата, веками мечтавших о свободе и праве на свободное пользование природными богатствами своей страны.

Воля миллионного народа, освобожденного революцией, была зафиксирована и закреплена Конституцией БНСР, которая гласила:

«Свергнувший власть эмира революционный бухарский народ устанавливает у себя новый порядок государственного управления, именуемый Советской республикой. С падением эмирской власти и переходом государственного управления непосредственно в руки самого бухарского народа, прежнее Бухарское ханство объявляется Бухарской Народной Советской Республикой»².

Это была новая форма государства, созданного в результате свержения власти эмира и беков.

Бухарская революция протекала в обстановке, требовавшей, прежде всего, разрешения буржуазно-демократических задач. Это было возможно при условии наличия единого фронта всех революционных и демократических сил, боровшихся против эмирского черносотенно-деспотического режима. Соприобщенное в результате революции государство не могло сразу приобрести социалистического характера, так как не было еще соответствующих экономических и психологических предпосылок. Вот почему новый государственный строй принял форму Народной Советской Республики.

В беседе «Положение в Бухаре», характеризуя Бухарскую революцию, В. В. Куйбышев заявил: «Революцией в Бухаре руководили коммунисты. Между тем, в результате революции по вполне понятным объективным причинам установлен строй,

который нельзя назвать социалистическим, так как для этого не созрели ни экономические, ни психологические условия»¹.

Бухара являлась одной из самых отсталых полуколоний царизма. Крестьянство, в общей сложности составлявшее около 80% населения, подвергалось бесчеловеческой эксплуатации со стороны феодалов и реакционного духовенства во главе с эмиром. Не в лучшем положении находились городские полупролетарские элементы (ремесленники), к которым примыкали передовые слои демократической интеллигенции, а также отдельные представители торгового капитала и рядового духовенства.

В тезисах, выпущенных летом 1920 г., ЦК Коммунистической партии Туркестана говорилось о характере бухарской революции следующее: «Революция в Бухаре ведется со стороны трудового дехканства, рабочих, бедноты против эмирского правительства, беков, реакционных улема и крупных землевладельцев, ближайшей задачей которой (революции — Б. И.) является отмена старого сословного неравенства, режима насилия и установление советского самоуправления, раздел земли между безземельными и малоземельными дехканами, отмена всех старых налогов, культурное просвещение вместо духовного мракобесия, державшего их (дехкан — Б. И.) в невежестве»².

Эти обстоятельства явились причиной того, что революция на первых порах носила в основном буржуазно-демократический характер. «На Бухаре, — говорил В. В. Куйбышев, — оправдался тезис, принятый на II Конгрессе Коминтерна. На первых порах революция в колониях не будет коммунистической, но если с самого начала во главе ее станет коммунистический авангард, то революционные массы будут выведены на верную дорогу к достижению поставленных целей, путем постепенного приобретения революционного опыта»³.

Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР, учитывая классовое соотношение сил накануне революции в Бухаре, приняла все меры к тому, чтобы создать единый фронт всех революционных и демократических элементов страны для быстрого свержения эмирата. При этом руководящим ядром единого фронта стала Коммунистическая партия, выступившая как авангард всех трудящихся.

¹ Вестник НКВД. № 4—5, апрель-май 1922 г., стр. 127.

² Конституция Бухарской Народной Советской Республики, утвержденная вторым Всебухарским курултаем, 23 сентября 1922 г.

¹ «Известия ТуркЦИК», 1920, 4 ноября.

² Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд, рукопись № 203.

³ «Известия ТуркЦИК», 1920, 4 ноября.

В Бухарской революции на первых порах участвовали и младобухарцы, несмотря на их монархическую программу. Но это было сделано ими лишь для того, чтобы, во-первых, не оказаться изолированными; во-вторых, в случае победы революции пробраться к власти и повернуть государство назад к «конституционному» эмирату. Совершенно не случайно провалившись в своих планах, многие из них активно выступали против Советской власти, поддерживали басмачество, пытались реставрировать эмирский строй в Бухаре.

Следует, однако, отметить, что часть младобухарцев из числа наиболее демократических элементов, своевременно порвавшая со своими руководителями, была принята в ряды БКП, будучи членами БКП, активно боролась за перевод Бухары на путь социалистического строительства и приняла деятельное участие в разгроме контрреволюции.

«Опыт всех революций, — писал В. И. Ленин, — и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения»¹.

Эти слова великого Ленина целиком и полностью подтвердились и на опыте Бухарской революции. На помощь угнетенным массам Бухары пришел русский рабочий класс, который в союзе с беднейшим крестьянством победил русских помещиков и капиталистов и установил в России диктатуру пролетариата. Красная Армия Советской России вместе с бухарскими коммунистами объединила распыленные и отсталые слои трудящихся Бухары, повела их на штурм эмирата и обеспечила победу революции.

После победы революции, опираясь на помощь передового социалистического государства — РСФСР, освобожденные народы бывшего эмирата сделали серьезные шаги в деле создания условий для перехода к социалистическому строительству. Организация национальной промышленности и, следовательно, восстановление формирования национального пролетариата, восстановление сельского хозяйства и сплочение трудящихся вокруг Советской власти посредством вовлечения их в профсоюзы и общегосударственные организации (союз «Кошчи», кооперация и т. д.) — все это создало необходимые предпосылки для дальнейшего развития Бухары по пути к социализму. Молодая Коммунистическая партия Бухары сумела подготовить как материальные, так и политические и психологические условия для достиже-

ния поставленных задач. Отсталая, с дедовской азиатской техникой как в сельском хозяйстве, так и в кустарном производстве, феодальная страна с помощью русского пролетариата, во главе с великой партией Ленина в максимально короткий срок, минуя капитализм, прямо перешла от феодализма к социализму. Это является еще одним доказательством жизненности и верности марксистско-ленинского положения о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»².

Итак, необходимо отметить четыре решающих фактора, обеспечивших победу революции в Бухаре.

Во-первых, революция в Бухаре произошла под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции; без нее победа революции в Бухаре была бы невозможной;

Во-вторых, революция в Бухаре явилась результатом победоносного восстания трудящихся масс страны;

В-третьих, революция была осуществлена при активной помощи со стороны русского пролетариата и беднейшего крестьянства;

В-четвертых, революция победила потому, что руководила ею Коммунистическая партия, которая сплотила трудящихся Бухары и мобилизовала их на успешную борьбу против эмирата.

В результате революции в Бухаре был осуществлен принцип равноправия национальностей и проведена конфискация эмирских земель, земель крупных феодалов и их родственников. Революционное правительство передало в распоряжение трудящихся «эмирские земли в количестве 3461 десятины, вакуфных земель — 124705 десятин»².

Конституция Бухарской Народной Советской Республики провозгласила, что «все граждане БНСР, проживающие на территории последней, пользуются неограниченным правом распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом как благоприобретенным, так и перешедшим к ним по наследству» и что «отныне правительство БНСР не ставит никаких ограничений в отношении частного владения и распоряжения капиталом в любом размере, пользования де-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

² Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана. Рукописный фонд. Информационный отчет о БНСР за 1923 г.

нежными кредитами и другими средствами, необходимыми для развития промышленного и торгового оборотов»¹. Из этого следует, что частная собственность на первых порах не была затронута. Крестьянам оказывалось всяческое содействие в укреплении их индивидуального хозяйства.

Придавая исключительно важное значение вопросу о руководстве бухарскими коммунистами делом вовлечения трудящихся бывшего эмирата в органы Советской власти, для оказания помощи БКП, правительство РСФСР направило в Бухару В. В. Куйбышева. 11 сентября 1920 г. он был назначен полномочным представителем РСФСР в Бухаре, а 14 октября того же года полномочным представителем Коминтерна и Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). Назначение В. В. Куйбышева на этот пост сыграло исключительно большую роль в дальнейшем укреплении Бухарской компартии и развитии страны по пути к социализму.

Победа революции в Бухаре имела громадное значение не только для народов бывшего Бухарского эмирата, но и для трудящихся зарубежного Востока.

Туркестан — вклинивающийся в зарубежный Восток, играл важнейшую революционизирующую роль по отношению к народам Афганистана, Ирана, Индии и других стран. Поэтому революционные преобразования, проведенные в Туркестане, являлись искрой, способной поджечь порох недовольства против империалистов, накопленный народами сопредельных с ним стран.

Победа революции в Бухаре и ее дальнейшее развитие явились серьезной угрозой английскому владычеству на Востоке. Английские империалисты и все враги Советской власти лишились одного из своих основных плацдармов на границах с Советской Россией. Советская Россия и Советский Туркестан приобрели верного союзника в лице Бухарской (Советской) Республики.

Английские империалисты решили использовать остатки враждебных элементов, сохранившихся в Бухаре, для борьбы против победившего бухарского народа. К концу 1920 г. и началу 1921 г. бывшему эмиру бухарскому при содействии англичан удалось сколотить в Восточной Бухаре контрреволюционные силы с целью нападения на БНСР.

Одновременно в Центральной Бухаре прибывающие сюда и оставшиеся здесь контрреволюционные силы пытались объе-

диниться для нанесения удара Советской власти изнутри. Об этом, помимо других источников, совершенно ясно пишет английский историк Вейлер. «Бухара стала местом сбора для мусульманских интеллигентов из многих частей России; среди них был башкирский лидер Зеки Валидов, который прибыл в Бухару в 1921 году и принялся за организацию тайного туркестанского Национального Союза»¹, в задачу которого входило создание под эгидой иностранных держав «самостоятельного» Туркестана, оторванного от Советской России. Однако, благодаря всемерной помощи, оказанной русским рабочим классом и беднейшим крестьянством, бухарские революционные войска совместно с частями Красной Армии разгромили контрреволюционные эмирские банды. Весной 1921 г. бывший эмир бухарский Алим-хан вынужден был бежать в Афганистан.

Потерпев полное поражение, враги Советской власти, начиная от буржуазных националистов и кончая бывшим эмиром бухарским, возглавляемые английскими империалистами, предпринимали еще ряд попыток восстановить черносотенно-деспотический строй в Бухаре. Об этом, в частности, свидетельствует письмо бывшего эмира бухарского, посланное им в Кабула своим друзьям Энверу, Давлят-Манд-бию и Ишану-Султану. В послании указывалось: «Из письма Казначи выясняется, что Хаджамирахур-баши и Мирза Мушраф полностью сговорились с английским правительством, и дело устроилось на счет войск и батарей, которые ...прибудут через Шугнан и Дарваз. Сколько бы ни потребовалось винтовок, будут отсюда вам доставляться»².

В августе 1922 г. английские агенты в Кабуле созвали специальное совещание по вопросу о дальнейшей борьбе против Советской власти. По предложению англичан для связи между Сами-Бейем, действовавшим в Восточной Бухаре, и англичанами, находившимися в Афганистане, были использованы националист Усман-ходжа и генерал Кари-Эфенди. К осени того же года Сами-Бей через Дарваз получил из Индии 40 ящиков вооружения, следовавших под охраной 15 человек.

Осенью 1923 г. по инициативе англичан в Мешхеде между представителями бывшего эмира бухарского неким Мамед-Тарри-беком и англичанами был заключен договор, по которому территория бывшего Бухарского ханства после победы в стране контрреволюции должна была стать колонией английского

¹ C. Wheeler The modern history of Soviet Central Asia. London 1965. P. 108—109.

² «Правда», 1923, 5 июня.

¹ Съезды Советов в документах, 1917—1936, т. II, Госюриздат, М., 1960, стр. 592.

империализма. Согласно этому договору, состоявшему из 18 пунктов, бывшему эмиру гарантировалась помощь в его контрреволюционных мероприятиях, вплоть до вооруженного вмешательства Англии. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Успехи, одержанные трудящимися Бухарской Народной Республики, явились результатом мероприятий, проводимых под руководством Коммунистической партии.

Еще 5 сентября 1920 г. на совместном заседании представителей правительства РСФСР, ЦК РКП(б) и Бухарского Ревкома было принято специальное решение:

«Признать необходимым тесную военно-оперативную связь (БНСР. — Б. И.) с РСФСР, для чего иметь на территории Бухары объединяющий единый орган по проведению наступательной и оборонительной политики»¹.

Этим объединяющим органом явился созданный Военный Совет Бухарских войск, куда входили представители РСФСР и Бухарского Ревкома.

Вслед за тем Бухарский Ревком приступил к формированию бухарской стрелковой бригады и одной кавалерийской дивизии.

С целью поднятия благосостояния трудящихся и укрепления экономики БНСР, правительством РСФСР было внесено в Бухарский Народный банк 200 миллионов рублей золотом.

Правительство РСФСР направило в Бухару эшелоны товаров для удовлетворения потребностей бухарского народа, бухарскому правительству был передан ряд заводов и фабрик из Центральной России, в том числе фабрика «Красный Восток».

В статье «Наши задачи на Востоке» И. В. Сталин показал пути вовлечения трудящихся масс ранее угнетенных народов в строительство Советского государства. Они состояли в том, чтобы ликвидировать все и всякие ограничения, формальные и фактические, унаследованные от старого режима или приобретенные в атмосфере гражданской войны, мешающие развитию максимальной самостоятельности народов Востока. Только таким образом можно было сделать Советскую власть близкой и родной для поработанных народов обширного Востока...²

Только таким образом можно будет перекинуть мост между пролетарской революцией Запада и антиимпериалистическим

¹ ЦГАСА, фонд 110, д. 107, л. 7.

² См. И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 238.

движением Востока, создав таким образом всеохватывающее кольцо вокруг издыхающего империализма¹.

В 1923 г., после ликвидации басмачества, началось дальнейшее упрочение Советской власти во всей Восточной Бухаре. В Восточной Бухаре, — сообщало тогда Туркестанское телеграфное агентство (ТуркТА), — закрылся национальный курултай таджиков; присутствовало три тысячи делегатов. Курултай прошел с большим подъемом, под знаком решительной расправы с басмачеством. Приветствуя Бухарскую компартию, курултай заявил о полной готовности таджикского населения идти по пути окончательного освобождения угнетенных масс Востока².

Советский строй создал благоприятные возможности для ликвидации экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся народов. В резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» определялась конкретная программа перехода от феодализма к социализму ранее отсталых народов.

Задача партии заключалась в том, чтобы «помочь трудным массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию»³. Эта помощь выражалась в развитии и укреплении национальной советской государственности, в укреплении действующих на родном языке административных органов, в развитии прессы, школы, театра и всей культурно-просветительской работы на родном языке, в системе школьного и профессионально-технического образования, в подготовке местных квалифицированных кадров в области управления, народного хозяйства, культурного строительства и, в первую очередь, в области просвещения.

Осуществляя эту программу, большевики Средней Азии обеспечили полную победу трудящихся масс, в том числе трудящихся бывшего Бухарского эмирата в их борьбе за построение социалистического общества. Успехи и достижения народов Советского Востока служили и служат могучим фактором для освобождения угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран.

¹ Там же.

² Партагив Института истории партии при ЦК КП Ул., ф. 14, л. 61.

³ КПСС в резолюциях. Часть I, издание седьмое, 1954, стр. 559.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги борьбы трудящихся масс Бухары и Советского Туркестана против эмирата — очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии — в период гражданской войны, необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Враждебно встретив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, эмирская Бухара с первых дней существования Советской власти развернула активную антисоветскую деятельность, направленную против Советского Туркестана. В этой своей деятельности она опиралась на реакционные элементы внутри страны и на поддержку империалистической Англии, в агрессивных планах которой ей отводилось важное место, как одному из очагов иностранной интервенции и белогвардейской контрреволюции в Средней Азии.

2. Не имея сил для самостоятельного вооруженного нападения на Советский Туркестан, эмирская Бухара, при содействии англичан, вступила в союз с закаспийским белогвардейским «правительством», кокандскими автономистами, ферганским басмачеством, семиреченскими кулаками и другими контрреволюционными, в том числе буржуазно-националистическими элементами, борющимися против Советской власти в Средней Азии. Одновременно при посредстве тех же англичан была установлена связь эмирской Бухары со ставленниками Антанты — Колчаком, Деникиным, Духовым, действовавшими на территории России.

3. С целью обеспечения более прочной базы и удобного плацдарма для нападения на Советский Туркестан, английскими империалистами упрочили связь эмирской Бухары с правящими реакционными кругами Афганистана и Ирана, организовав через них снабжение Бухары вооружением и боепри-

пасами. Не ограничившись этим, англичане, заключив военный договор с Бухарой, подчинили ее полностью своим интересам, толкнули эмира на путь открытой агрессии против Советского Туркестана. По указке агентов империалистической Англии, при помощи белогвардейских и афганских инструкторов, эмир создал довольно большую регулярную армию и расширил в значительной мере состав иррегулярных войск. Со своей стороны, правительство Афганистана направило в Бухару целое войсковое соединение. В оплату за оказываемые «услуги» правительство Великобритании выкачивало из Бухары промышленное сырье, золотые и серебряные запасы.

4. Мобилизуя все свои ресурсы на подготовку к войне, эмирская Бухара, подстрекаемая империалистической Англией и российской контрреволюцией, попыталась весной 1919 г. навязать Советскому Туркестану вооруженное столкновение, результатом чего явились керкинские события, затеянные эмиром совместно с закаспийскими белогвардейцами с целью последующего захвата Чарджуй, служившего важной базой Красной Армии. Потерпев неудачу в этой аванюре, эмир на протяжении всего 1919 г. продолжал провокационные выпады против Советского Туркестана.

5. Резко враждебная к Советскому Туркестану позиция эмирской Бухары не изменилась и после провала первых двух походов Антанты, явившегося результатом успешных боевых действий Красной Армии летом и осенью 1919 г. Присмирившись политикой мнимого нейтралитета, вслестически увиливая от обсуждения неоднократных предложений правительства Советского Туркестана, а затем и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР об установлении нормальных добрососедских взаимоотношений, эмирская Бухара под нажимом Англии продолжала активную подготовку к войне против Советского Туркестана.

6. Роль эмирской Бухары как одного из очагов английских интервентов и российской контрреволюции особенно проявилась к моменту III похода Антанты против Советской России. Получив через Мешхед и Афганистан от англичан вооружение, проведя дополнительную мобилизацию людских сил и материальных ресурсов, эмирская Бухара при содействии Англии вступила в союз с Афганистаном для участия в III походе Антанты. С этой целью ею был предъявлен правительству Советского Туркестана ряд невыполнимых, наглых требований, как например: срочный отвод частей Красной Армии с линии железной дороги, проходящей через территорию Бухары, прекращение дальнейшего продвижения советских войск в За-

каспий через эту территорию; отказ от поддержки революционных элементов внутри Бухары.

7. Своей враждебной политикой по отношению к Советскому Туркестану, ориентацией на английских империалистов и российскую контрреволюцию эмир и его клика довели Бухару до крайней степени нищеты и разорения, что повлекло за собой резкое ухудшение положения трудящихся. В результате возросло недовольство широких масс народа существующим режимом и усилилось революционное движение в стране. В этих условиях возникшая в конце 1918 г. Бухарская компартия мобилизовала и повела народы Бухары на свержение черносотенно-деспотического режима эмирата.

8. Решающую роль в мобилизации трудящихся Бухары в борьбу с эмиратом сыграли упрочение Советской власти и успехи ленинской национальной политики в Туркестане, особенно после прибытия туда Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Могучим фактором освобождения народов Бухары от ига местных и чужеземных поработителей явилась помощь, оказанная великим русским народом в лице рабоче-крестьянской Красной Армии Советской России. Победа, одержанная народами Бухары, а еще ранее — народами Хивы, положила конец открытой интервенции английских империалистов в Средней Азии.

9. Победив внешних и внутренних врагов, народы Бухары — узбеки, таджики и туркмены, при помощи народов Советского Союза, в первую очередь великого русского народа под руководством партии Ленина, совершили успешный переход от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капитализма, и в настоящее время движутся вперед по пути к коммунизму.

**В 1970 году
издательство „Дониш“ АН Таджикской ССР
выпускает в свет следующие книги:**

Коллектив авторов. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. На русском языке. 20 изд. л. Ориентировочная цена 1 руб. 60 коп.

В работе дано подробное описание современных и дореволюционных типов селения, жилищ, одежды и пищи таджиков верховьев Зеравшана с некоторыми экскурсами в более отдаленное прошлое. Приводится большое количество иллюстраций (фото, рисунки, чертежи).

Описание материальной культуры таджиков верховьев р. Зеравшан, областей, входящих в состав древнего Согда, может использоваться при составлении историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, а также этнографами, историками и археологами при расшифровке историко-археологического материала и при решении вопросов этногенеза таджикского народа.

Коллектив авторов. Материальная культура Таджикистана, вып. 2. На русском языке. 15 изд. л. Ориентировочная цена 1 руб. 50 коп.

В сборнике рассматриваются на основании археологических, нумизматических и письменных источников различные вопросы истории, экономики и истории культуры древней Средней Азии.

А. Ахроров. Таджикское кино (1929—1967 гг.). На русском языке. 15 изд. л. Ориентировочная цена 1 руб. 50 коп.

Работа, как первое исследование в области таджикского киноискусства, ставит своей целью показать пути рождения и становления таджикского кино, обсудить творческие проблемы его развития на современном этапе.

Пути распространения кинематографа и организация киномоделя в Таджикистане, первые съемки из жизни таджиков, рождение документального кино, формирование художественного кино, отображающего советскую действительность, — без всего этого общая картина развития советского многонационального киноискусства была бы неполной. Большое внимание в работе уделено анализу фильмов, творческого почерка режиссеров, операторов, актеров, художников экрана. Анализ этого сочетается с исследованием общего творческого процесса в таджикском кино.

Книга написана в популярной форме на основе изучения фильмов таджикского производства, неопубликованных материалов госархивов и печати. Прилагается полная фильмография таджикских художественных и документальных лент, выпущенных за период 1929—1967 гг. Издание иллюстрируется.

Книга представит интерес для работников кино, театра и других художественных организаций, а также для тех, кто интересуется историей советского киноискусства.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Эмирская Бухара накануне Великой Октябрьской социалистической революции	16
Глава II. Влияние Великого Октября на общественно-политическую жизнь Бухары. Контрреволюционная политика Бухарского эмирата	36
Глава III. Подготовка эмирской Бухары к войне против Советского Туркестана и ее роль в трех походах Антанты	68
Глава IV. Прибытие в Туркестан Комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана. Бухарская революция 1920 года	115
Заключение	166

Боходур Искандарович ИСКАНДАРОВ

БУХАРА
(1918—1920 гг.)

Ответ. редактор Виктор Андреевич Козачковский
Редакторы издательства Е. Г. Коцабенко, А. М. Лагерева.
Технический редактор И. С. Полторак.

Сдано в набор 20/VII-1970 г. Подписано к печати 22/X-1970 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. П. л. 10,75. Заказ № 593.
Тираж 1500. КЛ 03925. Цена 1 р. 10 к. В переплете — 1 р. 30 к.

Мейвузовская типография, при ТГУ им. В. И. Ленина

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
8	10 сверху	авто уриускает	автор уиуска
11	17 сверху	сТм	Тем
32	2 снизу	heart	heart
0	4 сверху	писали	писал:
38	15 снизу	письмо	письме
110	13 сверху	Керки	Керки
124	9 снизу	и даже 100 рублей	и даже 1000 рублей
157	3 снизу	А. И. Имамюв	А. И. Имамев